VISIT…

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

ГЛАВА 1
ДРЕВНИЙ МИР

Первые монеты 8
Как делались античные монеты. Фальшивомонетчики 11
Монетные системы. Порча монет. Менялы 15
Монетный тип Древней Греции 23
Монеты Александра Македонского 27
«Портретная галерея» греко-бактрийских царей . . 30
История Рима на его монетах 33
Римские монеты за пределами Империи 42

ГЛАВА 2
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Монеты последнего столетия Рима 46
При Меровингах и Каролингах 48
Порча монет 52
В монетной мастерской и у менялы 56
Серебро и золото 62
На пороге нового времени 68
Монеты и искусство 72

ГЛАВА 3
ВОСТОК ...

Монеты Сасанидского Ирана 79
Без рисунков — одни надписи 84
«Черные» дирхемы и серебряный кризис 89
Финансы и финансисты 93
Монеты Китая 99

ГЛАВА 4
НА РУСИ

Арабские монеты в Древней Руси 104
Западные монеты в Древней Руси 112
Древнерусская денежно-весовая система 115
Свои древнейшие монеты 118
Без монет 122
Русь восстанавливает монетное дело 128
Монеты князей «великих» и «молодших» 134
Денежный мастер Иван Фрязин и одна редкая золотая монета Эрмитажа 138
Зачем изучать технику монетного дела 145
При Иване Грозном и после... 148
В XVII веке... 154
Реформа Петра 159

ГЛАВА 5
НОВОЕ ВРЕМЯ

Зарубежные монеты XVIII—XX веков 162
Из истории русского денежного дела 166
Начало советской монетной чеканки 171

Рекомендуемая литература 175

Г.А. Федоров-Давыдов

МОНЕТЫ – свидетели прошлого

популярная нумизматика

Издательство
Московского
университета
1985

ВВЕДЕНИЕ

Среди множества наук, которыми обогатил и отягчил свой ум современный человек, есть и такая — нумизматика. Это слово происходит от греческого νομισμα или латинского numisma — монета. Нумизматика — это наука о монетах.

Именно о монетах, а не о деньгах. Монеты — только разновидность денег. Это те деньги, которые приобрели вид кусочка металла с клеймом, удостоверяющим его вес и чистоту. И нумизматы изучают эти кусочки металла — сколько они весят, какой пробы металл, что изображено и написано на монете, по какому случаю она отчеканена.

Деньги вообще — это область политической экономии. Деньги до появления монет изучает этнография, описывая первобытные народы. Но нумизматика не может обойтись без выводов политической экономии, так как монеты — это все-таки деньги. Ее интересуют и сведения, добытые этнографами, — воспоминания о примитивных формах денег сопутствуют монетам на протяжении всей их многовековой жизни.

Древние монеты всегда были для людей чем-то заманчивым и притягательным. Клады монет казались зашифрованными посланиями далеких предков. Хотелось их прочесть и понять.

В 1264 году на одном из островов Средиземного моря был найден клад монет. Одну из них доставили каирскому султану. На ней оказалось изображение стоящего царя с весами в одной руке и мечом в другой. На другой стороне была видна голова человека с большими ушами. Какой-то греческий монах, оказавшийся в Каире, прочел надписи вокруг этих изображений. Он определил, что монетам 2300 лет, т. е., если перевести на наше летосчисление, они выбиты в 1036 году до нашей эры. Сейчас мы знаем, что это невозможно. Но тогда греку поверили. Надписи он прочел так: «Я царь Голиаф, весы правосудия и великодушия в правой моей руке для того, кто повинуется, а меч в левой моей руке для того, кто возмущается», а на обороте: «Я царь Голиаф, уши мои открыты для слушания речей оскорбленного, а глаза мои отверсты, чтобы ими видеть благо моего царства». Греческий монах был приближен ко двору султана и, когда пришла нужда посылать кого-то в Константинополь к византийскому императору, его включили в посольство как «философа, прочитавшего медную монету».

Нумизматика вначале развивалась как коллекционирование. Соз-

нательно стали собирать монеты в Италии в эпоху Возрождения. В кружках гуманистов монеты Греции и Рима были предметом бережного, любовного и внимательного изучения.

Знаменитая коллекция была у поэта Петрарки, жившего в XIV веке, у флорентийского мецената Козимо Медичи — в XV веке. Посылая часть своей монетной коллекции императору Карлу IV, Петрарка писал, что правитель должен вдохновляться портретами великих людей древности, которые увидит на их монетах.

Резчик штемпелей из Падуи Джиованни Кавини в XVI веке прославился не только своим знанием старых монет, но и их подделками. Изготовленные им фальсификаты, а позднее вообще всякие антикварные монетные подделки стали называть «падуанцами».

В XVI веке появляются огромные книги, в которых можно было увидеть на рисунках сотни древних греческих и римских монет. Больше всего на монетах интересовали, конечно, портреты. Книга Андрео Фульвио, вышедшая в 1517 году, так и называлась «Изображения знаменитых людей». В 1553 году вышел из печати труд Гильома Руля «Беглый обзор монет наиболее знаменитых лиц, существовавших с сотворения мира, с кратким описанием их жизни и деяний, заимствованным у классиков». Это были первые нумизматические издания. Портреты великих мужей с самого сотворения мира! И Руль искал на монетах этих героев и находил их. Даже Адама и Еву нашел, не говоря уже об Ахилле, Гомере... Книги эти имели огромный успех в тогдашней Европе.

В XVII—XVIII веках во времена абсолютных монархий в каждой столице стало обязательным при дворце иметь минцкабинет. Короли и императоры скупали старые монеты. Они были так же престижны, как хорошая картинная галерея. Образовались большие нумизматические собрания в Лондоне, Париже, Вене, Петербурге.

В XVIII веке были предприняты попытки разобраться в этой накопленной массе старых монет и, отказавшись от фантастических поисков и отождествлений, перейти к научной их классификации. Первый шаг был сделан австрийским аббатом Иосифом-Иларием Эккелем (1737—1798). В многотомной «Науке о древних монетах» Эккель определил и систематизировал более 70 тысяч монет. Он расположил свои описания по городам чеканки так, как будто плыл вдоль берегов Средиземного моря от Испании к Сирии с заходом в Черное море и обратно, вдоль африканского побережья, останавливаясь в каждом древнем порту или совершая экскурсии в глубину материка, когда город оказывался далеко от берега.

Основателем научной классификации восточных монет был выходец из Германии академик Российской Академии наук, профессор Казанского университета Христиан Мартин Френ (1782—1851).

В 1807 году Френа пригласили в Россию читать лекции в Казанском университете. Там коллекции золотоордынских монет, которых очень много находили в Поволжье, дали ему прекрасный материал для изучения Золотой Орды. Френ создал золотоордынскую нумизматику и тем обессмертил свое имя. Он показал, что по монетам можно восстановить многие детали политической истории этого государства, узнать о ханах, которые нигде не упомянуты — ни в русских летопи-

сях, ни в восточных хрониках, ни в записках западноевропейских путешественников.

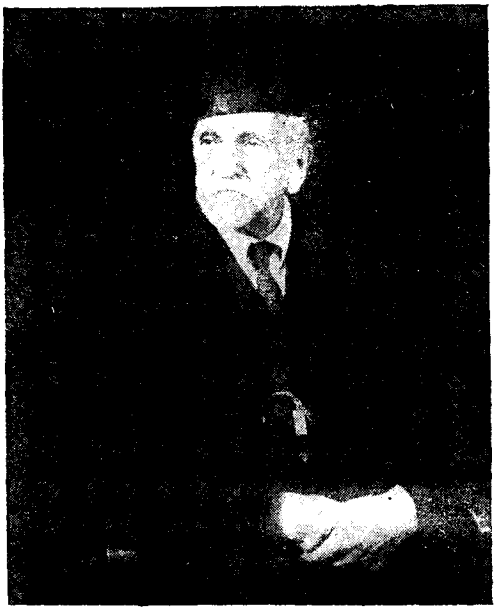
Френу предложили вернуться на родину и занять место в Ростокском университете, в котором он еще недавно учился. Но ученый не мог расстаться с любимыми восточными монетами, которые только-только начали «говорить». Уже по пути в Германию, увидев безбрежное их море в собраниях Академии наук в Петербурге, Френ отказался уезжать и навсегда остался в России. Пропустив через свои руки около 3 миллионов монет, создав нумизматическую коллекцию Азиатского музея Российской Академии наук и описав ее, «князь восточной нумизматики» Френ сделал в своей области то же, что в античной нумизматике Эккель.

Х. М. Френ (1782—1851). «Князь восточной нумизматики».

Замечательным русским нумизматом был Алексей Васильевич Орешников (1855—1933), прославившийся своими работами по античным монетам Северного Причерноморья и по нумизматике Древней Руси. Тщательно сопоставляя монеты с другими источниками — рукописями, надписями, известиями древних авторов, он утверждал, что монета — важный исторический памятник. Много сил отдал Орешников изучению монет Боспора Киммерийского — древнего государства, созданного греками в районе современной Керчи и Тамани, а также монет Херсонеса (близ Севастополя). В 1896 году вышла в свет его книга «Русские монеты до 1547 года». Он заново распределил русские монеты по княжествам, городам и князьям. Многие сотни монет нашли себе постоянное и прочное место и получили исторические комментарии.

Кроме точных определений монет и их систематизации перед нумизматикой стояли и другие задачи. Одна из них была подсобной. В «Русской Правде» говорится, что за одно преступление нужно платить столько-то «кун», а за другое — столько-то «ногат». Цена товаров выражается в «резанах» или «гривнах». Как сопоставить эти оценки, как решить, много или мало нужно было платить за корову или овцу, за убийство смерда или тиуна? Нумизматика стремилась определить реальную стоимость этих денежных единиц и их соотношение, чтобы помочь историку читать древние письменные источники.

Но монеты сами становились историческими источниками. Комментарии к надписям на деньгах и разъяснения изображений связывали их с политической историей. Какой правитель, по какому случаю, пре-



А. В. Орешников (1855—1933). Он утверждал, что монета — важный исторический источник.

следуя какие цели, отчеканил монету? На монету стали смотреть как на сложнейший исторический документ и одновременно как на средство массовой информации древности, которое несло портрет правителя, его имя, лозунги его правления в дома обывателей — и богатых и бедных.

Если встречались две монеты совершенно одинаковые, казалось, достаточно оставить из них одну, лучшей сохранности — так подбирались монеты в музейных собраниях еще в XIX веке. Но уже в конце века было понято, что в монете важен вес, а чтобы его определить, нужно взвесить много однотипных монет. Стали исследовать пробу металла и его примеси. Наконец, пришли к убеждению, что нужно сохранять и изучать все древние монеты. Нумизматы стали работать с массовым монетным материалом. Выделилась особая отрасль — нумизматическая метрология, т. е. реконструкция и изучение весовых систем, заложенных в монетах.

Древние монеты приходят к нам из кладов, где они лежат долгие годы, дожидаясь случая. Но вплоть до XX века клады не хранили. Отбирали лучшие монеты, главным образом те, которые отсутствовали в собраниях, а остальные пускали на переплавку. Только в XX веке было окончательно осознано, что клады монет во много раз более ценный исторический источник, чем отдельная, неизвестно откуда взявшаяся монета. Клады стали хранить и изучать. Родилось новое направление в нумизматике — «кладоведение».

Как зарыт клад — во время военного нашествия или городского мятежа, что он собой представляет — войсковую казну, возимую вслед за армией, или монастырское сокровище, деньги, просто зарытые в землю, лишние на сегодняшний день, которые вынут, как только в них будет нужда, или фамильное достояние, сберегаемое и дополняемое многими поколениями? Клады находили и на месте стоянки русских арктических мореходов, и в раскопанном археологами жилище Новгорода X века, в старом пне и в стене церкви, под плугом и ножом бульдозера. И каждый раз, как монеты поступают к ученому, он, «волнуясь и спеша», перебирает их, чтобы поскорей определить, когда зарыт клад, какие в нем монеты. И потом с лупой и весами приступает к долгому и тщательному исследованию его любимых, уже вычищенных и реставрированных монет.

Клад потому так интересен нумизмату, что является памятником и источником изучения древней торговли, денежного обращения, т. е. экономики прошлых эпох. В нумизматике XX века это направление стало главным.

Двадцать лет назад я выпустил книгу «Монеты рассказывают». Тогда я хотел показать работу ученого-нумизмата, изложить ее основные принципы и некоторые понятия науки о монетах. Потому и главы в книге были такие: «Монетный тип», «Как определяют древние монеты», «Названия монет», «Тысячи взвешиваний», «Денежная реформа» и т. п. Сейчас я решил изложить развитие денежного дела по странам и векам так, как оно представляется в современной нумизматике. Пришлось провести трудный отбор — что взять, что опустить. Мне хотелось на некоторых ярких примерах выявить отличительные особенности эпохи и страны — так, как они отразились в монетах.

Монеты — свидетели прошлого. Когда-то я хотел показать, как они рассказывают о нем. Теперь я делаю попытку хотя бы кратко изложить, что же они рассказали.

Я хотел бы искренне поблагодарить за помощь в работе и советы В. В. Кропоткина, А. С. Мельникову, Н. М. Смирнову, А. Д. Никитина, В. Л. Янина и особенно А. П. Шишкина, прочитавшего рукопись, выправившего много ошибок в ней и указавшего некоторые новые интересные сюжеты.

Глава 1

ДРЕВНИЙ МИР

ПЕРВЫЕ МОНЕТЫ

До появления денег люди торговали, прямо обменивая покупаемый товар на продаваемый. Это так называемая меновая торговля. В условленное место приносились продукты, предназначенные для обмена. Договаривались заранее с соседними племенами, и они приходили, оставляли свои товары и забирали оставленные для них.

Могли обмениваться товарами и в присутствии друг друга. Грэм Грин, путешествуя по Африке, записал такой случай: «За переправу на лодке лодочник требовал в уплату слоновую кость... Этого у меня не было, но я узнал, что у Магомета ибн Салиба она есть и что ему, в свою очередь, нужна одежда. Так как у меня ее не было, то это сведение мне мало помогло, пока я не узнал, что у Магомета ибн Гаариба есть одежда и что ему нужна проволока, которая у меня, по счастью, была. Таким образом я дал Магомету ибн Гаарибу потребное количество проволоки, за которую он дал Магомету ибн Салибу одежду, тот, в свою очередь, дал взамен ее управляющему Сай ибн Габиба требуемое количество слоновой кости, после чего я получил, наконец, лодку».

Постепенно какой-то товар принимает на себя обязанности быть посредником при продаже-обмене. В нем выражается стоимость всех других товаров. В нем измеряется то количество труда, которое затрачено на производство товаров. Этот товар становится всеобщим эквивалентом. Так появляются товаро-деньги. Развитие обмена, подхлестываемое разделением труда, требовало таких товаро-денег. Ими могли быть раковины «каури», бусы и даже собачьи зубы и свиные хвосты. Но самым распространенным видом товаро-денег были скот и слитки металла. Само слово «деньги» в разных языках сохранило связь с древними товарами — всеобщими эквивалентами. Pecunia — «деньги» по-латыни, от слова pecus — «скот». У славян слово «скот» имеет второе значение — имущество, богатство. В древнерусском языке «скотьница» означала казнохранилище.

Гривна — металлическое украшение — стала названием древнерусских денежной и весовой единиц.

В древнейших восточных деспотиях — в фараоновском Египте, государствах Месопотамии, у хеттов — монет не было. Торговали главным образом на товаро-деньги, на скот, часто на слитки металла, обычно серебра. Египетский художник изобразил сцену торга так: показал весы, на одной чаше — слитки, по-видимому, драгоценного металла, на другой — гири. Вес металла — это цена товара. В законах царя Хаммурапи, известных сейчас каждому студенту-историку, упоминает-

ся торговая единица — мина, равная 60 сиклям. 60 мин составляли талант — это греческое слово дожило до наших дней. Евангельская притча рассказывает о человеке, который, вместо того чтобы пустить серебро в рост, зарыл талант в землю. Имеется в виду, что он зарыл талант серебра в виде клада, т. е. поступил «не талантливо» с коммерческой точки зрения.

Крито-микенский мир и гомеровская Греция монет не знали. Торговля велась с помощью товаро-денег:

> ...покупали, платя кто железом, кто яркою медью,
> Кто же бычачьими шкурами, кто и самими быками
> Или рабами...

Генрих Шлиман в Микенах нашел золотые бруски. Артур Эванс на Крите, раскапывая Кносский дворец, обнаружил денежные слитки в виде шкуры быка. От более поздней, гомеровской, эпохи сохранились в одном из погребений в Арголиде (Греция) железные прутья. Это тоже были товаро-деньги. 6 таких «оболов» (по-гречески прут — «обол») составляли «драхму», что значит горсть.

Небольшие кусочки металла, иногда в форме бобового семени, использовались в торговле на многих островах и в некоторых городах Греции. Им не хватало только оттисков государственного штемпеля, который удостоверил бы чистоту и вес металла. До изобретения монет оставался один шаг.

Где же был сделан этот шаг? Где появилось это клеймо государства на кусочках металла, то, что К. Маркс называл «национальным мундиром», в который облачается денежный слиток для того, чтобы стать монетой?

Сами греки считали, что монеты изобрели легендарные герои вместе с ремеслами и письменностью или что их дали людям боги. Греки, жившие в Аттике, полагали, что монету изобрел сын богини земли Геи и воспитанник Афины герой царь Эрихтоний, который, кроме того, учредил Панафинейские игры и культ богини Афины, построил ей храм и научил греков управлять четверкой лошадей — квадригой. В Афинах верили также, что монету им дал герой Тезей — тот, который убил Минотавра. Он якобы придумал монеты с головой быка. Римляне приписывали это открытие богу судьбы и всех начал Янусу — на некоторых монетах Рима был изображен этот двуликий бог (табл. I). Но кроме мифов и легенд, народной поэзии и литературных измышлений в античном мире была наука. И историческая наука древних греков дала ответ на вопрос, где появились древнейшие монеты: их родина, указывали греческие историки, — малоазийское государство Лидия. Геродот прямо писал: «Первыми из людей они (лидийцы), насколько мы знаем, стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монету и впервые занялись мелочной торговлей». Сейчас установлено, что в Лидии в VII веке до н. э. действительно начали чеканить древнейшие монеты. Они были из электра — сплава серебра и золота.

Слиточек металла в виде бобового семени при помощи пучка тонких стерженьков придавливали к наковаленке. Самые первые монеты имели на одной стороне только отпечатки этих квадратных в сечении стержней — штемпелей и каких-то линий от наковальни — на другой.

Потом стали на наковаленке вырезать изображение и получать на слитке его оттиск.

Тогда же примерно, независимо от Лидии, появились монеты на греческом острове Эгине. Эгинские монеты имели совсем другой вид, чем лидийские, и чеканились из серебра. Шарик металла вдавливался квадратным в сечении штемпелем в глубоко врезанное на наковаленке изображение черепахи. Верхний штемпель снабжали маленькими шипами, чтобы он не соскальзывал с монеты. Они отпечатывались на металле (табл. I). Черепаха была священным животным Аполлона, который на острове особо почитался. К тому же он был среди прочих своих «должностей» покровителем торговли и мореплавания. Эгинские монеты прозвали «черепашками».

Так в греческих городах Малой Азии и на островах, омываемых теплыми водами Эгейского моря, то спокойно-лазурного, то «темнокипящего», удобного для мореплавания, где можно было ходить на маленьких кораблях под парусом и на веслах, не теряя из вида суши, стали чеканиться первые монеты — событие замечательное, если учесть, что с тех пор монеты сопутствуют человечеству в его исторической жизни до сего дня — проклинаемые («презренный металл»), но вместе с тем обожаемые, вожделенные...

Монеты быстро распространились по всему Средиземноморскому побережью. Они были главным образом серебряными или электровыми. Прославившийся своим богатством лидийский царь Крез еще в VI веке до н. э. стал чеканить золотые монеты — «крезеиды». Затем золото принял как монетный металл Дарий, царь Ирана.

Отливались и чеканились монеты также из меди, бронзы и латуни. Очень редко, но все же делали монеты из никеля (в восточном эллинистическом государстве Бактрии) и из железа.

Появление монет — важный рубеж в истории. Оно свидетельствует о том, что общество достигло высокой степени экономического и социального развития. Если чеканится монета, можно утверждать, что общество уже достигло стадии государства или очень близко подошло к ней. Но если монет нет, то нельзя на этом основании говорить, что общество еще было догосударственным. Многие древние государства до греков металлических чеканенных монет не знали. Даже такие «торговые» народы древности, как финикийцы.

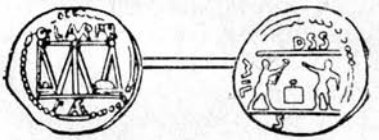
Община свободных граждан — греческий полис, где были изобретены монеты, не был задавлен, как на Востоке, мощной бюрократической властью, не был опутан влиянием жречества, тягостным и всепроникающим. Греческие города стали более развитыми и мобильными государствами.

Монеты, которые чеканились в Иране — в этой огромной восточной державе, почти не обращались во внутренних ее районах. Они предназначались для торговых городов Средиземноморского побережья, главным образом для западной части Малой Азии. В самом же Иране продолжали торговать на слитки и товаро-деньги. Там звонкая монета не ходила на рынках, а оседала в сокровищницах Персеполя, Экбатан, Суз. Когда нужно было, ее оттуда извлекали, чтобы платить жалованье греческим наемникам или устраивать политические подкупы.

КАК ДЕЛАЛИСЬ АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ. ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ

Очень скоро от примитивной техники чеканки лидийских и эгинских монет перешли к более совершенной: монетный кружок, который получали обычно литьем, клали между двумя цилиндрическими или квадратными в сечении штемпелями — нижний закреплен был в наковальне, а по верхнему ударяли молотком.

Есть монета, чеканенная в Пестуме, в Южной Италии, на которой изображены на одной стороне весы — необходимый инструмент монетчиков, так как кусочки металла (монетные кружки) должны были взвешиваться, а на другой — чеканщик с молотком, занесенным над штемпелем. На римской монете магистрата Тита Каризия, выбитой в 46 году до н. э., показаны инструменты монетчиков — наковальня, щипцы, чтобы держать штемпель, и молоток. На лицевой стороне написано слово «Монета» и изображена голова богини Юноны, имевшей одним из своих прозвищ это слово. Юнона Монета значило — Юнона Предупредительница. В храме Юноны Монеты была мастерская по чеканке денег, и этим эпитетом богини стали называть чеканенные кружки драгоценного металла. Таково в общем-то случайное происхождение этого слова. На монете Тита Каризия есть еще один символ — шапка бога Вулкана, покровителя кузнецов, к которым относили себя денежные мастера (табл. I).

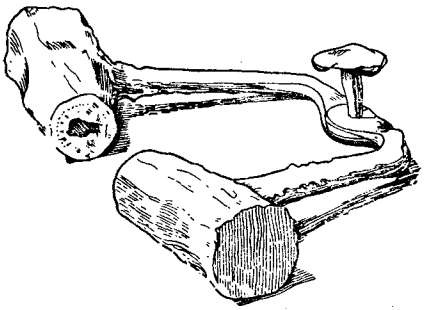


Чеканка денег на медной монете Пестума.
На одной стороне изображены весы — необходимый инструмент монетчиков, на другой — чеканщик с молотком, занесенным над штемпелем.

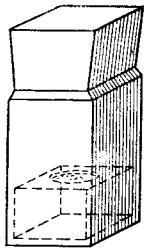
Взвешивание — необходимый этап производства монет. Кружок иногда подгоняли индивидуально к стандарту — этот способ в средневековой Италии назывался al-pezzo (т. е. по индивидуальному весу). Но чаще монеты из меди или низкопробного серебра чеканились на кружках, которые изготовляли способом al-marko, т. е. по весу марки — средневековой единицы веса. При этом способе гарантировалось, что из определенного количества металла будет изготовлено какое-то строго определенное количество монет. Этот расчет называют «монетной стопой». Вес самих монет мог сильно колебаться вокруг нормативного, конечно, все-таки в каких-то допустимых границах, называемых «ремедиумом». Термины и слова эти поздние, взяты из средневекового и современного денежного дела, но те явления, которые они обозначают, существовали уже в начальной истории монет.

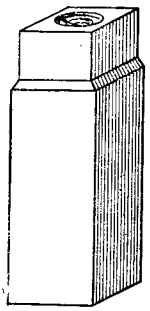
Часто монеты надчеканивали небольшими штемпельками — пуансонами. Этим монете давалась другая, новая жизнь, она вторично выпускалась в обращение. Иногда встречаются по две надчеканки с обеих сторон, одна точно против другой. Очевидно, два пуансона соединяли друг с другом наподобие щипцов. Так же иногда соединяли и монетные

штемпеля. Это можно установить по самим монетам. Если взять группу монет, чеканенных одной парой штемпелей, и посмотреть, как ориентированы у каждого экземпляра оси изображений на обеих сторонах по отношению друг к другу, то можно установить, одно ли это соотношение или на каждой монете свое, т. е. случайное. Если одно, то это могло быть только при соединенных, сопряженных штемпелях. Известна такая пара штемпелей в виде щипцов для чеканки монет римского императора Константа I.



Штемпеля в виде щипцов для монет Константа I.





Штемпеля для монет Фаустины Младшей. При каждом ударе молотка мастер должен был надевать «крышечку» на нижний штемпель.

Есть также пара штемпелей для монет римской императрицы Фаустины Младшей. Верхний штемпель был сделан в виде крышечки, покрывающей нижний квадратный штемпель. Монета не могла выскочить, а соотношение осей изображений на лицевой и оборотной сторонах могло изменяться только кратно 90 градусам. Но при каждом ударе молотка мастер должен был терять время, чтобы надевать эту «крышечку» на нижний штемпель.

Своего рода двусторонней надчеканкой является полная перечеканка монет. Под штемпель клалась старая монета — даже без предварительного уничтожения на ней изображения. На таких перечеканенных монетах обычно можно различить старый рисунок.

Штемпеля очень редко сохранялись после прекращения выпуска монет — ведь ими мог воспользоваться фальшивомонетчик. Поэтому их уничтожали. Но все же несколько монетных чеканов дошло до нас от античной эпохи. Известен, например, штемпель для афинской монеты. Он был найден в Египте. Другой штемпель в виде щипцов для монет Константа I мы уже упоминали. Он предназначался для чеканки монет антиохийского монетного двора. Антиохия расположена на Переднем Востоке, а штемпель был найден в противоположном конце Средизем-

номорья — в Южной Франции. Место находки штемпеля далеко отстоит от того города, которому должна была бы принадлежать монета, что заставляет усматривать в нем орудие фальшивомонетчиков. Безопаснее было подделывать монеты какого-нибудь далекого центра, чем хорошо знакомые всем монеты того города, где жил сам злоумышленник и где разменивал и пускал в обращение свои фальшивки. Жажда наживы заставляла людей заниматься этим делом, за которое государство грозило суровыми карами и приводило угрозы в исполнение неукоснительно, как только преступник попадался.

За подделку монет могли изгнать или даже казнить — как делали это в Древней Греции. В Риме знатного гражданина ссылали, незнатного — казнили или отдавали в каторжные работы, раба распинали на кресте. Во многих странах древности подделывание монет рассматривалось как оскорбление власти, покушение на священные верховные права главы государства.

О жизни Диогена — знаменитого философа-киника — существует много историй. В частности, рассказывали, что в молодости он был фальшивомонетчиком. Его отец, богатый гражданин Синопы, якобы делал фальшивые деньги. Занимался этим и сын. Их обоих разоблачили, отец умер в тюрьме, а сын был изгнан. Легенда говорит о том, что Диоген долго не соглашался стать жуликом и, наконец, измученный сомнениями и искушениями, отправился в Дельфы, чтобы оракул дал ему указание. Там, у храма Аполлона Диоген получил совет: «перечеканивай монету». Сомнения были отброшены, и Диоген стал фальшивомонетчиком. И когда в Коринфе, уже будучи знаменитым философом и живя в бочке, он проповедовал презрение ко всем благам мира, ему припоминали грехи молодости. Но это мало тревожило самого Диогена, который целью своей жизни поставил эпатировать публику и отрицать все общепринятые нормы поведения. Позднее, защищая память Диогена и «честь» дельфийского оракула, который не мог дать совета подделывать монету, этот рассказ «подправили»: слова «перечеканивай монету», мол, нужно понимать в аллегорическом смысле — «переоценивай истину».

Кроме жесткого наказания у государства был другой способ бороться с фальшивомонетчиками — усложнять рисунок на штемпелях. Двусторонние монеты труднее фальсифицировать. Но внешний вид древнегреческих монет был устойчив. По традиции некоторые монеты сохраняют долгое время на одной из своих сторон квадрат, как бы «воспоминание» об оттиске верхнего квадратного стержня, как на эгинских монетах. Монетчики дополняли эту фигуру различными линиями, а потом в нее стали включать какое-либо изображение.

Мы мало знаем о монетных дворах Древней Греции. Но все же кое-что знаем. При раскопках главной площади Афин — агоры был обнаружен дом размером 27×38 м с несколькими комнатами. На полу были собраны медные кружки — заготовки для монет, но без чеканенного на них клейма. Возможно, это был монетный двор.

В Афинах только в конце III века до н. э. стал работать большой монетный двор с многочисленными мастерами и начальниками. Об этом, как будто, говорит множество символов и значков на монетах. Считается, что их помещали мастера — распорядители металла,

ответственные за качество продукции и т. п. Но, может быть, эти знаки — метки тех или иных рудников, поставляющих металл, или что-то другое?

Больших размеров достигали монетные дворы в Римском государстве. В императорском Риме монетный двор находился между холмами Целием и Эсквилином. Он состоял под покровительством самого Геракла. Именно здесь были найдены надписи II века н. э., в которых содержались имена и названия должностей работавших на этом предприятии лиц — это и «подручный» (может быть, помощник начальника), и ответственный за качество металла, и подкладыватель монетных кружков, молотобойцы, граверы, литейщики, кассиры, пробовщики и т. п. Большинство из упомянутых — вольноотпущенники императора или его рабы. Надпись 115 года н. э. упоминает 63 имени работников монетного двора. Но было их намного больше. Когда при Аврелиане, в III веке н. э., на монетном дворе произошло восстание рабов и работников, чтобы подавить его, потребовалось 7 тысяч солдат! Даже если это преувеличение, все же подобная цифра говорит о многочисленности «монетной фамилии» — работников и персонала монетного двора.

Надзор за выпуском монет в Риме поручали специальным чиновникам — магистратам. Еще во времена Римской республики, с III века до н. э. назначали обычно трех лиц для заведования чеканкой и литьем монет. Каждый магистрат отвечал за монеты из одного какого-нибудь металла — золота, серебра и меди и чеканил их с сокращенным обозначением своего имени или с личной эмблемой. По ним контролировали качество и вес монеты. За обнаруженное злоупотребление магистраты несли ответственность. Иногда, для того чтобы ужесточить контроль, монеты «подписывали» еще и квесторы, следившие за сбором налогов, помещая на штемпеле свой знак.

Монетные магистраты были под контролем римского Сената. Но, кроме того, самостоятельно выпускали монеты некоторые города, а также военачальники за пределами Рима, чаще всего для выплаты жалованья солдатам. Это стало частым в I веке до н. э., когда Рим сотрясали гражданские войны, приведшие к падению республики и к установлению империи. Императоры постепенно оттесняют Сенат от управления монетным делом. Октавиан Август в начале правления еще не решался чеканить в самом Риме свои золотые и серебряные монеты, а делал это в провинции. Но вскоре он, а за ним и другие императоры стали чеканить свои деньги из этих металлов и в Риме, а Сенату оставили только право выпуска медных монет, что обозначалось на них большими буквами SC — Senatus consulto, т. е. «решение Сената». С течением времени и этой областью монетного дела фактически стали заведовать императорские чиновники, а Сенату оставалась лишь видимость прав, так же как иллюзорно сохранялись за ним некоторые другие государственные прерогативы. Серебро и золото были престижными металлами, и верховная власть всегда присваивает себе право выпуска золотых и серебряных монет.

Римский монетный двор при Августе делился на 3 секции; каждая выпускала свой вид монеты, чтобы по нему можно было контролировать качество и вес металла, а потом стала обозначать свою продукцию цифрой или буквой. При Нероне таких секций стало уже 5 или 6.

Кроме того, в особой секции резали штемпеля, может быть, используя в этой трудной и кропотливой работе маленькие пуансоны для повторяющихся деталей. В этой секции хранились какие-то изображения императоров, с которых мастера-медальеры делали монетные портреты.

По внешнему виду монет и по технике чеканки историю античного денежного дела делят на четыре периода.

В архаический период (VII — середина VI в. до н. э.) монета имела вид или сплюснутого боба, или шарика. Изображение было на одной стороне. Надписи чаще совсем отсутствовали, иногда помещались первые буквы названия города. Такими были ранние монеты Лидии и Эгины.

В классический период (середина VI — 30-е годы IV в. до н. э.) монетный кружок стал более плоским и круглым. От верхнего квадратного штемпеля осталась только кое-где квадратная рамка. Монеты на обеих сторонах имели изображения и иногда надписи: название города и даже имена — или резчиков штемпелей, или тех лиц, которые были ответственны за чеканку монет.

В эллинистический период (конец IV—II в. до н. э.) монетный кружок становится или плоско-выпуклым или вогнуто-выпуклым, как увеличительное стекло. Появляются портреты правителей и более длинные надписи.

И наконец, в римский период (II в. до н. э. — IV в. н. э.) монеты стали совсем плоскими, правильной круглой формы. Кроме изображений, детальных и сложных, монетные мастера вырезали на штемпелях часто длинные надписи с развернутой титулатурой и именами правителей и магистратов и помещали политические лозунги.

МОНЕТНЫЕ СИСТЕМЫ. ПОРЧА МОНЕТ. МЕНЯЛЫ

Монеты были «изобретены» в греческом городе-государстве — полисе. Это была городская община, жившая самостоятельной жизнью. Поэтому монеты разных греческих городов отличались друг от друга и изображением и весом. А вес монеты — самый существенный ее признак. Ведь монета — это кусочек металла, вес и чистоту которого государство гарантирует своим клеймом.

Первоначально название монеты, ее «номинал», ее достоинство совпадали с названием какой-либо мелкой весовой единицы.

В Греции и ее колониях было много денежно-весовых систем и систем денежных единиц-номиналов. Мы уже знаем, что до изобретения монет в некоторых частях Греции использовались товаро-деньги в виде железных прутьев-оболов. Шесть таких оболов составляли драхму. Эта драхма лежала в основе аттической системы денежных единиц, получившей такое название по одной из областей Греции — Аттики, чьим главным городом были Афины. Она состояла из декадрахм — 10 драхм, тетрадрахм — 4 драхм, дидрахм — 2 драхм и просто драхмы. Затем следовали пентобол — 5 оболов, или 5/6 драхмы, тетробол — 4 обола, или 2/3 драхмы, триобол — 3 обола, или полдрахмы, тригe-

миобол — полтора обола, или 1/4 драхмы, и, наконец, просто обол, делившийся на несколько более дробных единиц. В основе такой системы лежала серебряная монета — драхма. Очень мелкие номиналы было неудобно чеканить из серебра и потому чеканили с IV века до н. э. медные деньги — халки, дихалки — 2 халка, трихалки — 3 халка, тетрахалки — 4 халка. 8 халков составляли один обол.

Не всюду и не всегда чеканились все эти номиналы в виде звонкой монеты. Крупные декадрахмы выпускали только по случаю каких-либо выдающихся событий, например Марафонской победы греков над персами. Чаще других делались драхмы и тетрадрахмы. Были и счетные единицы, т. е. такие, которые в виде реальной монеты никогда не чеканились, а служили эквивалентом некоторому определенному количеству денег. Обычно в древности это количество монет — счетная денежная единица — совпадало с какой-либо весовой единицей. Такой счетной единицей в Аттике был талант, составлявший, как говорилось выше, 60 мин. Каждая мина была приравнена к 100 драхмам. Само слово «талант» означает весы. Аттическая система соединяла древневосточный счет на шесть с десятичным счетом.

Другая система была основана на золотом или электровом статере и его долях, исчисленных в шестиричной системе: трите — 1/3 статера, гекте — 1/6 статера и т. д. «Статер» в переводе значит коромысло весов. Денежные названия прочно связаны с понятием взвешивания.

Разные системы денежных единиц в Древней Греции создавали путаницу, тем большую, что веса монет были различными в каждом городе, а время от времени они менялись. Соотношение золота и серебра также менялось — то 1 : 10 в Аттике, то 1 : 13 в Малой Азии. Соотношение серебра и меди также было непостоянным: в V веке до н. э.— 1 : 72, при Александре Македонском — 1 : 96. Иногда на один обол приходилось 8 халков, как в Аттике, иногда 12, а то и 16 халков.

У разных монет были разные районы обращения. Были деньги, предназначенные для торга в своем родном городе. В греческом полисе собственную монету принимали обычно поштучно — верили штемпелю своего города, а чужую, битую в другом полисе, — по весу, рассматривая ее просто как кусочек драгоценного металла. Таким образом, штемпель города, гарантирующий определенный вес и достаточно высокую пробу, был действителен в узких границах городской общины и терял свое действие за его пределами.

Но существовали деньги межгосударственные, межполисные, которые обращались в широких границах. Это во многом зависело от металла, его чистоты, от полновесности монет, от того традиционного доверия, которое они заслужили. Среди древнегреческих монет очень высоко ценилась афинская драхма. О ней говорил Аристофан:

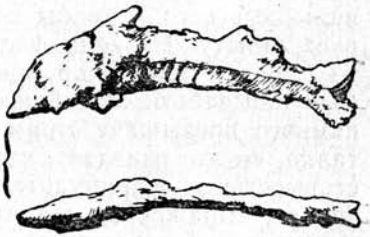
Монеты наши неподдельный чистый клад —
И прекраснейшие, верьте, из всех иных монет,
И с надежною чеканкой и испытаны стократ
Пред очами всей Эллады и у варваров везде.

В Римской республике не было множества отличающихся друг от друга денежно-весовых систем. Здесь в основе денежной системы

лежала медная монета — крупный литой асс. Слово «асс» происходит от aes — медь. Сначала асс — это просто слиток меди, товаро-деньги. Потом появились ассы, отлитые в прямоугольной форме, имеющие изображения и часто надпись «Romanom». Такие слитки весили примерно один римский фунт или либру (около 273 г). Латинское слово libra переводится как «весы». Изображали на ассах слона, свинью, Пегаса и т. п. Но чаще всего появлялся на них бык — воспоминание о том архаическом времени, когда товаро-деньгами был скот. В V веке до н. э. бык стоил 100 либров меди.

Около 290 года до н. э. Рим, победив италийские племена и получив большую военную добычу в виде меди, начинает регулярные выпуски круглых монет. Эти ранние литые из меди римские монеты грубы, велики, несут нечеткие, смазанные изображения. Они резко отличаются от древнегреческих серебряных и электровых чеканенных монет того же времени.

В греческой колонии в Причерноморье — Ольвии — тоже вначале ходили слитки меди — товаро-деньги. Их отливали в форме стрел и дельфинчиков. Позднее, в IV веке до н. э. стали лить круглые большие медные монеты. На них был дельфин, но теперь он изображался в когтях орла.



Медные монеты Ольвии в виде дельфинчиков. Это была форма слитков меди — товаро-денег.

Римский асс равнялся 12 унциям, семис — 6 унциям, или 1/2 асса, триенс — 4 унциям, или 1/3 асса, квадранс — 3 унциям, или 1/4 асса, секстанс — 2 унциям. Унция делилась на 6 секстул. Кроме того, были номиналы в 5, 8, 9 и 10 унций и в 3, 5 и 10 ассов. На монетах помещали изображение какого-либо божества, по которому можно было определить номинал: на ассе — голова Януса на одной стороне и голова Меркурия на другой и цифра I (т. е. 1 асс), на семисе — голова Марса и голова Венеры и буква S, т. е. «semis» и т. д. Янус — бог всякого рода изобретений и начинаний — был главным в этой иерархии.

В середине III века до н. э. после первой Пунической войны Рим проводит реорганизацию монетной системы, снижает вес асса. Монеты получают новые обозначения, но на ассе осталась голова все того же двуликого Януса. На оборотной стороне помещалось изображение проры (ргога — нос корабля). Вот эти-то ассы римляне считали древнейшими, изобретенными самим Янусом в честь Сатурна, который прибыл в Италию с Крита на корабле, и «признательное потомство сохранило корабль на монетах», как писал много позднее Овидий.

С 269 года до н. э. стал чеканиться в Риме серебряный денарий. По весу он равнялся вначале 1/72 римской либры, а по стоимости — 10 ассам. От этого счета происходит его название: deni — «по десять», т. е. по 10 ассов. Денарий делился на квинарии, равные 5 ассам, или 1/2 денария, и сестерции, равные 2,5 ассам, или 1/4 денария. Были и другие номиналы. В период Республики выпускались, но редко, золо-

1407919 Днепропетровский госуниверситет

тые монеты ауреусы — от слова aureus — золото. В период Империи они стали частыми. Ауреус приравнивался к 25 денариям, или 100 сестерциям, или 400 ассам.

Государству всегда нужны деньги и, как правило, их ему не хватает. И хотя войны Рима доставляли огромные массы драгоценного металла, и несмотря на то что правители следили за его пополнением и распределением, это несчастье преследовало Рим, особенно во времена поздней Империи. Власти использовали разные средства, в том числе и выпуск монет, чтобы пополнить казну. В этой области все сводилось в сущности к одному и тому же приему, который только по-разному маскировался. К нему будут прибегать потом бесчисленные правители в эпоху средневековья на Западе и на Востоке. Он заключался в снижении веса монеты или добавлении к драгоценному металлу лигатуры — примеси дешевого металла. Это так называемая «порча монет». Государство чеканит такие же с виду монеты, как и прежде, но драгоценного металла в них меньше. Своим клеймом оно удостоверяет правильность веса и пробы металла, а само явно или тайно фальсифицирует монету. Но если фальшивомонетчику отрубали руку или голову, то Сенат и император признают себя вправе делать эти операции — ведь они заботятся о благе казны. Если номинальная стоимость монет намного превышает стоимость содержащегося в ней драгоценного металла, то это означает, что монета идет на рынок с принудительной стоимостью, по принудительному курсу. Курс монеты — это как бы ее «цена», выраженная в каких-либо других товарах. И на монету с принудительным курсом можно было купить товаров больше, чем просто на такое же количество металла.

Откуда же берется эта возможность чеканить монеты с меньшим содержанием драгоценного металла, но сохраняющие прежнее номинальное достоинство? Всякое правительство, всякое государство, присвоив себе монопольное право выпускать монеты, извлекает из этого права (так называемой «монетной регалии») известный доход. Какая-то часть металла удерживается в пользу монетного двора и идет на оплату расходов по чеканке, другая — прямо в казну. Поэтому серебро (или золото) в форме чеканенной монеты обычно немного дороже, чем просто металл того же веса. Монета ходит по стоимости заключенного в ней металла, но с некоторой надбавкой. Государство может несколько увеличить эту надбавку и тем самым увеличить доход казны. Возможность эта зависит от многих причин: как сильна власть, в какой степени она способна заставить людей покупать и продавать товары, используя именно ухудшенные монеты, насколько рынок привык к тем или иным образцам монет, какие традиции сложились в области денежного обращения. Все это в конечном счете определяется уровнем развития торговли.

Дионисий I, тиран Сиракуз (греческого города в Сицилии), в начале IV века до н. э. провел такую операцию. Под страхом смерти он заставил жителей принести и сдать в казну всю имеющуюся у них монету. Затем он распорядился перечеканить ее. Новые драхмы были объявлены равными двум старым. Когда жители Сиракуз были вновь призваны на монетный двор, с ними расплатились по такому счету.

И они горестно ушли, унеся фактически только половину своих сбережений. Но древние писатели рассказывали об этом как об остроумной и мудрой государственной мере, выгодной для властей и безболезненной якобы для населения.

Из того же самого количества драгоценного металла начеканили денег больше, чем раньше, вот и получили новые средства. Государственная власть как бы делает дополнительные деньги из ничего. Но это — видимость. На самом деле дополнительный доход казны образуется за счет населения, деньги как бы обкладываются косвенным налогом. Порча монет — это один из видом эксплуатации народа государством.

Превышение номинальной стоимости монет над стоимостью реально заключенного в ней драгоценного металла возможно только до определенного предела. Если он перейден, то новые выпуски «порченной» монеты теряют на рынке часть своей покупательной способности. Приходится снова подвергать монеты порче, и они снова теряют свою стоимость, не могут ходить на рынке по своей объявленной, т. е. номинальной, стоимости. Продавец не отпускает свой товар за ту же сумму в «новых» деньгах, а требует их больше, так как они легче или серебро в них хуже.

Вес монеты снижается, а номинал, достоинство ее, название остаются прежними. И названия монет отрываются от названий весовых единиц. Функционируют параллельно и одновременно под одним старым названием и весовая единица и денежная, отличные друг от друга, или же название монеты перестает быть обозначением единицы веса.

Из-за порчи монет резко уменьшился вес римского асса в период Республики уже в III веке до н. э., когда Рим вел войны за гегемонию на полуострове, и особенно после второй Пунической войны, когда Риму пришлось напрячь все силы, чтобы выдержать борьбу с Ганнибалом. Медный асс тогда так упал в весе и был так дискредитирован, что потребовалась новая монета, которая могла бы обращаться вне Рима. Перешли на систему серебряных денариев. Серебряная монета легче адаптировалась в землях, где привыкли к греческой серебряной монете, — в Южной Италии, Карфагене, на Востоке. Но и денарий стал терять в весе, особенно во времена Империи. Сначала это были незначительные уменьшения. Государство следило за стабильностью веса и качества денария. Оно наказывало магистратов, которые на свой страх и риск или для своей выгоды чеканили плохую монету. А ведь были выпуски так называемой субэратной монеты — в основе ее бронзовый кружок, покрытый тонкой серебряной оболочкой. И такая монета ходила наравне с полноценной. Чтобы убедить народ, который боялся этих подделок, что монета не субэратная, некоторые магистраты выпускали монеты с зубчатым краем.

И все же, хотя и медленно шел этот процесс, но деградация денария усиливалась. В древнем мире не могли выпускать монеты с очень высоким принудительным курсом. Такие государственные «подвиги», как операция с обменом монет при Дионисии I в Сиракузах, были редкостью. Еще не было знаков стоимости, т. е. символов, заместителей определенного количества драгоценного металла, таких, как бумажные деньги, реальная стоимость которых ничтожна. В Риме в первые века

Империи серебряные денарии и золотые ауреусы оценивались на 20—25% выше, чем то же количество серебра в виде простого нечеканенного металла. Рынок с этим мирился. А в III веке н. э. этот рубеж был перейден, и покупательная способность монет стремительно покатилась вниз. Правительство хотело бы удержать принудительный курс монет, их высокую покупательную стоимость, но стихия рынка не позволяла это сделать.

Император Марк Аврелий Антонин, по прозвищу Каракалла, в 214 году н. э., чтобы затормозить порчу денария, чеканившегося из плохого серебра, приказал изготовить новые большие монеты — антонинианы. Антониниан по номинальной стоимости равнялся, видимо, двум денариям. Рассчитывали на то, что рынок с бóльшим доверием отнесется к новым монетам, чем к дискредитированному денарию. Но лекарство было слабое. По сути дела, на антониниан шло чистого серебра не намного больше, а иногда и меньше, чем на два старых денария. Создавалась лишь иллюзия, что выпущена какая-то новая полноценная монета. И население вскоре разобралось в подлинной цене антониниан, тем более что вскоре их серебро тоже стало портиться.

При Аврелиане на антониниан стали помещать цифры: XX.I. Цифрой X (десять) обозначали денарий, равный 10 ассам. Надпись на монете означала: два раза по 10 ассов, т. е. 2 денария, в одной монете. Таким образом, как бы утверждалась обязательность приема в торговле антониниана, равного двум серебряным денариям.

Катастрофа разразилась в III веке. Монеты совсем обесценивались. Никто не хотел продавать за прежние цены, выраженные в этих низкопробных монетах. Наступила инфляция, цены резко подскочили.

Император Диоклетиан попытался наладить денежное обращение. Он приказал отчеканить некоторое количество высокопробных золотых и серебряных монет с точно установленным весом. Это должно было повысить доверие к новой монете. Но одновременно было выпущено очень много монет с новым названием — фоллисов. Этим словом, полатыни означающим «мешочек», «кошелек», называли в Риме запечатанный мешочек с определенной суммой денег. Теперь фоллис был низкопробной, содержащей мало серебра, по сути дела, медной монетой. Фоллисы были большие — одна монета весила около 10 г. Они должны были ходить с превышением номинальной стоимости над стоимостью серебра и меди, в них содержащихся. При этом правительство Диоклетиана надеялось, что новая, непривычная, тяжелая монета избежит судьбы денария, обесценивающегося из-за низкопробности. Чтобы создать совершенно новые соотношения металлов на денежном рынке и тем самым завуалировать принудительный курс фоллиса, резко изменили соотношения и номиналов монет, и официальных цен на золото и серебро.

Но Диоклетиан не достиг желаемого упорядочения денежного обращения и цен. Рынок ответил на его реформу тем, что монеты из золота и серебра, как действительно твердые стоимости, стали пропадать из обращения, оседать в клады. Население придерживало их до лучших времен. А цены по-прежнему росли, разлагая всю экономику Империи. В 301 году Диоклетиан издал эдикт, по которому устанавливались максимальные цены на продукты. Нарушение этих максимумов,

спекуляция, создание запасов дефицитных продуктов строго карались, вплоть до смертной казни. Эдикт рисовал бедственное положение в торговле. Ответственность за экономические неурядицы возлагалась на тех, «кто настолько туп и лишен человеческих чувств, что не понимает и не чувствует, насколько велик произвол в назначении цен продажных вещей, предлагаемых на базарах или ежедневно продающихся в городах, не понимает, что необузданная алчность не смягчается ни обилием товаров, ни богатыми урожаями».

Буржуазная историческая наука обычно неодобрительно пишет об этом эдикте Диоклетиана — он очень напоминал ей революционные законы французских якобинцев о максимальных ценах. Но, действительно, эдикт Диоклетиана, провозгласивший борьбу государства со стихией рынка, несмотря на всю мощь имперской власти, оказался бесплодным. Первые преемники Диоклетиана поспешили его отменить.

Новую денежную систему ввел император Константин в начале IV века. При нем стали чеканиться золотые полновесные и высокопробные монеты — солид (solid — тяжелый, солидный) и треть солида — триенс. Была начата чеканка хороших по количеству и чистоте металла серебряных «милиарисиев» и новые виды медных монет. Но и эта реформа не уберегла денежное дело от постоянной хронической болезни — порчи денег.

Итак, множество разнообразных монет: старых, новых... Одни заслуживают доверия, другие нет, одни выпущены по одной весовой системе, другие — по другой, множество номиналов и способов их обозначения. Некоторые монеты выходили из обращения, изымались, но все же какое-то число их сохранялось на рынках и обращалось вместе с новыми.

Все это многообразие монет создавало большую путаницу. Были попытки унифицировать монетные системы, но все же полного порядка в денежном деле они навести не могли.

Вот сцена на афинском рынке. Торговец рыбой просит за свой товар один обол. Ему дают аттический афинский обол. Но он требует еще денег, заявляя, что речь шла об эгинском оболе, который вдвое тяжелее афинского, что продажа состоялась и товар он назад не возьмет и не отступится, пока не получит второй аттический обол или один эгинский. Скандал грозит перерасти в драку.

Нужно было знать, какие монеты и по какому курсу ходят, как обменивать одни монеты на другие, какие монеты лучше взять с собой в дорогу или в торговую экспедицию, какие лучше зарыть как клад и не пускать в обращение. Возникла особая профессия менял. В Древней Греции менялы назывались трапедзитами: от слова «трапедза» — стол. Они сидели где-нибудь на рыночной площади в тени, за столом и производили размен и обмен денег, конечно, не оставляя себя в обиде, взимая открыто определенный процент с размениваемой суммы и тайно наживаясь, используя свое знание конъюнктуры на рынках, свое чутье и способность предвидеть колебания курса монет. Они знали те единицы, которыми удобно оперировать при пересчете одной денежной системы на другую, например коринфская драхма, одновременно равная аттическому тетроболу и эгинской гемидрахме.

У многих народов, в том числе у греков, был распространен обычай

класть с покойником монету для уплаты при входе в царство мертвых. У греков эта монета называлась «обол Харона» — плата перевозчику через реку, отделяющую живых от умерших. Лукиан Самосатский, известный безбожник, острослов и сатирик, сказал как-то, что не нужно класть в рот покойнику обол, так как неизвестно, какая денежная система действует в загробном царстве. Трапедзиты, наверное, взялись бы разрешить и эту монетную проблему.

Философ Кратес держал свои деньги у трапедзита. Он завещал выдать этот вклад его детям после смерти, но только в том случае, если они станут философами. В противном случае Кратес приказывал трапедзиту раздать деньги народу. Не только банкиром, но и душеприказчиком, а то и нотариусом должен был быть этот меняла.

Трапедзиты, иногда имевшие большие конторы, пускавшие деньги в рост, были предшественниками банков нового времени. Иногда трапедзиты осуществляли денежные сделки от лица своего доверителя, иногда занимались подделкой монет. Разбогатев, они вкладывали свои деньги в недвижимость или в различные предприятия, главным образом в торговые спекуляции. Банкирами часто становились храмы, где накапливались большие сокровища.

В Афинах IV века до н. э. часто можно было на суде в речах знаменитого Демосфена слышать имя банкира-трапедзита Пасиона. Когда-то он был рабом и работал в большой меняльной конторе. За бухгалтерскую аккуратность, точность в ведении счетных книг и ненавязчивое усердие хозяин сделал его вольноотпущенником, а потом оставил ему свое предприятие. Пасион давал крупные ссуды, до двух тысяч драхм, военачальникам и политическим деятелям, хранил у себя вклады и переводил их по распоряжению вкладчиков на счета других лиц. Но действия Пасиона все же ограничивались одними Афинами. Умирая, он завещал своему вольноотпущеннику Формиону жениться на его вдове и взять за нее приданое в виде серебра, большого дома, рабов и драгоценностей. Основной капитал он оставлял детям, а Формион назначался управителем и опекуном. Дети, достигнув совершеннолетия, торжественно в храме Афины признали правильными все отчеты Формиона по управлению их имуществом. Формион открыл свое собственное меняльное заведение, стал богатейшим гражданином Афин. Но вскоре один из сыновей Пасиона затеял тяжбу с Формионом, позавидовав его богатству и обвинив в незаконном присвоении денег своего отца и уничтожении его бухгалтерских книг. Демосфен, бывший адвокат Формиона, отвел это обвинение, показав, что сын Пасиона взыскал с должников отца большую сумму, значит, книги-то были целы. А на вопрос обвинения, откуда у Формиона такое богатство, тот отвечал: оттуда же, откуда богатство пришло к Пасиону, т. е. от меняльных и кредитных операций и по завещанию хозяина.

Торговля, монетное и денежное дело в последние века античного мира, особенно в Римской империи, развились до грандиозных размеров. Так много монет, денежных расчетов, так развиты кредит, ростовщичество, рыночные отношения, что в буржуазной науке еще в XIX веке возникло представление об этой эпохе древней истории как о «капиталистической». Но эта модернизация — перенесение современных понятий и явлений в древность — ложный путь, который только уводит

от понимания законов развития, действовавших в античном мире. Основой хозяйства там остался рабский труд, в отличие от базиса капитализма — наемного труда.

За трапедзитами следило государство, издавало декреты, регламентирующие обмен, устанавливающие те или иные его пропорции, но это не спасало от злоупотреблений и обмана, которые производили эти менялы.

МОНЕТНЫЙ ТИП ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Оттиск штемпеля на монете — как бы печать государства или города, которые ее выпустили в свет и которые за нее ручаются. Изображение и надписи на монетах составляют важнейшее понятие нумизматической науки — «монетный тип».

Монетный тип весьма чуток к той исторической обстановке, в которой чеканится монета. То, что происходит в государстве, выпускающем монету, влияет на ее изображения и надписи. Древние греческие монеты были деньгами города-полиса — самостоятельной гражданской общины, и потому в них отразилось то, чем жил этот полис, его хозяйство, его религия.

На ранних монетах Афин конца VII — начала VI века до н. э. были изображения, которые на первый взгляд кажутся странными: ваза, задняя или передняя часть лошади, нога бегущего человека... Загадочность этих изображений исчезла, когда их сопоставили с эмблемами аристократических родов, живших в Аттике в это архаическое время. Эмблемы помещены на щитах воинов, нарисованных на аттических вазах того же времени. Когда тот или иной род играл важную роль в жизни Афин, его эмблему вырезали на монетной наковаленке. В VI веке до н. э. стала чеканиться афинская монета с совой. На одной стороне — сама Афина в шлеме, на другой, чеканенной верхним штемпелем, — квадрат, в нем — сова и начало имени города Афин (табл. II). Сова — атрибут богини мудрости, она стала символом города. Сова всегда помещалась на ветке (сбоку ее показаны листочки), всегда она с мощным угрожающим клювом, иногда с широко расставленными сильными крыльями.

На монетах других полисов — свои знаки, свои боги и свои атрибуты. На лицевой стороне, оттиснутой нижним штемпелем, — главное божество полиса, это как бы санкция чеканки, символ государства. На оборотной стороне обычно разъяснительный знак, говорящий о принадлежности именно к данному полису, — это атрибуты богов, значки и надписи, монограммы (соединения букв). Так, Афина была не только на афинских драхмах, но и на монетах Коринфа, но другая, в коринфском шлеме. На оборотной стороне — эмблема города Коринфа — Пегас. Почему именно Пегас? Мифический герой Беллерофонт когда-то покорил крылатого коня и на нем победил чудовище Химеру. Есть коринфские монеты с этим Беллерофонтом на Пегасе и с копьем. Ощетинившаяся Химера изображена на обороте. Беллерофонту был воздвигнут монумент в Коринфе.

В северочерноморском греческом городе Херсонесе (современный Севастополь) почитали богиню Деву. Ее изображения есть на монетах (табл. II). Найден такст присяги жителей этого города-республики. Херсониты клялись богами, в том числе богиней Девой, быть хорошими гражданами.

Часто помещали голову Зевса, например, на монетах Олимпии. Но на них имеется еще и дополнительный символ — молнии.

Атрибуты или сопутствовали изображению самого бога, или заменяли его. Афину сопровождали сова, змея или копье. Зевс имел атрибутами орла, скипетр или молнии, Аполлон — треножник, лиру или лебедя, Посейдон — трезубец и т. п. Образы божеств заставили некоторых ученых считать, что вначале монеты выпускал храм главного божества, а потом это изображение перешло на городские монеты. Но эта теория вызвала возражения. Ее противники думали по-другому: монеты — средство торговли, поэтому они должны нести на себе рисунки товаров, прославлявших полис, составлявших предметы вывоза. На монетах города Метапонта изображен колос пшеницы — главный предмет его вывоза, Эгины — черепаха, может быть потому, что изделия из черепаховых панцирей прославили этот полис? Щит на монетах Беотии тоже якобы означал вооружение, производившееся в городах этой греческой провинции. Полагали, раз монете предшествовали товаро-деньги, то воспоминания о них должны сохраниться на монете. Сторонникам этой теории возражали: щит на беотийских драхмах и статерах — это атрибут Геракла, и именно его божественная сила санкционирует выпуск денег. А как быть с Пегасом? Конь без крыльев мог быть товаро-деньгами, а с крыльями?..

Некоторые нумизматы считали, что изображение на монете должно защищать от злой силы. Голова Горгоны, превращавшей одним своим видом человека в камень, лев, бык, чудовища — это все охраняло монету и тем самым охраняло город-полис и его жителей. Авторы этой теории тоже сравнивали монеты с рисунками на щитах воинов на греческих расписных вазах, но не с эмблемами родов, а с отпугивающими и устрашающими изображениями: Персей, победив Медузу Горгону, отрубил ей голову и тут же поместил ее на свой щит. Видимо, все эти теории в частностях правы, но их односторонность и претензия на всеобщность делают их ложными. В монетном типе Древней Греции были все эти элементы — и религиозные, и отпугивающие — охранительные, и связанные с торговлей. То одни, то другие принимали доминирующее значение в разные периоды долгой, сложной, разнообразной, запутанной истории монетного дела каждого из многочисленных маленьких городов-государств.

Были и другие рисунки, которые, как ребус, зашифровывали обозначение места чеканки, — это так называемые «говорящие эмблемы». На монетах Фокеи изображен тюлень. По-гречески он называется «фоки» — созвучно имени города. На монетах Леонии — лев, «леон». Сельдерей — по-гречески «селинон» — встречается на монетах Селинунта в Сицилии.

Контроль за качеством монет был важнейшим вопросом денежного дела. Монеты, особенно если они были из электра или серебра и широко ходили вне своего города, требовали помещения на них знака ма-

гистрата, ответственного за выпуск монет и за их качество. Иногда это были буквы имени, иногда такие же «говорящие эмблемы». Магистрат Молпагор принял такую говорящую эмблему — танцующая девушка («молпи» — по-гречески песня). На монетах из золота и электра Кизика, Фокеи, Митилены и некоторых других городов, обращавшихся широко в Малой Азии, в Греции и на островах, символы магистратов вытеснили городские эмблемы и изображения городских богов. «Говорящие эмблемы»: Фокеи — тюлень, Кизика — тунец стали малоприметными значками, обозначавшими город. Главными стали эмблемы начальников, ответственных за монетный выпуск. Они же, если были выходцами из других мест, избирали себе в качестве эмблем достопримечательности или символы родных городов. Иногда они помещали свои портреты — в этих городах впервые появились на монетах портреты людей — то, что станет затем характерным для эпохи эллинизма, наступившей после завоеваний Александра Македонского.

По всем этим основным и дополнительным признакам и изображениям можно довольно точно определить, где чеканилась та или иная монета. Хуже в греческой нумизматике обстоит дело с датировкой. Греческие монеты до Александра не имели никаких знаков, указывающих, когда они чеканились. Самые ранние датированные монеты — цифры года обозначены греческими буквами — выпустил Сидон, дата на них исчислена от битвы при Иссе — знаменитой победы Александра Македонского над Дарием. Было множество летосчислений, почти в каждом крупном эллинистическом государстве свое.

Изучение монетного типа открывает богатые возможности перед историком: и для иллюстрации, и для более глубокого понимания событий, иногда и для восстановления их, когда другие источники молчат.

Вот, например, чеканка городов острова Крит. Этот знаменитый очаг древней цивилизации начал монетные эмиссии в V веке до н. э. Число критских городов постепенно росло. На кносских монетах обычно был рисунок квадратной фигуры со сложными линиями внутри — лабиринт в нашем понимании этого слова: войдешь и не выйдешь, запутаешься среди входов и выходов, поворотов и тупиков (табл. II). Это изображение — воспоминание о дворце Миноса, огромном здании с сотнями комнат и сложными переходами. Он был раскопан в начале XX века. Этот дворец послужил прообразом мифу о Лабиринте и живущем в нем чудовище Минотавре, которое пожирало девушек. Из этого дворца, убив Минотавра, афинский герой Тезей выбрался только при помощи нити Ариадны, дочери царя Кносса (ее голову иногда помещали на кносских монетах внутри Лабиринта). Символом критского города Гортины была героиня другого мифа — Европа, которую похитил Зевс в образе быка. На монетах этого города изображали то робкую Европу среди кустов и деревьев, а на обороте — быка, то Европу, уже похищенную, на спине быка.

В III веке до н. э. в результате сложных взаимоотношений полисов на Крите Кносс и Гортина объединились и стали чеканить монеты с лабиринтом и с быком, похищающим красавицу, — так называемые «союзные монеты». Города заключали специальные договоры о выпуске таких денег. Текст договора вырезали на мраморных плитах и вы-

ставляли на площади. В них мелочно оговаривали, где и когда, в какой очередности чеканить монеты, каким судом судить магистратов, нарушивших правила, выпускавших «бледную» монету, т. е. низкопробную. Кидали жребий, кому начинать чеканку, и т. п. Старались соблюсти строгий паритет в этом деле.

Совсем другое впечатление оставляют союзные тетрадрахмы II—I веков до н. э. городов Крита: Кносса, Гортины, Кидонии, Иерапитны, Полирении, Приапоса и Лаппы. Все они чеканены по типу афинских монет — Афина и сова. И только около совы буквами или небольшими изображениями указывается место выпуска: у Кносса, например, сова сидит на амфоре, а рядом маленький лабиринтик. Монеты говорят о том, что в этом союзе городов политическое и экономическое главенство принадлежало Афинам, которые еще до этого были предводительницей двух морских объединений. Афины навязали союзникам еще в V веке до н. э. свою систему монет. Это вызвало насмешку Аристофана: в комедии «Птицы» он вывел фигуру шарлатана, который, придя в «Тучекукуевск», объявляет там закон, по которому жителям этого города надлежит пользоваться теми же мерами, весами и монетами, что приняты в «Олофиксе», а от своих отказаться («Тучекукуевск» и «Олофикс» — два выдуманных «птичьих» города). Под давлением Афин еще в III веке до н. э. многие критские полисы отказываются от эгинской денежной системы и переходят на аттическую.

Жизнь древнего грека ограничивалась родным городом. Вот его стены, вот его храм, его агора и акрополь, с детства знакомый вид гор и моря, населенных кентаврами и нимфами, его легенды и боги, а вот и его монеты с понятными и дорогими символами и пока еще без портретов и без имен правителей, даже в монархических полисах.

В Сиракузах чеканили знаменитые своей красотой монеты, которыми восхищался Микеланджело и о которых Гёте сказал: «Эти чудесные монеты представляют собой бесконечную весну цветов и плодов искусства». Немного пышно сказано, но действительно сиракузские дека- и тетрадрахмы V — начала IV века до н. э., особенно работы монетчиков Кимона и Эвенета (они помещали на монете свои имена), прекрасны. Окруженные резвящимися дельфинами головки нимфы Аретузы или Персефоны, с тем особым выражением глаз, которое называют «влажным взглядом», с роскошной прической и серьгами. А на обороте тончайшим резцом вырезанная колесница-квадрига. Победителя в соревнованиях венчает крылатая богиня с венком (табл. III). Сиракузские монеты лучше других говорят о том, что греческое денежное дело было, кроме всего прочего, видом искусства, отвечало не только практическим целям торговли, но и высоким эстетическим запросам. Квадрига на ранних монетах Сиракуз как бы срисована с чернолаковых сосудов Древней Греции. Монетное дело было искусством мелкой пластики и, естественно, очень тесно связано со скульптурой. Многие знаменитые статуи воспроизведены на монетах.

На монетах царя Деметрия Полиоркета, одного из преемников Александра Македонского, боровшихся за власть после смерти завоевателя, есть изображение крылатой богини победы — Ники, стоящей на носу корабля (табл. VI). Эти драхмы воспроизводят монумент в честь победы Деметрия при кипрском Саламине в 306 году до н. э. Фигура

Ники похожа на знаменитую летящую Нику Самофракийскую, случайно найденную изуродованной и обломанной в древнем святилище на полуострове Самфраке и попавшую затем в Париж. Даже в таком виде она великолепна. Поднимаясь по парадной лестнице Лувра, где установлена эта статуя, как бы слышишь треск крыльев летящей навстречу мраморной богини. Сопоставление этой скульптуры с монетой позволило определить, в честь какого события была она высечена, и представить всю ее полностью.

МОНЕТЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Завоевания македонского царя Александра были переходной эпохой в истории античного мира. Монеты прекрасно отразили и само правление Александра, и его походы, и то время, которое наступило после них.

Греческие города-государства с их замкнутостью, обособленностью и взаимной рознью переживали в IV веке до н. э. глубокий кризис — экономический, политический и социальный. Не хватало рабов, чувствовалась перенаселенность, нужны были новые земли для колонизации, новые источники рабской силы. Многие политические теоретики IV века до н. э. призывали к походам на Восток и созданию единой мощной монархии. В этом они видели лекарства от общественных болезней. Широкие завоевательные войны начал македонский царь Филипп, а продолжил их, с невиданным до тех пор размахом, его сын Александр.

В весенние дни 334 года до н. э. стоял он, красивый, двадцатидвухлетний, перед Геллеспонтом и смотрел, как переправляется его армия. В 1930 году на Принцевых островах недалеко от места переправы Александра был найден большой клад золотых и электровых монет IV века до н. э. Судя по младшей монете, он был зарыт в том же 334 году. Сосредоточение на берегах пролива огромных армий, передвижения войск, общая тревожная обстановка — все это заставило какого-то торговца или богача спрятать свои деньги на одном из островов.

Мировое господство было навязчивой идеей Александра. Исса и Гавгамеллы — победы над Ираном. Потом тяжелейшие бои в Средней Азии. Дойдя до Инда, он не расстался со своей мечтой, хотя армия роптала, усталая и измученная. Он повел войска через Инд и разбил царя Пора. Индийский царь, большой, тучный, сидел во время боя на слоне. Пока дела индусов шли хорошо, слон яростно отбивался от македонцев, но когда войска Пора дрогнули, слон, весь израненный, опустился на колени. «Заметив, что Пор изнемогает от ран, нанесенных стрелами, он, боясь, как бы царь не свалился с него, медленно опустился на колени и потихоньку одну за другой стал выдергивать хоботом из него стрелы», — рассказывает Плутарх.

Есть очень редкая монета Александра — большая декадрахма, изображающая борьбу Александра с индийским царем. Пор сидит на спине своего умнейшего слона, Александр — на коне, наверное, Буцефале, который в этом бою погиб. Долгая битва тысяч воинов на монете превратилась в поединок военачальников.

Кровавые войны Александра, продолжавшиеся всего около десятилетия, наложили отпечаток на последующие столетия. Был покорен весь Передний и Средний Восток. Туда хлынули массы греков и македонцев, они принесли свою организацию городской общины — полис. Но теперь это был не самостоятельный город-государство. Он находился под властью царя, обожествленного монарха. Еще во время походов Александр перенял от восточных владык и их роскошь, и церемониал, стал обожествлять себя, привлекать на свою сторону восточную знать, жрецов местных богов. Вернувшись из Индии, Александр устроил в Вавилоне свою столицу. Очень скоро, занятый подготовкой новых походов и устройством своей необъятной империи, он умер, и как большая роскошная тонкая чаша, выпущенная из рук, разбилась созданная им империя. Началась новая эпоха в истории античного мира — эпоха эллинизма.

Филипп Македонский чеканил монеты, на которых помещал только свое имя, его сын Александр после подчинения Афин стал чеканить монеты с надписью «Базилевс Александр», т. е. царь Александр. Так греки еще не называли на монетах своих правителей. Этой надписью Александр подчеркнул свою неограниченную монархическую власть. Эллины титулом «базилевс» обычно именовали восточных царей. Ради союза с аристократией завоеванных стран Александр рядился в персидские одежды, взял в жены бактрийскую принцессу, и даже своих приближенных заставил жениться на восточных красавицах. Этот союз был основой политики завоевателя. Титул «базилевс» подчеркивал это.

Громадная власть Александра в Иране и огромные богатства, захваченные им, дали возможность выпускать единую монету на всех покоренных землях. Всюду чеканились серебряные тетрадрахмы с портретом самого царя и золотые статеры с изображением Афины в коринфском шлеме. Такие монеты и подражания им выпускались еще долго после смерти завоевателя. Раньше была автономная чеканка денег в каждом городе, со своими символами и эмблемами, теперь во всех городах — единый тип монет.

Александр мнил себя богом, потомком Геракла. Рассказывали, что близ Мараканды в Средней Азии он уподобился этому богу-герою и, оттолкнув угодливого царедворца, сразился один на один с огромным львом. Александр уложил его ударом палицы, и великий скульптор Лисипп высек из мрамора статую на этот сюжет. Гераклидами считали себя все предки царя по мужской линии. «Если Александру хочется быть богом, пусть им будет», — иронически говорили его враги. Но официальная власть сочла нужным увековечить притязания царя на божественность. Сначала на александровых монетах изображали Геракла в шлеме, украшенном мордой льва. Потом Геракл становится удивительно похожим на македонского царя, и наконец, голова царя вытесняет Геракла, а львиный шлем остается. Так возникает тип серебряных монет «Александр в львином шлеме» (табл. VI).

До Александра свои, довольно реалистические портреты помещали иногда магистраты в некоторых городах Малой Азии. Теперь обожествленный царь стал необходимым элементом монетного типа. Первые цари после Александра, его преемники — диадохи не решались чеканить монеты со своими портретами. Они продолжали выпускать монеты с

головой, а то и с именем Александра. Деметрий Полиоркет, молодой энергичный царь, победитель при Саламине, жаждавший возродить державу Александра, первым приказал изобразить себя на монетах, но сначала только в Эфесе (Малая Азия). В портрете на деньгах было что-то противное духу классического свободного полиса, что-то от восточной деспотии. Александр именно это берет на вооружение и использует в своей политике покорения и управления Востоком. Он «удостоил чести изображать себя», и его традицию продолжают диадохи.

Личность Александра привлекала внимание и в более поздние эпохи. В средневековье и в новое время сочинялись рассказы и романы об Александре. Монеты тоже свидетельствуют об этой на редкость долгой памяти. В Римской империи, спустя 500 лет после смерти полководца, выпускались серебряные монеты, подражающие монетам Александра Македонского конца IV века до н. э.

Завоевательные войны Александра Македонского открывают новую длительную эпоху, которую называют эпохой эллинизма. То, что назревало в течение всего IV века до н. э. и что предчувствовали многие политические деятели и философы, приняло черты реальности. Произошли значительные социально-политические изменения. Вокруг царей-деспотов создавалась космополитическая элита. Усилилась эксплуатация рабов. Эллинистический мир раздирали войны, государства потрясали заговоры, дворцовые убийства, кровавые драмы разыгрывались на подмостках истории и вместе с тем пышно расцвели наука и техника, политическая мысль трактовала вопросы о некой справедливости, общей безопасности и «мирном сосуществовании» всех держав...

Монетный портрет Митридата Евпатора (увеличено).
Он приказал изобразить себя на монетах в виде прекрасного молодого полубога, подражая в этом отношении Александру Македонскому.

И монетные изображения отразили новый тип правителей — эллинистических царей. Первые наследники Александра — Птолемеи, Селевкиды и другие — стремились походить на него. Иногда они приказывали изображать себя на монетах в виде прекрасных молодых полубогов, подражая в этом отношении Александру. Непримиримый и самый последовательный враг Рима на Востоке — понтийский царь Мит-

ридат Евпатор, правивший в конце II — начале I века до н. э., был типичным эллинистическим владыкой. Иранец по происхождению и по имени, он одевался в греческие одежды, подражал греческим вкусам и одновременно устраивал дикие оргии и грубые представления. На всякий случай он заготовил всем своим приближенным смертные приговоры — подозрительность и жестокость в нем сочетались с суеверием и мстительностью. Он убил мать, сестру, брата, подозревая их в заговоре. Сам он покончил с собой, осажденный в Пантикапее (где сейчас Керчь и гора Митридат), брошенный и преданный сыновьями. А на своих монетах Митридат приказал изображать себя идеальным юношей-героем, с длинными кудрями и поднятыми вверх очами...

Но чаще мастера-монетчики изображали эллинистических правителей иначе. Общий ход развития художественных вкусов, эстетических запросов приводил к тому, что стало особенно цениться портретное сходство, психологизм в изображении личности, реализм в передаче действительности. И эти требования стиля оказались сильнее тщеславия царей. Монетчики, замечательные художники своего времени, вырезали на монетных штемпелях портреты царей не только с беспощадным реализмом, подчеркивая изъяны внешности, но и создавая порой весьма нелестные психологические их характеристики.

«ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ» ГРЕКО-БАКТРИЙСКИХ ЦАРЕЙ

Династическая история Греко-Бактрийского царства — некогда мощного государства в верховьях реки Окса (теперь Амударья), как бы «записана» на монетах, выпущенных его правителями. Сиракузские монеты считают шедеврами монетного искусства классической эпохи, греко-бактрийские называют лучшими образцами эллинистического монетного дела.

В середине III века до н. э. Греко-Бактрия отделилась от государства Селевкидов — одного из наследников державы Александра Македонского. В Бактрии той поры причудливо сочетались Восток и Запад, местные среднеазиатские культурные традиции и греческая государственность — эллинистический полис. Благодаря монетам мы можем представить себе этих эллинистических греческих правителей, царствовавших на самой восточной окраине античного мира. Мы можем всмотреться в их лица, угадать их характер и нрав, узнать, как называли они себя сами, каких богов чтили и чью помощь призывали (табл. IV—V).

Диодот I — основатель Греко-Бактрийского царства, мятежный военачальник Селевкидов. На монетах — длинный нос, покатый лоб, курчавые волосы, мощная шея несет сильную выразительную голову. Проницательный и расчетливый, знающий свою цель человек, который восстал и сумел основать свое собственное государство. Но, отделившись от своего повелителя — селевкидского царя Антиоха, Диодот все же не решается на монете называть себя собственным именем. Поместив свой портрет, он под ним пишет: «Царь Антиох». А на обороте — покровитель его рода Зевс с молниями в руках, с орлом. Наверное,

Диодот заказал статую Зевса и потом изобразил ее на своих монетах. Само имя «Диодот» означает «Богом (т. е. Зевсом) данный».

Диодоту I наследовал его сын Диодот II. На монетах появляется профиль молодого царя, красивого, улыбающегося и довольного в начале своей многообещающей жизни, окончившейся, однако, уже через 5 лет. На оборотной стороне его монет — Зевс с орлом и молниями. Но уже есть имя — Диодот, и это означает самостоятельность государства.

Диодота II сверг Евтидем. На монетах — Геракл, его покровитель. Герой-бог сидит, опираясь на палицу. Можно предполагать, что это миниатюрное повторение знаменитой огромной статуи Лисиппа. У царя умное волевое молодое лицо, характерный мясистый нос, мощные надбровные дуги, глубоко посаженные глаза. Правил он долго, более тридцати лет. На монетах, чеканенных в конце его правления, Евтидем — старый человек, обрюзгший, с морщинами, с опущенными в усмешке уголками рта, с оплывшим жиром лицом, сохраняющим, однако, властный взгляд, который не победила ни усталость, ни опустошенность. Все это убедительно передали древние, оставшиеся неизвестными резчики монетных штемпелей. Состарился на монетах и Геракл — бородатый старик сидит все в той же позе, опираясь на ту же палицу.

Во время правления Евтидема селевкидский царь Антиох III предпринял попытку вернуть Бактрию. Он вторгся во владения Евтидема и разбил его войска. Тогда через специального посла бактрийский царь передал Антиоху письмо, в котором говорилось: «...положение обоих царей становится небезопасным. На границе стоят огромные полчища кочевников, угрожающие нам обоим. Если только варвары перейдут границу, то страна наверняка будет ими завоевана». Евтидем взывает к солидарности эллинистических правителей, которые должны забыть свои споры перед лицом общей опасности — варварского вторжения. И Антиох внял этому призыву. Он примирился с бактрийским царем и даже обещал выдать свою дочь за его сына, красавца Деметрия.

Греко-бактрийские монеты изучаются вот уже 250 лет. Но сколько еще загадок предстоит решить нумизматам! Например, до сих пор не ясно, чеканил ли монеты один Евтидем или их было два. Кажется все-таки был Евтидем II. После него стал править Деметрий.

Властный взгляд, рот с презрительно поджатыми губами, мощная шея, тяжелые надбровья, суровый, непреклонный взор — таким предстает перед нами на монетах Деметрий. О его походах в Индию говорят индийские надписи на некоторых из монет и шлем в виде головы слона с загнутыми бивнями — на других. Александра Македонского после смерти тоже иногда изображали в таком шлеме. В начале правления Деметрия на оборотной стороне его денег помещали Афину. Потом появились другие монеты. На них — Геракл со шкурой льва и палицей. На голове убор в виде венца — это атрибут другого бога, древнего местного иранского бога Солнца Митры. В эпоху эллинизма греческая культура и греческие боги смешались с восточными иранскими, среднеазиатскими, индийскими и египетскими, возникли божества-гибриды. И, может быть, это один из них — Геракл-Митра.

Деметрию наследовал Антимах — умный, тонкий даже человек, судя по его портретам, которые мы опять же знаем только по монетам.

Усмешка в уголках рта, чуть прищуренные глаза. Он тоже был удачливым завоевателем. На обороте его монет — почему-то бог Посейдон, покровитель водной стихии.

Выпускал Антимах также монеты с именами Диодота, Евтидема, Деметрия. Это было причиной многих споров и путаницы в бактрийской нумизматике — не современник ли Антимах Диодоту, не соправитель ли он его. Потом выяснили, что это мемориальные монеты.

Очень хороши монеты Евкратида, который основал новую греко-бактрийскую династию. Он называет себя то «Спасителем», то «Великим царем». На его монетах несколько божественных покровителей — Аполлон, сыновья Зевса, близнецы-всадники Диоскуры, богиня победы Ника. Портрет его в профиль показывает молодое сильное лицо с четкими чертами и волевым взглядом. А вот другие цари — Гелиокл и Платон. Первый из них, соправитель, а потом преемник Евкратида. На некоторых, видимо ранних, своих монетах он предстает перед нами вполне приличным мужчиной, но на других — он ужасен. Короткий нос, низкий лоб, обрюзгшее лицо, короткая толстая шея, выдвинутая вперед верхняя губа. Общее впечатление какой-то дегенеративности. А на оборотной стороне — величественный Зевс с молниями. Платон не симпатичнее — та же жестокость и вырожденчество в неправильных чертах его лица. Кто-то из них убил Евкратида. «Не скрывая отцеубийства, убил его как врага и через кровь его провел колесницу и непогребенным велел выкинуть труп»,— пишет древний историк, не называя убийцу по имени. Это убийство поспешили приписать Гелиоклу — уж очень непривлекательно его лицо на монетах. Но ни один суд не примет такого доказательства вины. Не приняли его и историки. Чеканка Гелиокла и его правление вообще загадочны. Непонятно, почему от Гелиокла осталось больше всего монет, а сам он в письменных источниках не упомянут ни разу. Долгое время вообще не могли разобраться, кто сын, а кто отец — Евкратид или Гелиокл. Потом было признано, что все-таки Гелиокл — сын и отцеубийца. А теперь их родственные отношения вообще поставлены под сомнение.

Детальный разбор монет показал, что было время, когда и Евкратид и Гелиокл чеканили одновременно. По монетным портретам они выглядят людьми примерно одного возраста. Это как будто снимает с Гелиокла подозрения в убийстве. Вся тяжесть обвинения падает теперь на Платона. Но может быть, нумизматы вступятся и за него.

В середине II века до н. э. северные варвары, о которых писал Евтидем, прорвали границы Бактрии и наводнили страну. Бактрийские цари уцелели только в индийских провинциях, где еще долго чеканили они свои монеты, представляющие не меньше трудностей для изучения, чем монеты Греко-Бактрии периода ее расцвета. Потом среди кочевников стали образовываться правящие династии, тоже чеканившие монеты в подражание старым драхмам и тетрадрахмам Евтидема, Евкратида и т. п. Выделился знатный род Кушан и захватил всю власть в этом районе в I—III веках. И снова выпускаются монеты, теперь с индийской символикой, с именами кушанских царей, монеты, утратившие всякие элементы эллинистического монетного дела. Нам не известны даже примерные даты правления этих царей. Кушанские монеты образуют один из самых трудных разделов мировой нумизматики.

В истории греко-бактрийских царей, как море в капле воды, отражается длительная эпоха эллинистических монархий. Характер этих государств, представления о власти, общественные теории и идеология их, культ царей и их коварные деяния, заговоры и войны — все это можно узнать из других источников. Но портреты самих царей найдем мы только на монетах. Их мраморные и бронзовые статуи сохранились плохо. И знание фактов мы дополним свидетельством великого правдивого искусства, которое может нам дать в одном художественном образе больше непосредственного ощущения эпохи, чем десятки хроник.

ИСТОРИЯ РИМА НА ЕГО МОНЕТАХ

Древний Рим показал на монетах свою жизнь, историю, политику, религию, свое искусство и развлечения с удивительной полнотой. На денариях оживает история великой державы древности, действительная и легендарная. Часто изображались сцены из древних мифов, из жизни легендарных и исторических героев: Эней высаживается в Италии, римляне похищают сабинянок. Есть монеты, на которых изображена легенда об основании Рима Ромулом и Ремом: близнецы и волчица, их вскормившая, а рядом пастух Фавстул, нашедший братьев. По преданию, этот пастух был предком монетного магистрата II века до н. э. Секста Помпея Фостла. В этот ранний период исторические и легендарные события связывались главным образом с родовыми преданиями аристократических семейств (табл. VI).

Победа над Карфагеном в первой Пунической войне была ознаменована тогда же выпуском серебряной монеты с изображением богини Ромы (символ города Рима) и богини победы Виктории с пальмовой ветвью. А спустя много лет, во второй половине II века до н. э., магистрат Метелл чеканит в Риме денарий с той же богиней Ромой, а на обороте его — слоны тащат колесницу, в которой восседает Юпитер с молниями, над ним — Виктория держит победный венок: предок Метелла в 251 году в Сицилии одержал победу над войском Карфагена, в котором слоны принимали участие в качестве ударной силы.

В 91—88 годах до н. э. «союзники Рима» — так называли племена и народы, покоренные им на Италийском полуострове, — подняли против Рима восстание. Во время этой войны «союзники» чеканили монеты, на которых был показан италийский бык, бодающий капитолийскую волчицу. На других «союзнических монетах» италийский солдат топчет эмблемы Рима и тот же италийский бык лежит у его ног. Или изображены сидящие «союзники», опустившие мечи и направившие их на только что зарезанную жертвенную свинью, — это клятва в верности. Так показывали они довольно красноречиво, хотя немного наивно, свои антиримские устремления. В этой борьбе они ждали помощи Митридата Евпатора, отъявленного врага Рима, и свои ожидания выразили на монетах так: воин, быть может сам Митридат, прибывший из Понта, сходит с корабля на берег и жмет руку встречающему его союзническому солдату; на корабле запас оружия — показаны два копья и символ власти — скипетр, перевитый лентой.

На римских монетах найдем мы известные в Греции «говорящие» эмблемы, иногда приобретавшие характер целых сценок: похищение сабинянок было изображено на монете магистрата Сабина; жирная кривая нога — это эмблема магистрата П. Фурия Красипеда, чье имя в переводе значит «толстая нога».

Многое было в денежном деле Рима от традиций древней Эллады. Но изображения на римских денариях суше, «жестче», чем на греческих драхмах, детальнее рисунок, точнее реалии. На монетах Рима больше политической тенденции, прокламации. Но меньше в них непосредственной пластичности и красоты, законченности и выразительности, которые делали монеты Греции «весенними цветами искусства».

Во II веке до н. э. на римских денариях обычно изображают богиню Рому — символ правящего народа. В I веке до н. э., когда начались гражданские войны, на монетах, кроме того, стали помещать сцены, которые делали деньги средством массовой агитации за того или иного претендента на верховную личную власть. Так появилась монета Суллы, на которой богиня Виктория венчает его, стоящего на победоносной квадриге, венком и тут же надпись: «Луций Сулла император» — звание императора тогда еще означало только военную власть. Ходили денарии с Венерой и купидоном, держащим пальмовую ветвь, — Венера была символом Суллы — и тоже с надписью «Луций Сулла император», и ауреусы с изображением конной статуи Суллы, который здесь именуется «диктатором». Чувствуется приближение эпохи императорской диктатуры в Риме.

Сын Суллы, будучи денежным магистратом, выпустил монеты с портретом своего отца и денарии, на которых изображалось пленение нумидийского царя Югурты, выданного римлянам мавританским царьком Бокхом. Сулла восседает на троне, перед ним на одном колене с пальмовой ветвью Бокх, а сзади со связанными за спиной руками огромный Югурта, тоже на одном колене, с ненавистью смотрит на мавританского царя. Именно во время этой Югуртинской войны из числа военачальников Мария выдвинулся Луций Корнелий Сулла.

Монеты Рима 50-х годов до н. э. — свидетели той напряженной гражданской войны, которая разразилась во времена Цезаря — основателя Империи. Только в империи, в мобилизации всех сил государств под одной властью видел Цезарь путь к сохранению мощи Рима и успокоению общественных бурь. Главный соперник Цезаря Гней Помпей использует монету для своего возвеличения. Он выпускает такой ауреус: голова Африки в уборе из шкуры слона — видны бивни и хобот, за ней кувшин, а на обороте — квадрига, ею правит сам Помпей, которого венчает лавровым венком Виктория. На одном из коней сидит какой-то человек, может быть, сын. И надпись — «Великий».

Но Цезарь стремительно идет к власти, ему нужна прокламация своей мощи. Выпускается монета с его именем и изображением слона, топчущего змею, — сила Цезаря сокрушает оппозицию. На обороте — жреческие принадлежности: он объявляет себя великим понтификом (верховным жрецом). Чеканят также деньги с именем Цезаря и изображением трофеев, под которыми сидит пленный. Монеты раздаются армии и народу.

Последние сторонники Помпея уже после его смерти обосновались

в Испании, возглавляемые его сыновьями, которые успевают выпустить несколько антицезарианских монет — с портретом Помпея Великого (на одной стороне) и фигурой представителя каких-то народов, видимо, испанских, встречающих Помпея, сходящего с корабля на сушу.

После победы в гражданской войне Цезарю оставалось всего несколько лет жизни, чтобы оформить свою власть и начать перестройку государства. Появляются монеты с его именем, без имени магистратов. Но одновременно выпускаются и другие с именами магистратов, иногда даже без упоминания Цезаря или с нейтральными изображениями, как, например, знакомый нам денарий Тита Каризия. Чеканятся даже монеты с эмблемами Сената и принадлежностями выборов — какие-то республиканские намеки. Осуществляя свою личную власть, Цезарь использует старые формы правления, связанные с Сенатом, лишая их какого бы то ни было серьезного значения.

Но наступает 44 год, близятся иды марта. 15 февраля выходит монета с головой Цезаря. Впервые на монетах появляется портрет живого римлянина — раньше это были умершие великие предки или статуи с неясными чертами лица, как, например, у Суллы. Теперь свершилось небывалое — портрет со всеми характерными чертами Цезаря — худощавого, с длинной шеей, только без лысины: в лавровом венке. Тут же его новый титул — «Постоянный Диктатор». Тогда же Марк Антоний от имени народа предлагает Цезарю титул царя, но Цезарь отказывается от него. Новый выпуск — снова портрет, только несколько грубее исполненный, резче обозначены морщины вокруг рта. Но вот, наконец, приходит роковой день — Цезарь зарезан в Сенате. И запуганный, жалкий Сенат решает на новом, уже посмертном выпуске денариев изобразить Цезаря в траурной вуали. Но этот посмертный портрет диктатора разительно отличается от прижизненного: лицо трубое, большой мясистый нос — это скорее карикатура, отдаленно напоминающая живое и умное лицо Цезаря (табл. VII). И другую моне-

Монетный портрет Гая Юлия Цезаря (увеличено).
Только в последний год жизни удостоился Цезарь монетного портрета.

ту выпускают в память Цезаря в том же 44 году — на ней храм с плотно закрытыми дверьми и надпись: «Милосердие Цезаря».

Борец за старые республиканские порядки и сенатское правление, убийца Цезаря Брут отчеканил в 42 году до н. э. монету с фригийским колпаком, символом свободы, и двумя кинжалами: они напоминали то самое кровавое заседание Сената. Чтобы ни у кого не было сомнения, тут же стояла надпись: «Иды марта». Брут еще раньше, будучи магистратом, провозгласил свои республиканские принципы. На выпущенных им тогда в 54 году до н. э. денариях изображалась голова богини Свободы и надпись «Свобода», а на обороте — в воспоминание о его предке, который в свое время пленил римского царя Тарквиния, представлен этот Юниус Брут Старший, шагающий между двумя ликторами с топорами.

После смерти Цезаря — снова гражданская война. Появляются монеты с портретами или именами всех основных ее участников — Кассий, Брут, члены второго триумвирата: Марк Антоний, Октавиан, Лепид. Снова поднимает голову сын Гнея Помпея Секст. Назначенный одно время командующим римским флотом, он выпускает серию монет с изображением своего отца Помпея Великого и разных морских атрибутов. Только что вышли эти монеты из-под штемпеля, как флот Секста Помпея был разбит Октавианом. И тот отчеканил, уже с большим основанием, памятную монету по этому случаю, тоже с символом морских побед. Октавиан на денариях именуется сначала «божественным сыном Цезаря», потом появляется титул императора. Вот другая монета тех времен: Марк Антоний с его тяжелым подбородком и загнутым вниз носом, сзади царская корона Армении, на другой стороне — Клеопатра, совсем не такая уж юная и прелестная, но величественная и властная царица. Монета выбита, вероятно, в 32 году до н. э. в малоазийском городе Эфесе, где соединилась эта пара после побед Антония в Армении, которые он совершил не без помощи египетской правительницы. Вокруг портрета Антония надпись: «Антоний — победитель Армении», вокруг Клеопатры — «Царица царей и сын ее Царь».

Так в монетной чеканке тех лет находили отражение страсти и тщеславие, коварство и расчетливость, ирония судьбы и ее благосклонность, благородные иллюзии цеплявшихся за прошлое неудачников и мощное движение вперед будущего всесильного Октавиана Августа.

31 год до н. э. В битве при мысе Акциум Октавиан полностью сокрушает Антония и становится полновластным и неоспоримым правителем Рима. В честь этой победы выпускается денарий с богиней победы Викторией на носу корабля (в подражание старой монете Деметрия Полиоркета) и с Октавианом на триумфальной квадриге.

Клеопатра, боясь попасть как пленница в цепях на триумф Октавиана, кончает самоубийством, и Октавиан чеканит монету со своим портретом и крокодилом, долженствующим обозначить покоренный Египет, о чем сообщает надпись вокруг крокодила: «Африка завоеванная».

После победы при Акциуме у Октавиана, принявшего полутитул, полуимя «Август» (что значит «Возвеличенный»), не оставалось соперников. Обладая неограниченной властью, Август отказался от титулов царя или диктатора. Он стал «принцепсом». С этим званием было

связано формально только одно преимущество — выступать первым в Сенате. Это была та форма римского императорского правления, которая получила название «принципат». Монеты спешат прославить Октавиана Августа. Стела с надписью в его честь, два солдата, протягивающие «принцепсу» пальмовые ветви, храм, поставленный Октавианом с надписью «Рома и Август», — таков набор монетных изображений тех лет. А вот и Гай Юлий Цезарь скачет на коне, а сзади воинские штандарты и орлы — нужно было отдать долг памяти великому предшественнику.

Римские монеты показались бы собранием утомительных и скучных прокламаций, если бы не портреты императоров на них. Они-то и делают эти монеты живыми свидетелями эпохи. Художники-медальеры Рима передавали с большой убедительностью и жизненной силой лица правителей, то идеализируя их, то подчеркивая индивидуальные черты... Всегда интересно смотреть на эти портреты, сопоставляя их с тем, что известно об их оригиналах по другим источникам.

Только в последние месяцы жизни удостоился Цезарь прижизненного монетного портрета, быть может, больше всех других политиков Рима достойный его. Портрет Октавиана Августа красуется почти на каждой монете времени его правления. Его несколько идеализируют: юный император, обещающий золотой век спокойствия; глаза иногда подняты вверх, иногда со сдержанным гневом опущены вниз, отчего все лицо принимает какое-то надменное и жесткое выражение, тонкая нежная шея, небольшой, но волевой подбородок, большой прямой нос, иногда зловеще раздутые ноздри, короткая стрижка красивых, слегка вьющихся волос, которая оставляет открытым чистый лоб,— таков этот приемный сын Цезаря, который, как пишет Светоний, своих врагов, моливших его о пощаде, обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!» Сравним его изображение с портретами знатных римлян далеких времен Республики III—II веков до н. э., которые магистраты следующего века помещали на монетах, обозначая заслуги своих древних родов (табл. VII). Как не похожи новые правители Рима, с их властностью и высокомерием, на старых римских рес-

Монетный портрет Октавиана Августа (увеличено).
Своих врагов, моливших его о пощаде, он обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!»

публиканских магистратов, традиционалистов и «пуритан», хранителей семейных и религиозных устоев, на тех, кто спокойно принял когда-то весть о катастрофе при Каннах, организовал отпор Ганнибалу и потом выводил настойчиво Рим на широкую дорогу великой мировой державы. Римские медальеры передали в их лицах какую-то архаическую суровость и простоту. Благородство без идеализации и упорство без упрямства читается в этих морщинах на лбу, в этих жилистых старческих шеях, в глазах, всегда почему-то грустных. Когда их портреты помещали на денариях, они все уже давно умерли, их время прошло, а спустя сто лет, в I веке н. э., наступает новая эпоха и власть захватывают новые хозяева Рима.

Вот Клавдий, пришедший к власти благодаря преторианской гвардии— всемогущей силы в Империи. Маленькая голова его на монетном портрете прочно сидит на толстой мускулистой шее. Сколько во всем его облике жестокости и упрямства и вместе с тем самодурства, тупоумия! На монетах есть такое изображение: Клавдий и солдат пожимают друг другу руки. Сдержанно и лаконично выражает император свою признательность преторианцам. А Светоний описывает возведение на престол этого правителя так: «Когда заговорщики, готовясь напасть на Калигулу, стали оттеснять от него придворных... Клавдий вместе с остальными был вытолкнут и попал в Гермесову комнату; оттуда при первом слухе об убийстве он в испуге бросился в соседнюю Солнечную галерею и спрятался за занавесью у дверей. Какой-то воин-преторианец, пробегавший мимо, увидел его ноги, захотел проверить, кто там прячется, узнал его, вытащил и, когда тот в страхе припал к его ногам, обратился к нему с приветствием, как к императору, и повел к своим соратникам, которые попусту буйствовали, не зная, что делать дальше. Они посадили Клавдия на носилки, и так как носильщики все разбежались, то сами, поочередно сменяясь, понесли к себе в преторианский лагерь его, дрожащего от ужаса, а встречная толпа его жалела, словно этого невинного тащили на казнь». Клавдий обещал каждому гвардейцу 15 000 сестерциев. «Первый среди Цезарей, купивший за деньги преданность войска», — замечает Светоний. Первый, но далеко не последний. Да и первый ли?..

Почему бы римскому медальеру не изобразить Клавдия в тот момент, когда солдат нашел его за занавеской, или припадающего к коленям преторианца, почему бы не изобразить его сидящего, как в укрытии, за валами преторианского лагеря? Вместо этого просто и достойно — рукопожатие. И только в портрете медальер выразил то, что видел каждый в лице нового императора, то, что заставило его сестру при всех проклинать несчастную и недостойную участь римлян, ставших подданными ее брата.

Приемный сын Клавдия Нерон в первые пять лет правил вместе с матерью Агриппиной, которая добилась для него власти, умертвив Клавдия. Вскоре после рождения Нерона его вместе с матерью изобразили на монете — этакий нежный мальчик. Потом Нерон и Агриппина — «нос к носу», или один профиль на другом. Юный император чтит память отца: Август и Клавдий на оборотной стороне монеты, в колеснице, влекомой слонами. Но пройдет около десяти лет и появится другой Нерон. Убийство Агриппины, самоубийство философа-стоика

Сенеки, переворот во всей дворцовой политике. Нерон теряет всякое чувство действительности, замыкается в подозрительности, тщеславии. Он мнит себя великим певцом и актером. Все должны были слушать и восхвалять его, но не все «справлялись с постыдной обязанностью хлопать в ладоши». Нерон становится одной из самых отвратительных фигур в мировой истории.

На монетах он изображен в образе Аполлона, играющего на лире, и тут же, на монетных портретах — одутловатый, с жирным лицом, с кольцом жира на шее, с толстым отвисшим подбородком. Льстецы говорили ему и сам он думал, что он прекрасен на сцене, но монеты отразили смерть его души. И все та же тема преторианцев на денариях, да еще раздача хлеба народу — то, что стало характерной чертой всей римской жизни, а впоследствии примет угрожающие размеры, создав слой паразитирующего городского люмпен-пролетариата.

Изображали и будничную жизнь Рима: привоз хлеба из Египта, порт Остия с птичьего полета с кораблями на рейде и маяком, двухэтажный мясной рынок, построенный при Нероне, и т. п.

После гибели Нерона — снова гражданская война за власть. Один из претендентов, ставший потом императором, выпускает в Галии монеты, воскрешающие старые республиканские символы, например два кинжала и колпак свободы, которые были на монетах Брута, и надпись «Свобода восстановлена» — заискивания перед жалким Сенатом. И снова длинный ряд портретов цезарей-августов-императоров...

Толстое, старое, простонародное, но умное, не лишенное юмора, спокойно-властное лицо Веспасиана, основателя династии Флавиев. После безобразий императоров-предшественников римляне приняли его как одного из лучших цезарей. Покоритель восставшей Иудеи, устав от долгого триумфа, он сказал: «Поделом мне, старику, как дурак, захотел триумфа». Но в знак этой победы он все же отчеканил монету, на которой изображена Иудея в виде грустной женщины, сидящей под пальмой, а рядом — солдат с мечом и копьем. Чтобы было понятно, все это сопровождалось надписью «Иудея взята». А через несколько лет разоривший Иерусалим император Тит выпустил сестерций с той же надписью и той же Иудеей, плачущей об Иерусалиме, но вместо солдата стоял под пальмой плененный еврей со связанными руками.

Плачущая женщина как символ побежденной страны понравилась в Риме. Домициан после побед в Германии выпускает сестерции, на которых теперь уже Германия сидит на щите и сломанном копье и плачет.

На другой монете Тита запечатлено событие внутренней, культурной, если можно так выразиться, жизни — открытие огромного амфитеатра Флавиев — теперь его называют за его колоссальную величину Колизеем. Цирк был важной частью жизни и верхов и низов Рима: без ревущей толпы, без императора, пальцем показывающего судьбу поверженного гладиатора, без львов, рычащих за решетками клеток, трудно представить этот город. Колизей показан на монете сверху и немного сбоку, внутри видны ряды зрителей и ложи аристократии, снаружи показаны арочные входы и в них какие-то люди и квадриги.

Открытие амфитеатра запечатлено на сестерциях Тита, но о других событиях его царствования монеты молчат — трехдневный пожар

Рима, извержение Везувия, приведшего к гибели Помпеи и Геркуланума, и страшная эпидемия чумы.

Грубое, самодовольное, солдатское лицо Траяна — победителя даков и парфян. В знак победы на востоке он изобразил на монетах богиню Викторию, которая что-то пишет на щите, наверное, летопись его, Траяна, новых побед.

Некогда было сказано: «Надо жить, чтобы увидеть все и противоположное всему». То, за что ссылали и казнили в I веке н. э., во II веке стало гражданской добродетелью. Это была так называемая «счастливая» эпоха римской истории, времена «просвещенных» цезарей из династии Антонинов. Жестокие императоры уступили место императорам-философам: Адриану, Антонину Пию, Марку Аврелию. Они или сами писали стоические сочинения о добродетельной и потому блаженной жизни, или поощряли такие писания, окружая себя учеными и мыслителями, путешествовали, заботились о памятниках старины, давали деньги на их реставрацию. Это не мешало им расправляться с оппозицией, укреплять военную мощь и границы, совершенствовать бюрократическую машину государства, наводнять страну рабами-пленными.

Общие идеи, воплощенные в изображениях «Справедливости», «Свободы», богини Ромы, события повседневной жизни, портреты великих цезарей прошлого и членов правящей династии — таков наиболее частый репертуар монет этого времени. Но есть и другие темы. Адриан — устроитель провинций: в военной форме на эстраде он говорит что-то офицеру с мечом и солдатам со штандартами; или Адриан — командир армии: тоже в военной форме он шагает в сопровождении трех солдат со штандартами и центурионом, а надпись гласит: «Божественная дисциплина», или Адриан в тоге стоит на ростре корабля, перед храмом и, подняв руку, держит речь перед группой граждан. И почти на каждой монете его портрет, немного идеализированный, выражающий ту идею «наилучшего принцепса», которую провозгласил еще Август.

Адриан любил путешествовать и в память своих поездок приказывал выпускать монеты с изображениями посещенных им достопримечательностей или с аллегориями. Таких монет было выпущено около 60 серий. Поездка в Африку была запечатлена фигурой лежащего старца. Это Нил. Он оперся на скалу и держит в руке рог изобилия. Рядом два ребенка, внизу крокодил, сбоку гиппопотам — трогательно, интеллигентно и скучно, как и подобает при просвещенном правителе. Адриан был эллинофилом и особенно любил Афины, при нем там шло новое большое строительство. Есть монеты времени Адриана, чеканенные в Афинах, с театром Диониса около Акрополя. По тому, как показан Парфенон на этой монете, удалось определить, с какой стороны холма располагался этот театр. Более того, по этой монете удалось найти развалины театра и раскопать их. Есть монета адриановой эпохи с головой Зевса Олимпийского, а на другой монете изображена полностью эта знаменитая статуя Фидия из золота и слоновой кости, стоявшая в Олимпии. По ним можно представить себе это несохранившееся до нас изваяние.

Реконструкция и правильное истолкование знаменитой статуи Гермеса Праксителя, найденной при раскопках в Олимпии, были произве-

дены по монете времени Марка Аврелия. Что держал в отбитой правой руке Гермес, что показывает он младенцу Дионису? Были десятки предположений: кошелек, сосуд, ритон, кадуцея, жезл-тирс — исследователи «вкладывали» в руку бога все, что приходило в голову. Монета показала, что в руке Гермеса следует поместить ветвь винограда: действительно, чем еще можно было так заинтересовать малютку Диониса!

III век — век кризиса всей Империи и ее финансов. «Серебряные» монеты почти не содержат серебра. Постепенно растет децентрализация монетного дела, хотя Рим еще контролирует его. Истощаются запасы благородных металлов. Но монеты — по-прежнему мощное пропагандистское средство. Все так же императоры III века используют его для утверждения еще при своей жизни наследников, помещая их портреты, для прославления своей семьи. Родительница Каракаллы Домна на монетах имеет титул «Мать Августа, Мать Сената, Мать отечества». Все так же изображают покоренные и замиренные провинции. Констанций I в виде всадника наезжает на коленопреклоненную покоренную женщину — Британию, а под ними галера, за ней башни города и начало имени монетного двора — Lon, т. е. Лондиний (Лондон). Все так же выпускают меморативные монеты в память великих цезарей прошлого, изображают родные провинции императоров. Императоры на монетах призывали Providentia (Божественное Провидение), провозглашали Libertas (Свободу) и ее символы помещали на монете, высказывали Liberalitates (Бескорыстие, Щедрость), прославляли Fides (Верность) солдат и свою верность солдатам, заботились о Pax (Мире), который завоевать помогала им Victoria (Победа) и т. п. И все это выражалось символами, изображениями и надписями.

Но во всем этом чувствуется отсутствие фантазии, какая-то бюрократическая скованность. В 248 году праздновали 1000-летие Рима. Были пышные игры. А на монетах мы видим только экзотических зверей, которых привезли для этих игр, надоевшую всем капитолийскую волчицу с близнецами, да выпустили еще унылую серию монет с одиннадцатью обожествленными римскими правителями.

И снова на деньгах чередой проходят перед нами императоры. По их портретам можно узнать, когда в моде была борода, по портретам императриц и принцесс можно написать историю женских причесок.

Доходим, наконец, до Диоклетиана. С его реформ начинается новый период истории Римской империи, теперь уже не принципата, а домината — термин, происходящий от латинского слова «господствовать». Императорская власть, разросшись в огромный военно-бюрократический механизм, устанавливает свою бесспорную и полную диктатуру. Видимость сенатского правления отброшена. Огромный аппарат, пышный двор, церемонии, тяжелый абсолютизм во всем и вместе с тем бессильные попытки ликвидировать кризис Империи в экономике, социальной жизни и в военной области.

Есть большая золотая монета Диоклетиана весом в 53 г — целое состояние. Она равна 10 ауреусам. Такие монеты чеканились для подарков. На ней мы видим самого реформатора — квадратная голова с короткой стрижкой «бобриком», борода-«шотландка», немного свисающие усы, мощная короткая шея. Действительно, сила и властность живет в этом лице, как-то странно современном (табл. VIII).

Реформировав монетное дело, Диоклетиан надеялся прекратить порчу денег, приостановить инфляцию, установить максимумы цен, но потерпел неудачу. Пытался он упорядочить разнообразие монетных типов. На низкопробных серебряных и медных фоллисах, предназначенных главным образом для городского торга, помещали гражданские изображения — «Гений римского народа», на серебряных монетах — военные сюжеты, например ворота лагеря, ведь серебро предназначалось войскам, а на золоте — боги: Юпитер, Геракл, покровители и защитники.

Придя к власти в 284 году, Диоклетиан через 20 лет, как и обещал вначале, ушел от дел, заявив, что с него хватит. Он удалился выращивать овощи и цветы в суровый, напоминающий военную крепость замок в Далмации, так непохожий на дворец Адриана в Тибуре, в котором все было полно радостным эллинским духом и все напоминало императору, как и чеканенные при его правлении монеты, о сладостных поездках по великолепным провинциям.

По случаю провозглашения при Константине I Константинополя столицей Империи был отчеканен фоллис с богиней победы Викторией на носу корабля, что в первый раз мы видели на монетах Деметрия Полиоркета. Теперь появляются эмблемы христианства — прямоугольник на палке с монограммой Христа. На одной монете Константина этот значок пронзает змею — языческую оппозицию. Есть замечательная золотая монета Константина с его профильным портретом, который своей простотой и монументальностью создает впечатление силы императора и империи. И вместе с тем глаза молитвенно воздеты кверху. Это не просто император, а обожествленный правитель (табл. VIII).

В 346—350 годах праздновали 1100-летие Рима. Было выпущено несколько юбилейных монетных серий: император в образе солдата выводит из деревянной хижины молодого человека — Ромула, очевидно; император с фениксом в одной руке и с христианской эмблемой в другой стоит на корабле, которым правит Виктория. Корабль огромной империи в новом тревожном тысячелетии как никогда раньше нуждался в помощи богов, и языческих и христианских, и прежде всего на границах с варварскими народами. Здесь нужна была победа, и ее призывает и обещает другая юбилейная монета: римский солдат закалывает копьем упавшего воина-варвара. Таковы были надежды, а действительность в новом столетии Рима была иной, плачевной, особенно для западной части государства. Но все же мощи Рима хватило еще на 130 лет: Западная Римская империя пала только в 476 году.

РИМСКИЕ МОНЕТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИМПЕРИИ

Денарии, антонинианы, фоллисы широко расходились по всем провинциям Империи и разносили всюду те политические прокламации, которые были записаны на них условным, но понятным населению языком — языком портретов аллегорических изображений, атрибутов и бюстов богов.

Благодаря стабильности своего веса и качества (до III века денарий не был еще подвержен сильной порче) римские монеты вышли за пределы Римской империи. Единая императорская власть распространялась на огромные территории и всюду теми или иными способами регламентировала обращение, утверждала номинальную стоимость денария и обязательность его приема продавцом. Но римские монеты ценились высоко и за пределами Империи. Они встречаются и в Северной Африке, и на большей части территории Европы, и в Восточной Европе, и в Индии, и в Средней Азии. Они доходили до Китая.

Карта распространения римских монет времен Империи.

Древние писали об авторитете серебряных римских императорских монет. Они считали, что широкое их хождение — признак расположения богов к Риму. Плиний рассказал историю одного вольноотпущенника I века н. э., бывшего сборщиком податей. Он попал в бурю на море, и его корабль был прибит ветрами к берегам Индии. Он явился к местному царю и показал ему чудом уцелевшие у него римские денарии, битые разными императорами и имевшие потому разные портреты. Все они имели одинаковый вес. Царь был так поражен этим обстоятельством, что решил тут же послать в Рим своих послов, чтобы завязать связь с этой самой сильной и могучей державой — так показалось ему, привыкшему к непрерывному снижению веса монет, к которому он и сам прибегал из-за бесконечных затруднений своей казны. Его послы прибыли ко двору римского императора Клавдия. Тот же Плиний писал, что римские купцы нашли ближайшую дорогу в Индию, и Индия приблизилась к Риму. Во времена императора Веспасиана жаловались, что в Индию уходит слишком много серебра — около ста миллионов сестерциев ежегодно, или 25 миллионов денариев. В Индии найдены клады серебряных и золотых монет. Караванный путь вел в Китай, морские экспедиции доходили до Цейлона. Торговля с Эфиопией и Аравией стала обычным делом.

Тацит рассказывает, что германцы ценят золото и серебро, употребляют их в торговле и знают некоторые виды римских монет. Но это можно было сказать только о ближайших племенах. В глубине же варварской Германии сохраняются примитивные формы меновой торговли. Римляне постепенно приучили германскую знать к монете, и вожди стали охотно принимать в качестве подарков не только серебряную

и золотую утварь, но и деньги. При этом историк замечает, что германцы предпочитают «серраты», т. е. зубчатые монеты, которые делали для того, чтобы не оставалось подозрений насчет их внутреннего содержания. Римский историк писал об этом в конце I века н. э.

Германские вожди так привыкли к римским монетам, что порой угрожали войной Риму, если император не делал им крупных денежных подношений. Однако как только им показывали золотые монеты, писал Дион Кассий, они тут же соглашались во всем с римскими властями. Мы знаем о денежной реформе Каракаллы. Он выпускал наряду с низкопробными полновесные и высокопробные серебряные и золотые монеты. К варварам шли только высокопробные ауреусы. Монеты из «золоченой меди» оставались внутри Империи.

Клады и отдельные находки римских монет встречаются и на нашей территории, особенно часто в лесостепной части Украины и Молдавии. В Восточной Европе римских кладов найдено и зарегистрировано более 200, главным образом серебряных. В глиняном горшке или амфоре, или в серебряном сосуде, иногда завернутые в кожу или тряпку тихо лежат эти сокровища, то огромные — более 2000 монет, то совсем маленькие, а чаще всего по 100—200 монет, пока случайно бульдозер, плуг или лопата — очень редко лопата археолога — не вывернет их из земли, и тогда, при счастливом стечении обстоятельств, этот клад попадает в музей или какое-либо научное учреждение и станет достоянием науки. Но надо еще, чтобы до ученого дошла бóльшая часть клада, чтобы монеты не были перепутаны с другим кладом. Таких полностью достоверных кладов имеется всего около 50. Маловато, но все же кое-что эти клады рассказывают о торговых сношениях восточно-европейских народов с Римской империей.

Хотя торговля Северного Причерноморья со Средиземноморьем велась и до нашей эры, и в I веке н. э., только в середине II века массы римских монет стали поступать на территорию Южной Украины и Молдавии и далее на север.

Монеты философического Марка Аврелия и императора-гладиатора Коммода составляют бóльшую часть кладов римских монет в Восточной Европе. Но дело здесь не в императорах и не в Риме, а в том, что именно тогда в Восточной Европе сложилось такое общество, которое могло принять и поглотить монеты и было достаточно зрело, чтобы употреблять их в торговле. Образуется очень мощная археологическая культура — так называемая черняховская. На ее территории найдено большинство кладов римских монет II—III веков н. э. В III веке, когда денарии стали портить, их приток в Восточную Европу резко сократился.

Когда перестали поступать римские монеты, на Северном Кавказе стали изготавливать подражания, довольно точные, в частности, одному типу денариев Марка Аврелия с идущим Марсом. Со временем эти монеты делались все грубее, портился и состав серебра. В конце концов они превратились почти в медные кружки металла с совершенно непонятными изображениями.

Обычно так случалось со всеми подражаниями. Иногда узнать оригинал в этой варварской деньге можно только построив длинную цепь монет, первые звенья которой — это монеты, близкие к оригиналу, сред-

ние — подражания, сильно искажавшие оригинал, в последних же он становится неузнаваем.

Подражания появляются обычно тогда, когда по каким-то причинам прекращается поступление «цивилизованной» монеты, ставшей уже привычной и необходимой. Аристократия варварских племен решает, что сама будет выпускать монеты по образцу исчезнувших монет и сама будет получать ту выгоду, с которой связана, как мы знаем, чеканка. Но тут же встает искушение извлечь еще больший доход, выпустить деньги из плохого металла и более низкого веса, приравняв их к номиналу исчезнувших монет, т. е. пойти по тому же пути, который привел к исчезновению с рынка старых монет чужих государств. «Варварские» подражания обычно легче своих «культурных» оригиналов и не имеют строгой весовой нормы.

Глава 2

В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

МОНЕТЫ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ РИМА

Рабовладельческий мир не раз подвергался нападениям варварских народов, но каждый раз отражал их. Он или отбивал нападения, или выдворял чужеземных воинов, или, наконец, поглощал их и «перерабатывал» чуждый элемент, подчиняя его своей государственности и культуре. Положение изменилось в IV—V веках. Напор варваров, который предсказал еще бактрийский царь Эвтидем, стал всеобъемлющим. Раздираемая внутренними противоречиями римская империя не могла больше сдерживать его на своих границах. Императоры разрешали некоторым племенам, довольно многочисленным, на определенных условиях селиться на окраинных землях. Варварские отряды стали проникать внутрь самого государства.

Готы, создавшие в южной части Восточной Европы обширный союз племен (с которым связано распространение здесь римских монет), предприняли в 269 году грандиозное нападение на Грецию. На морских судах подплывали они к Пелопонесу, Аттике, Криту, Кипру, грабили побережье, доходили до Афин, Спарты, Коринфа. Римские войска, которыми руководил император Клавдий II, с трудом отбились и в конце концов разгромили готов. Это событие тут же было запечатлено на монете Клавдия, прозванного Готским: военные трофеи, повешенные на копья и шесты, похожие больше всего на чучело или манекен, а по бокам два пленных гота со связанными руками и надпись «Победа Готская».

С востока на готов надвинулась мощная и грозная орда гуннов, пришельцев из Центральной Азии. Под их ударами готское царство Германариха распалось, и западная часть готского союза, известная под именем вестготов, двинулась на запад, прошла Подунавье и подошла к северным границам Италии. За ними шли гунны.

В 395 году умер император Феодосий, объявивший христианство государственной религией и прозванный за это Великим. С готами он старался поддерживать мирные отношения. После его смерти Империя разделилась между его сыновьями: Аркадием, получившим Восток, и Гонорием, которому достался Запад. Гонорий был очень молод, и фактически власть принадлежала полководцу Стилихону — последнему великому военачальнику Рима. Вестготы во главе с Аларихом после смерти Феодосия усилили свой натиск на Империю, но Стилихону удавалось отражать все их атаки. Гонорий, присваивая себе триумфы Сти-

лихона, отсиживался в сильно укрепленной Равенне. Но Стилихон был оклеветан и осужден. Рим потерял своего единственного надежного защитника, и через два года Аларих взял город штурмом. Три дня и три ночи грабили его воины Рим.

Аркадий был в Константинополе, Гонорий сидел в Равенне, а в Риме жила их сестра Галла Плацидия. И ей пришлось увидеть пожары дворцов, грабежи храмов, убийства римлян. Она сама попала в плен к готам. Вскоре узнала она о том, что Аларих умер, и его место занял брат Атаульф. А еще Галла Плацидия узнала, что этот новый готский вождь пожелал жениться на ней. И вот уже пятьдесят вестготских юношей преподносят ей свадебный подарок: сто чаш, наполненных каменьями и золотом,— все из награбленных в Риме сокровищ. Галла и Атаульф стали жить и править вместе, хотя брак их был насильственный. Они переехали в Барселону, когда Испания пыталась отсоединиться от Западной Римской империи. Там умер их сын. Там же скоро умер Атаульф, и новый вождь готов выгнал Галлу Плацидию из дворца. Ее в толпе пленных погнали куда-то, а новый правитель вестготов ехал рядом на коне. Но через неделю и он был убит. Новый вождь, взяв за Галлу несколько тысяч мер пшеницы выкупа, отправил ее в Равенну, к брату Гонорию. Тот насильно отдал ее в жены своему военачальнику Констанцию, который вскоре стал его соправителем. Но и Констанций скоро умер, оставив Галле двух детей, мальчика Валентиниана и девочку Гонорию. С ними она была отослана к Аркадию, другому своему брату, в Константинополь, но там задержалась недолго и после смерти Гонория вернулась в Рим, сделавшись регентшей при своем сыне Валентиниане III. Там правила она 25 лет до своей смерти, которая наступила в 450 году. Ей еще раз суждено было увидеть победы варваров — на этот раз вандалов, которые из Испании переправились в Африку и отняли эту провинцию у Рима. Ее дочь Гонория, которую за связь с одним из дворцовых чиновников выгнали из Равенны, решила выйти замуж за Атиллу, вождя гуннов, создавшего мощное племенное объединение на Дунае и терроризировавшего всю Европу. Инициатива брака исходила на этот раз от римской принцессы: она сама предложила себя гунну и часть Империи в придачу. Гонория жила в это время в Константинополе. Когда стало известно о ее заочной помолвке с Атиллой, ее тут же отослали обратно в Равенну, посадили под замок и спешно выдали замуж за какого-то придворного. Угрожая нашествием, Атилла, однако, требовал невесту и вместе с ней обещанную часть Империи. Но он потерпел поражение в 451 году от римлян, франков и вестготов в битве на Каталунских полях. Через год он снова напал на Италию, требуя огромной дани, и только смерть его в 453 году спасла Рим. Но Галла Плацидия уже не застала этого, как не застала она высадки вестготского короля Гензериха, похода его на Рим, который тот взял и разграбил в 455 году.

Аркадий и Гонорий, Галла Плацидия, Констанций III, Валентиниан III, Гонория. Десятки эфемерных мимолетных правлений.

И все они чеканят монеты, хотя и мало (табл. IX).

В западной части Империи один за другим закрываются монетные дворы. В 420 году прекратили чеканку мастерские в Лионе, Арле, Аквилее, а также в Александрии. После 455 года мастерские в Фесса-

лониках, Гераклее, Константинополе, Никомедии, Антиохии чеканили только для Восточной Римской империи. На Западе периодически изготавливали монеты лишь в Милане, Риме и Равенне, нерегулярно, в небольших количествах.

История трепала римских цезарей, кидала их дочерей в объятия варваров, заставляла их уступать трон то галлу, то готу; они были игрушкой военных и дворцовых интриг. А на монетах все то же: символы императорских побед, благосостояния государства и изобилия и т. п. Вот Гонорий. На монете император держит фигурку богини Виктории на шаре и попирает ногой побежденного воина, а в руках у него значок на палке с монограммой Иисуса Христа. И это тот самый Гонорий, который все время отсиживался в Равенне. То же на монетах Констанция III. Вот Ромул-Августул — последний император Запада. На монете крест в лавровом венке. И всюду, конечно, портреты. Им стараются придать пышность и представительность, но получаются схематические, лишенные индивидуальной характеристики лица. Они в триумфальных венках, тяжелых плащах, усыпанных каменьями одеяниях, с обязательной массивной драгоценной застежкой-фабулой на плече. У всех одинаковые широко открытые глаза, изображенный острым углом нос, рот, переданный одной чертой... В этих схематических чертах мы ясно читаем наступление новой эпохи с ее новым христианским искусством — условным, схематическим, символическим.

ПРИ МЕРОВИНГАХ И КАРОЛИНГАХ

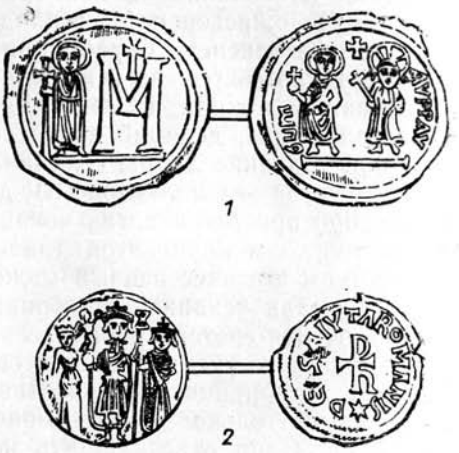
После падения Рима монетное дело Европы пришло в полный упадок. Первое время короли вестготов и остготов, вандалов, бургундов и лангобардов — новая знать мира — или довольствовались старой римской монетой, или чеканили подражания римским и византийским деньгам. Часто им было достаточно, чтобы на монетах стояли начальные буквы их имен и монограммы. На монетах остготского короля Теодориха, который создал в Италии на развалинах римских городов и вилл новое государство, изображен византийский император, а на обороте — только монограмма Теодориха. Монету другого остготского короля, Аталариха, украшает голова самого короля в короне, весьма примитивно изображенная, с надписью «Счастливая Равенна». На ее обороте буквы DN (т. е. Dominus Noster — «Господь наш»), монограмма короля и крест.

Реалистический портрет, который так ценили римские цезари, поощряя правдивость его, даже если их физиономии требовали от монетных портретистов лести,— этот портрет почти исчез в V веке в римском монетном деле. И совсем выродился он на монетах первых варварских королевств.

Но из-за схематизма и примитивности изображений раннесредневековые монеты не становятся менее важным источником информации о той эпохе, когда они были отчеканены. В частности, они рассказывают нам о взаимоотношении варварских королей с христианской церковью — важнейшем политическом и социальном вопросе того вре-

мени. Эти короли считали себя христианами. Монограммы Христа и христианские символы — крест или фигура ангела с крестом, появившиеся на римских монетах при Константине и время от времени встречавшиеся в IV и V веках, на деньгах королей готов и франков VI—VII веков присутствуют почти всегда.

Франкский король из династии Меровингов Хлодвиг однажды во время битвы с племенем алеманов поднял руку и воскликнул: «Я призвал своих старых богов, но они меня покинули. Если ты, Исусе Христе, дашь мне победу над врагами, и я узнаю силу твою, испытанную народом, который тебе поклоняется, я поверю в тебя и окрещусь именем твоим». Так рассуждал этот король, готовый признать любого бога, который принесет ему победу, а с ней золото, серебро, каменья, рабов, богатые дары и выкупы. И он принял христианство. Когда епископ рассказал ему, как неофиту, об искупительных страданиях Христа, он сказал: «Если бы я был там с моими франками, я бы отомстил за него». Но это великодушное заявление, исходившее от самого сердца, не помешало ему убить одного соперника из франкских вождей за трусость, другого якобы за смерть отца, которую сам же он подстроил, и совершить еще множество кровавых дел. С щедростью, соразмерной только его жестокости, он дарил церкви огромные трофеи, захваченные в боях,— украшения, пояса, бляхи, сосуды, за что церковь простила ему все злодеяния и завоевания.



Византийские монеты: 1 — Тиберия (VI век н. э.), 2 — Ираклия (VII век н. э.).

Реалистические портреты античного времени уступают место на раннесредневековых монетах условным и схематичным изображениям правителей.

Такими «христианами» были и другие Меровинги. Религия нужна была им для укрепления и санкционирования своей власти. Но с другой стороны, за кем сила, с теми и церковь — вот о чем говорят эти освещенные христианскими эмблемами монеты.

Кроме символов христианства, монограмм или изображений королей на монетах Меровингов были знаки монетных мастеров. Обозначались иногда также места чеканки, часто совершенно неизвестные по другим источникам. Двор короля кочевал с места на место, собирая дань с подданных, и с ним кочевал монетный двор, часто развертывая свою работу в каком-нибудь никому не известном захолустье.

Монетные мастера иногда играли видную роль при короле. Таким был Элуа, казначей и ювелир короля Хлотаря II, который после смерти был причислен к лику святых. Его учитель, лиможский ювелир Аббон

заведовал у себя в Лиможе «тискальным монетным заведением». Монетчики несли ответственность за качество продукции, для чего и нужно было обозначение их имен на монетах.

Денежными единицами первых варварских государств, образовавшихся после крушения Западной Римской империи, были римский золотой солид и особенно частый триенс (треть солида). Во Франции в местечке Лавожисьер найден клад из 3 тысяч меровингских золотых монет — все триенсы. Серебряная монета именовалась по-старому — денарий. Было сохранено и название фунта (либры) — ливр. В Европе эти названия дожили до сего дня. Итальянская лира происходит от латинской либры, денарий долго сохранялся во французском «денье». В Англии название либры сохранилось в обозначении фунтов стерлингов (L), солида — шиллингов (S), денария — пенсов (d).

Серебро при Меровингах чеканили, но в незначительных количествах. И только в конце этой династии, когда фактически заправлял королевством могущественный мажордом Пипин Короткий, отец Карла Великого, стали чеканить серебряный солид и серебряный денарий. При Карле монетная система окончательно перешла на серебро.

На одном из ученых конгрессов историков и археологов в середине XIX века во Франции был поставлен вопрос: почему Меровинги чеканили почти только золотые монеты, а Каролинги — почти только серебряные. Одни отвечали, что иссякли запасы золота. Другие, что при Меровингах было много еще старой римской монеты и не было нужды чеканить серебряные деньги, а когда при Каролингах римские денарии износились и стали исчезать с рынков, то и понадобились новые серебряные монеты. В этом вопросе и сейчас много неясного. Весьма вероятным кажется предположение, что при Меровингах потребности в денежном обращении были малы, и потому серебра чеканили мало. Золотые же монеты были больше средством накопления, чем средством обращения, ими награждали слуг и вассалов, в них перечеканивали награбленную добычу, их использовали в международной торговле. Особой потребности в массовых деньгах еще не было.

Но постепенно эта потребность стала чувствоваться все более и более. Золото было для повседневной торговли неудобным металлом. Переход к чеканке в массовых количествах серебряной монеты был официально оформлен серией постановлений Пипина Короткого и Карла Великого. Монетные металлы как бы распределили обязанности, поделили сферы своей деятельности: серебро обслуживало массовую торговлю, золото — сферу накопления, образования сокровищ, а также крупные торговые операции. В 754—755 годах постановили чеканить из фунта серебра монет не более чем на 22 серебряных солида. Каждый солид был условной счетной единицей, равной 12 денариям. Чеканили монету из серебра, которое приносили на монетный двор частные лица. За чеканку должны были платить один солид из каждых 22 в пользу монетного двора. Карл Великий установил твердый весовой стандарт фунта. Теперь он делился не на 22, а только на 20 солидов. Серебряный солид стал немного тяжелее, а старые монеты были запрещены, изъяты из обращения и перечеканены в новые. Далее Карл проводит ряд мероприятий для централизации монетного дела. При Меровингах оно было распылено. Выпускалось много монет без имени

короля и без имени правителя-мажордома, а с одним только обозначением монетного мастера. Монетные мастерские получали разрешение чеканить монеты по случаю какой-либо ярмарки или сессии суда, когда ожидалось скопление народа, и часто такие местные монеты пользовались большим доверием, так как местного монетчика хорошо знали и с ним легко можно было расправиться, если бы он вздумал делать плохие монеты. К новой ярмарке мастерская выпускала новые монеты или перечеканивала старые и каждый раз брала с отчеканенных монет определенный процент в свою пользу. На этот доход накладывала руку и местная власть. Карл пытался ограничить это распыление денежного дела, запрещал местную чеканку, в 794 году угрожал даже высоким штрафом свободным людям, а несвободным — телесным наказанием, если они будут отказываться принимать королевскую монету и пользоваться некоролевской. Ничего не помогало. Монеты, чеканенные на некоролевских монетных дворах, успешно соперничали с королевскими. Но Карлу I все же удалось добиться, чтобы местная чеканка производилась от имени короля: на монетах его времени нет имен и знаков монетчиков. Сделал Карл также попытку регулировать цены, но она осталась только на словах и на пергамене.

Монеты провозглашали Карла Великого императором, как римского цезаря. Они изображали его иногда в римском плаще и лавровом венке. А легенда на них гласила: «Господин Карл, император Август, король франков и лангобардов». Раннесредневековая Западная Европа в этот период переживала период непрочного и кратковременного единства. Раннесредневековое государство закабаляло крестьян, закладывались будущие феодальные отношения. А феодальная система должна была привести впоследствии к децентрализации и раздробленности. И действительно, очень скоро империя Карла распалась. Его преемники еще пытаются удержать некоторый централизм денежного дела. Так, например, Карл Лысый в 864 году издает эдикт — самый древний документ о регламентации монетной чеканки, дошедший до нас от эпохи средневековья. По этому эдикту кроме королевских мастерских только 8 городов, в том числе Париж, Руан, Реймс, Орлеан, могли выпускать монеты. Серебро выдавалось из королевской казны и за его расходом следили: оно должно было в виде монет через определенный срок быть возвращено в казну, видимо, с удержанием какой-то суммы в пользу мастерской. Если монетный мастер навлекал на себя подозрения, то должен был отвести их от себя «божьим судом» — испытанием огнем или кипятком. Если «божий суд» оказывался для него неудачным, ему отрезали руку как фальшивомонетчику. Устанавливался обязательный внешний вид монет: на лицевой стороне — имя короля в круговой надписи, а в центре — монограмма короля, на оборотной — обозначение места чеканки и крест в центре. Крест и монограмма иногда вытесняли портрет правителя, но полностью заменить его они не смогли: он сохраняется в ряде мест Европы, например в Англии. Старые монеты под угрозой штрафов и побоев должны были быть сданы в казну. Правительство составило список официально разрешенных рынков, чтобы удобно было следить за ними и за монетами, на них циркулировавшими. Король сулил жестокие кары частным монетчикам, которые приравнивались к фальшивомонетчикам. Устанав-

ливалось соотношение цен на золото и серебро. Строго запрещалось снижение пробы металла в монете. Наказывалось даже хранение низкопробного серебра в слитках. Так пытался король Франции навести порядок в денежном деле.

Это был средневековый, феодальный порядок. При господстве натурального хозяйства каждое поместье и каждое крестьянское хозяйство почти ничего не покупали и не продавали, торговля была развита слабо, денежное обращение проникало в жизнь неглубоко, скользило по ее поверхности. Торговля была обвешена всякими пошлинами и запретами, бесконечными ограничениями и поборами: мостовыми, береговыми, рыночными, колесными — с телег, пылевыми — со всадников и стада... Также и денежное дело было опутано запретами и условиями. Тот же эдикт Карла Лысого 864 года, который подтверждал монопольное право королей выпускать монеты — монетную регалию, устанавливал и рыночную регалию, т. е. монополию на взимание всех рыночных пошлин. Когда централизм уступил место раздробленности, торговля и денежное дело не освободились от этих ограничений и поборов. Право налагать их перешло в руки крупных и мелких местных сеньоров, светских и духовных. Долгое время, пока силен был феодальный строй, городские корпорации или купеческие объединения были отстранены от монетной и рыночной регалий.

ПОРЧА МОНЕТ

В X веке граф Фландрии Балдуин «установил норму меновых сделок для тех, у кого нет денег. За две курицы нужно отдать одного петуха, одну овцу за два ягненка, одну корову за двух телят, одного теленка за две овцы», писал древний фламандский хронист.

Хотя хозяйство и было натуральное, хотя мало покупали и мало продавали, хотя торговля и ограничивалась пряностями и предметами роскоши, все же торговали, все же покупали, даже тогда, когда монет не было. Монеты нужны были обществу даже в самый «темный» период средних веков, еще не потревоженных ни крестовыми походами, ни географическими открытиями.

Но денежное дело при последних Каролингах, а потом при Капетингах во Франции и в других странах Европы того же времени переживало полную децентрализацию. Действовало очень много монетных дворов. Каждый епископ или герцог стремился завести монетную мастерскую. В одном городе их было иногда две или больше — королевская и местного сеньора. Иногда королевские монеты чеканили в монетных мастерских графов, герцогов или епископов. Монеты выпускали монастыри, даже женские, и на денариях появлялись имена и изображения аббатис. Чеканить монеты было очень выгодно. Хозяин монетного двора удерживал в свою пользу определенный процент выпускаемой монеты, иногда довольно значительный. Но главная нажива состояла в порче монет. Если в Римской империи эта порча приносила доход государству, то при частных мастерских она была выгодна светским и духовным сеньорам.

Из одного и того же количества серебра изготавливали все больше и больше монет. Думали, что если из фунта или марки серебра выче-

канить на несколько десятков монет больше, то и купить на них можно будет больше товаров. В какой-то краткий промежуток времени это было действительно так. Но очень скоро такая, более легкая, монета теряла свою цену и ее покупательная способность падала. Короли, князья, графы снова увеличивали число монет, чеканенных из того же фунта, и снова извлекали кратковременную денежную выгоду, не заботясь о будущем. Это приводило к порче монет — явлению, известному нам уже по истории античного денежного дела.

Огромный доход приносили частые перечеканки монет. Старые монеты запрещались, их нужно было нести в казну или на местный монетный двор и сдавать там, а взамен выдавались новые монеты, более легкие, содержавшие меньше серебра. Королевская казна или монетный двор сеньора получали доход за счет такого неэквивалентного обмена. Иногда монету не перечеканивали, а только надчеканивали и вновь пускали в обращение с повышенным курсом. Население старалось удержать у себя старую монету и торговать на нее тайно, чтобы не терпеть убытка каждый раз при обмене старых денег на новые. Власти это преследовали, но все же были периоды, когда серебро придерживали, не пускали его в оборот, зарывали в землю или переливали в слитки, а то и вывозили в другие места. Но мелкая разменная монета все же была нужна. И приходилось идти и менять старые монеты на новые или нести серебро к монетчикам и платить за перечеканку его в монеты тех видов, которые ходили в тот момент на рынке.

Это была корыстная деятельность владетельных сеньоров, не заботящихся о государстве, о народе, о пользе торговли. Она порой приводила к развалу денежного обращения, исчезновению серебра с рынков вообще, расстройству экономики. Короли передавали право монетной чеканки сеньорам за определенную мзду или на условиях службы. Чтобы компенсировать себя, сеньоры усиленно эксплуатировали это право, что ускоряло порчу монет. Особенно портили монеты откупщики. Получив какую-то сумму денег вперед, правительство на несколько лет отдавало чеканку монет в руки какому-нибудь лицу с условием, что будут соблюдаться определенные монетные типы, например с обязательной чеканкой монеты от имени правителя и т. п. Стремясь выжать побольше доходов за короткий срок, откупщики снижали вес и пробу монет особенно быстро.

Сырье для чеканки монет — серебро — поступало или из королевской казны, или из сокровищниц и рудников, принадлежащих сеньорам. Рассчитавшись с казной и по откупу, и за сырье, владелец монетного двора из того же количества серебра изготавливал монет на бóльшую номинальную стоимость. Он получал от этого дополнительный доход. Но частный заказчик, который приносил на монетный двор свое серебро, в такой порче не был заинтересован. Действительно, поставщик приносит хорошее серебро, мирится с тем, что нужно за чеканку отдать какой-то процент от этого серебра, рассчитывает получить за него какую-то сумму денег, а ему выплачивают эту сумму в виде легковесных или изготовленных из плохого металла монет, которые к тому же еще очень скоро, может быть, придется сдавать и обменивать по невыгодному курсу на новые деньги.

И хотя порча монет в разных видах существовала повсеместно и почти во все периоды средневековья, чеканка денег из серебра, приносимого частными лицами (так называемая «свободная», или «открытая», чеканка), тормозила в какой-то мере эту порчу, а централизованное снабжение монетных мастерских серебром из сокровищницы и серебряных рудников (так называемая «блокированная» чеканка) ее стимулировало.

Были разные способы порчи монет и извлечения дохода из монетной чеканки. Иногда незаметно снижали содержание благородного металла. Монету портили как бы скрыто, не меняя ее внешнего вида. До поры до времени на рынках постепенно портящаяся монета сохраняла свою старую покупательную способность, но потом население обнаруживало ухудшение монеты, и курс ее снижался. Или же снижение веса сопровождалось изменением вида монет. Например, французский король Филипп III официально обязал сеньоров при ухудшении веса и пробы монет менять внешнее ее оформление. Это был открытый выпуск новых облегченных монет с приданием им указом короля принудительного курса, обычно с обязательным изъятием старых монет. Но рынок не всегда подчинялся этим указам. Старые монеты придерживали, а новые получали на рынке «вольный курс», ниже официального, указного.

Когда мелкая серебряная монета ухудшилась до такой степени, что больше ее портить было нельзя, выпускали партии высокопробных и тяжелых монет. Особенно они нужны были для международной торговли. Короли и на этом умели наживаться, требуя сверх обычных податей и платежей сбора специальных налогов для покрытия издержек, которые они должны были понести на этих выпусках. И часто сборы эти были большими, чем требовала чеканка тяжелых высокопробных монет.

От выпуска тяжелых улучшенных монет страдали средние и бедные слои городов. Наменяв втридорога на старую монету новых тяжелых денег, они должны были платить за продукты на рынке по старым ценам, которые торговцы требовали по традиции. Рынок не сразу реагировал на эти новые монетные выпуски.

И ухудшение и улучшение монет вызывали не раз народные восстания, обычно в городах, где беднота была тесно связана с рынком и деньгами. Во время одного восстания в Париже толпа разгромила дом главного мастера монетного двора. В другой раз сам король Филипп IV скрывался от разбушевавшегося народа у тамплиеров. Тамплиеры дорого поплатились за свое гостеприимство, за которое они ожидали милостей и привилегий. Во время отсидки у них король узнал об огромных богатствах этого рыцарского монашеского ордена и вскоре расправился с ним, чтобы отобрать сокровища.

Порча монет подстегивала фальшивомонетчиков. Подделка полновесной хорошей монеты сулит быстрое обогащение, но это трудное и опасное дело, так как низкопробное серебро в фальшивой монете по сравнению с высокопробным в легальной монете легко распознать, а выпускать фальшивки из высокопробного серебра нет расчета: выгода не отвечает риску. Порченая монета какое-то время обращается по повышенному курсу, при котором номинальная стоимость значительно

превышает стоимость металла, в ней содержащегося. Вот эти-то деньги подделывать легко и выгодно, и эту разницу присваивал фальшивомонетчик вместо королевской или сеньориальной казны.

Фальшивомонетчиков наказывали жестоко, но сеньоры и рыцари, графы и герцоги, выпускавшие монеты, были ничуть не лучше их. И народ это понимал. Короля Филиппа IV Красивого за порчу денег на королевских монетных дворах звали еще «Филипп Фальшивомонетчик».

Порча монет — обоюдоострое оружие. В погоне за доходами от монетной чеканки короли и сеньоры иногда нарушали свои собственные классовые интересы. В XIII—XIV веках, в особенности после крестовых походов, в Европе резко возросла роль денег, рента часто приобретала денежную форму. А платили установленный оброк крестьяне плохой монетой. Феодалам приходилось повышать номинальную сумму оброка, что нарушало традиции и вызывало недовольство. Сеньоры все более зависят от рынка и покупают все больше и больше привозных товаров, за которые надо было платить хорошим серебром и золотом, а не порченой монетой, не теми черными низкопробными кружочками, которые собирали они с населения в виде оброка, пошлин, мостовых и т. п.

Порча монет приводила иногда к возрождению платежей натурой. Например, вместо монет, катастрофически терявших серебро, в XIV веке кое-где арендную плату за помещения требовали курами, окороками, маслом, сыром, всякой снедью. Но, несмотря на порчу монет, развитие товарно-денежных отношений шло неумолимо вперед, подводя Европу к рубежам капиталистической эпохи.

Сеньор при тех или иных платежах мог оговорить, какой монетой будет производиться расчет. При заключении сделки составляли письменный документ, оставляли где-нибудь у нотариуса, в монастыре образцы денег, по которым должны были рассчитываться. Сеньор мог пустить в ход свой опыт и знание монет, мог посоветоваться с менялой. Крестьянина на рынке обмануть было легко, и подсунуть ему порченый денарий ничего не стоило. Все боялись стать жертвой фальшивомонетчика, принять при расчетах плохую монету. Вот диалог из немецкой поэмы XIV века: иудейский первосвященник Каиафа выплачивает Иуде тридцать сребреников за то, что тот выдал Христа:

Иуда. Этот пфенниг — красного цвета.
Каиафа. За него ты получишь и хлеб и мясо.
Иуда. Этот пфенниг не годится.
Каиафа. А ты посмотри, какой у него звон.
Иуда. Этот обрезан.
Каиафа. Вот тебе другой.
Иуда. Этот с дырой.
Каиафа. Возьми другой.
Иуда. На этом фальшивое клеймо.
Каиафа. Если этот тебе не нравится, дам тебе другой.
Иуда. Этот — черного цвета.
Каиафа. Возьми другой и успокойся.
Иуда. Этот оловянный.
Каиафа. Ты решил нас измучить.

Такие сцены разыгрывались, такие диалоги произносились тысячи раз, когда по праздникам или воскресеньям на торговой площади го-

рода или на ярмарках собирались купцы, ремесленники и окрестные крестьяне и разбивали свои лавки вокруг фонтана. На площади обычно высилась статуя рыцаря — «Роланда», символ высшей власти сеньора над рынком, и стояли городские весы, на которых только и можно было взвешивать товары, а за это надо было платить. Там устраивался и сеньориальный рыночный суд, в котором за всякое мелкое разбирательство тоже нужно было платить, за все нужно было платить сеньору. Вот на этой рыночной площади с ее шумом и грязью, юродивыми, комедиантами и проститутками, где разносились эпидемии вместе со сказками о чудесных южных морях и волшебных странах Леванта, изо дня в день совершалась незримая тайная работа. Развивающиеся торговые и денежные отношения подтачивали основы средневекового миропорядка. Но шла эта работа пока очень медленно.

В МОНЕТНОЙ МАСТЕРСКОЙ И У МЕНЯЛЫ

На французской гравюре XV века — монетная мастерская средневековой Европы. В горне в горшках плавится металл. Рядом большой стол, на нем весы, гири и раскрытый гроссбух. За книгой сидит главный мастер и что-то обсуждает с посетителем. Три мастера работают. Один выковывает из слитка серебра пластину. Второй мастер огромными ножницами вырезает из этих пластинок монетные кружки. Третий чеканит монеты. Мальчик подкладывает под штемпель кружки. Готовые монеты ссыпают в большой таз. Тут же сундук для хранения денег.

Не показано, как режут сами штемпеля. Это, наверное, делали в другом месте другие, высококвалифицированные мастера-граверы. В их распоряжении кроме резцов были небольшие пуансоны, которыми они на штемпеле выбивали буквы и составляли из них надписи. Так зародилась идея наборных литер и книгопечатания. Изобретатель его Гутенберг принадлежал к семейству, связанному с монетным делом в Майнце.

Вес каждой монеты обычно не выверялся. Достаточно было, чтобы общий их вес отвечал установленному стандарту и расчету — столько-то монет из фунта, а позднее из марки — наиболее употребительной после XI века крупной денежной единицы в Европе. Отсюда название этого способа — al-marko.

Такую примитивную мастерскую можно было оборудовать в любом городе, монастыре или замке, лишь бы получить на это разрешение короля.

На гравюре показан главный мастер-монетчик в богатой, не предназначенной для работы одежде. Эти монетариусы были важными фигурами. Они часто играли видную роль при сеньоре и в городе. Купцы и богатые горожане покупали эту должность. Сеньору, который обладал монетной регалией, выплачивались деньги, и монетариус мог сам управлять монетным делом. В XIII—XIV веках часто организовывались специальные корпорации монетариусов. Большая часть членов корпорации в самом производстве монет не участвовала, хотя упла-

Французская гравюра XV века с изображением монетной мастерской. Такую мастерскую можно было оборудовать в любом городе.

чивала сеньору, главному монетчику и простым мастерам довольно солидные суммы серебра. Некоторые обладали правом передачи своего членства по наследству. В Страсбурге в 1276 году было 328 членов такой монетной корпорации. Не было же столько монетных мастерских в городе! Члены корпорации делили доход от чеканки и от порчи монет. Они устанавливали, когда и как перечеканивать или надчеканивать монеты и, сообразуясь с рыночной конъюнктурой, со сроками и местом проведения больших ярмарок, наилучшим образом устраивали свои торговые дела.

Сеньоры охотно шли на соглашение с этими монетными корпорациями, особенно те, которые не располагали рудниками и которым без помощи этих объединений не хватало капиталов и серебра для чеканки денег.

Между сеньорами и городами шла постоянная борьба за право монетной чеканки и контроля над монетными мастерскими. В Северной Италии многие города получили монетную регалию уже в XII веке. Города Германии тяжелыми платежами и разного рода обязательствами выкупили это право у герцогов и епископов позднее — в XIII—XV веках.

Получив право чеканки монет или хотя бы надзора за ней, городские власти старались придать деньгам устойчивость, чтобы способствовать торговле и ремеслам своего города. Они выкупали часто у сеньора право выпускать такую монету, которая не подвергалась бы перечеканкам и обменам по невыгодному для населения курсу — это так называемые «вечные пфенниги» в немецких городах XIV—XV веков.

В Ганновере в 1311 году богобоязненный горожанин, монетный мастер Арнольд Суринг дал обязательство городскому совету чеканить в этом году новую монету из расчета четыре шиллинга (т. е. 80 пфеннигов-денариев) из бременской марки. Но обязательства своего он не выполнил и чеканил монету более мелкую, а когда город предъявил ему претензии, то монетчик изобразил благородное негодование и заявил, что вообще совету не подчиняется, а подчинен только господину герцогу. Будучи вызван к герцогу, Арнольд Суринг оправдывался тем, что обязательство дал под нажимом, подчиняясь грубой силе представителей городского совета. Обвинять же монетчика в порче пфеннигов герцог не стал — настолько это было естественно. Страдал ведь от порчи монет город, и прежде всего его беднота. Порча монет Арнольдом Сурингом, вероятно, была произведена с ведома самого герцога.

Чтобы преодолеть те трудности, которые создает торговле разнобой в монетном деле, некоторые города вступали в союзы и выпускали единую монету. Балтийские торговые города Германии, входившие в Ганзу, не раз заключали такие монетные союзы в XIV—XV веках, правда, они были недолговечны и ни разу всю Ганзу не объединяли. В монетные союзы объединялись и сеньоры, например в 1586 году 4 курфюрста, чьи владения лежали на Рейне, заключили Рейнский монетный союз.

Многие монетариусы и члены монетных корпораций становились менялами. Менялы-трапедзиты были необходимы в экономической жизни древнего мира из-за разнообразия денежных систем и видов монет. Это же вызвало их к жизни и в средневековой Европе — рост торговли и обилие денег в обращении.

В Париже в 1292 году были зарегистрированы 34 кузнеца и 16 менял.

В Италии XIII—XV веков было множество независимых государств и городов, и все они выпускали свою монету по своей системе. Считать деньги было трудно. Арабские цифры были введены в денежные подсчеты только в XIV веке, и тогда же распространилась позиционная запись цифр. Вычисления были запутаны и громоздки. Помощь менял становилась совершенно необходима, тем более что торговля усиленно развивалась и денежные отношения проникали во все стороны жизни. Создавались крупные меняльные конторы, банкирские объединения и

дома. Составлялись справочники для торговцев и для менял. Агент флорентийского торгового дома Барди некий Балдуччо Пеголотти, живший в XIV веке, написал книгу-справочник для торговцев, которая называлась «Практика торговли». В этой книге помещались цены на товары в разных местах, торговые морские и сухопутные пути, указания, чем и где выгоднее торговать и, наконец, как делать перерасчет денег одного города на монеты другого. Пеголотти подробно описал монетные системы итальянских городов и многих стран Средиземноморья, составил длинные, сложные переводы одних денежных единиц в другие.

Приезжает купец на ярмарку, а там обращаются специально отчеканенные для этой ярмарки монеты. Пока купцу перечеканят в местной мастерской его слитки или его чужеземные монеты, пройдет много времени и коммерция может пострадать. На помощь приходит меняла и за известное вознаграждение обменивает его монеты на нужные. При этом меняла мог выдать наиболее легкие монеты, отобрав их предварительно, так как вес монет сильно колебался, а тяжелые оставить у себя, или при обмене он мог обмануть купца, плохо знающего положение с местными деньгами. Если это трудно было сделать при размене серебра на серебро, хорошо проверяемого простым взвешиванием, то меняла вознаграждал себя при обмене золота на серебро: соотношение цен на эти металлы все время менялось. Зная движение этих цен, чувствуя их тенденцию, можно было легко выменять золото или серебро подешевле, а продать его в другой раз или в другом месте подороже.

Сеньоры ревниво следили за менялами. Посторонние не только не могли заниматься обменом денег, но даже запрещалось держать гири и весы для взвешивания монет. В Англии менялы были, как правило, королевскими чиновниками. Королевскими были и меняльные конторы, через которые только и могли происходить купля и продажа благородных металлов. В конторах вывешивались таблички, на которых писали, по каким курсам монеты обмениваются. Этим конторам поручали и проверку монетных мастерских. Главный королевский монетчик часто был и главным королевским менялой.

Монетчики и менялы финансировали крупные купеческие предприятия, снабжали деньгами королей и герцогов, епископов и пап. Давая деньги в кредит королям, ростовщик-меняла не был уверен в том, что не потеряет свои деньги. Короли, задолжав слишком много, просто уничтожали своих кредиторов, обвинив их в ереси, организовав еврейский погром, или выходили из финансовых затруднений другим каким-нибудь таким же нехитрым способом. Но королю трудно было снова получить заем, если он злоупотреблял таким средством погашать долги. Так что риск был, но был и резон давать займы, к тому же и проценты были огромными.

Еще в XI веке в Италии менялы изобрели вексель — документ, по которому его владелец мог получить деньги. Трудно и опасно было везти деньги в виде монет. Сдавали их меняле, получали от него вексель и на новом месте получали по нему эту сумму в нужных монетах. Конечно, это возможно было, если существовали связи между менялами, дававшими и учитывавшими вексель, или если векселя вы-

давались и учитывались отделениями одного финансового предприятия. Через флорентийские конторы Барди и Перуцци переводились огромные деньги из разных стран в пользу пап. Такие отчисления назывались «денарий святого Петра». В 1332 году эти конторы перевели из Англии в Рим при помощи векселей в 11 приемов 75 тысяч золотых флоринов. Античные трапедзиты такого развития и разветвления своего дела не знали, так же как не знали они системы векселей. Потом стало в обычае делать на векселе передаточную надпись, по которой деньги мог получить любой человек, в чьих руках оказывался вексель. Векселями стали расплачиваться, они стали заместителями монет, сокращали их количество, необходимое в обращении. Меняльные конторы были зародышами будущих капиталистических финансовых предприятий — банков. Само слово «банк» происходит от староанглийского bank, что означает «скамья», т. е. стол, за которым сидел меняла, так же как от «трапедзы» (стола) произошло слово «трапедзиты».

Задолжав огромные суммы итальянским банкирам, благородный английский король Эдуард III отказался платить по векселям. От этого его главные кредиторы — флорентийские банкирские дома Барди и Перуцци — потерпели крах. Это было грандиозное банкротство. Финансовый термин этот происходит от выражения «banka rotta», т. е. «разбитая скамья». Так говорили еще в старину, когда уличали менялу в обмане и переворачивали или ломали его скамью и стол на рынке.

В XIV—XV веках в Италии банкирские компании обладали колоссальными капиталами и пускали в оборот огромные вклады. Банкирский дом Медичи установил тираническую власть во Флоренции. Щедро меценатствуя и эксплуатируя великое возрождение искусства и интеллекта, он вошел в мировую историю.

В Германии XV—XVI веков конторы были еще более всеобъемлющими предприятиями и держали вклады всех слоев общества—князей, графов, дворян, горожан, богатых и бедных ремесленников, слуг, крестьян. Глава немецкого банкирского дома Фуггеров Яков писал в 1523 году императору и королю Карлу V: «Известно всем, что без моей поддержки Ваше Величество никогда не получили бы короны Священной Римской империи».

«Господин Фуггер привел меня в башенку; там он показал сокровища, состоящие из цепей, регалий, благородных камней, также редких монет и кусков золота величиной в голову — сокровища, стоившие, по его словам, свыше миллиона золотых. Затем он открыл ящик, доверху наполненный только дукатами и кронами. Он сказал, что их там на двести тысяч гульденов, которые он передал посредством векселя испанскому королю. После этого он повел в другую же башенку, до половины наполненную исключительно хорошими талерами: он говорил, что там уложено приблизительно на двадцать семь тысяч талеров...» — так описывал дом Фуггеров в своих «Достопримечательностях» немецкий рыцарь Ганс фон Швейнихен. Банкир, держащий в своих руках нити европейской торговли и финансов, хранит золото и серебро в слитках, монетах, драгоценных изделиях в сундуках у себя дома; это еще средневековый банкир.

Итальянских менял и купцов-ростовщиков по всей Европе звали

ломбардцами, так как многие из них были из северной провинции Италии Ломбардии. Отсюда и слово «ломбард». Их коллеги, выставлявшие свои столики на торговых площадях французских городов, часто назывались кагорцами, от города Кагора в Южной Франции.

Христианская церковь запрещала или ограничивала ростовщичество, которое, несмотря на запреты, все же существовало. Папа и Соборы еще в XIII веке издавали по этому поводу строгие эдикты. Ничего жизненно важного не покупая и не ведя коммерции, сеньор или крестьянин занимали деньги только в крайних случаях. Одолженные деньги не приносили дохода, и брать за ссуду вознаграждение, проценты считалось неэтичным. Но эта этика феодального хозяйства была сломлена развивающейся торговлей, где деньги, взятые в кредит, приносили барыш. Ссуда должна была оплачиваться, и ростовщичество становится легальным и признанным делом. Естественно, что кредит стал развиваться прежде всего в банкирских конторах и домах. Эти предприятия были не просто торговыми объединениями, какими были гильдии, где каждый купец вел свою торговлю со своим капиталом. Эти «компании», как их называли в Италии, прежде всего объединяли капиталы и получали от этого огромную мощь. Они вмешивались в денежное дело и торговлю благородными металлами, поставляли серебро на монетные дворы, скупали монету и отдавали ее перечеканивать. Большие торгово-банкирские компании вытеснили архаические городские монетные корпорации. Спекуляция и торговля деньгами вместе с кредитом становились важнейшим делом как крупных компаний, так и мелких «ломбардцев» и «кагорцев».

Портрет Лоренцо Медичи на медали (увеличено).
Банкирский дом Медичи установил тираническую власть во Флоренции. Банкиры — тираны Медичи, щедро меценатствуя, эксплуатировали великое возрождение искусства и интеллекта.

Банкиры связывались с пиратами, работорговцами, грабителями. Это была пора первоначального накопления капитала — и она отмечена страшными преступлениями, совершаемыми в погоне за деньгами.

Война, торговля и пиратство
Они — триедины, нераздельны.

Итак, монеты в средневековой Европе портились. Во Франции первоначальный денарий Карла Великого (12 денариев-денье составляли су, т. е. солид, а 20 су или 240 денариев составляли ливр, т. е. либру) стал содержать в XIII—XIV веках ничтожно мало серебра, превратился в почти медную «черную» монету. Су и ливр были счетными денежными единицами, их упоминали в договорах, на них считали деньги, но таких монет не выпускали. Когда-то ливр был весовой и одновременно денежной единицей. Набирали достаточное количество денариев и получали ливр по весу, т. е. фунт серебра. Но из-за падения веса денария ливр денариев, т. е. установленное их количество (240 штук), стал легче, чем вес ливра. Счетное денежное понятие отделяется от весового стандарта. Но продолжали считать на ливры; теперь уже это не весовая единица, а счетная, денежная, сохраняющая только название весовой. И для средневековья была характерна эта манера счета денег на такие денежные единицы, которые существовали не реально, в монетах, а в умах торгующих и покупающих людей. Но настало время, когда некоторые из этих счетных единиц стали приобретать форму звонких металлических денег.

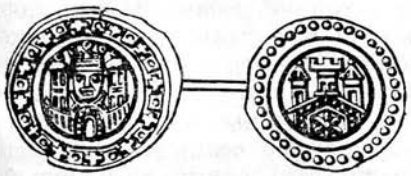
Ухудшение монет плохо сказывалось на экономике, тормозило торговлю, прежде всего международную, подрывало доверие к платежам короля. Приходилось выплачивать «черными денье» жалованье наемникам, которые становились все более и более важной частью армии, это вызывало недовольство войск. Чувствовалась нужда в полновесных серебряных монетах.

В Италии большой денарий — гроссо (denarius grossus) — появился еще в XII веке в Генуе, Флоренции, Венеции. Во Франции Людовик IX во второй половине XIII века выпустил крупную серебряную монету в 12 денариев. Старая счетная единица — солид, равный 12 денариям, возродился теперь в виде монеты. Ее стали называть «гро» (gros — толстый, большой). Первые монеты по месту чеканки (в Туре) назывались «гро турнуа». Гро повторяли в центральной своей части оформление денария, но имели рамку в виде широкого кольца с 12 королевскими лилиями — столько денье было в гро. Казалось бы, это соотношение удержит денье от дальнейшего ухудшения. Гро чеканили королевские мастерские, и предполагалось, что они будут устойчивыми и, следовательно, если портить денье, то никто не будет за 12 денье отдавать гро. Но и денье продолжали портить, и гро не избежал этой участи. Снижают серебряное содержание гро, каждый раз меняя его оформление — были гро с короной, гро с лилией, с крестом, который за длинный нижний конец этого креста назвали «гро с хвостом», гро со стоящим львом — «львиный» и т. п.

В Германии название денария заменилось уже в XI веке другим — пфеннигом, в Скандинавии — пеннингом, в Англии — пенни. К XIV веку в Германии пфенниги потеряли почти полностью свое серебряное содержание, превратившись, как денье, в медную монету,— их также называли из-за низкопробности «черными». Некоторые пфенниги были

более стабильны, и потому они играли роль образцовой монеты, на которую предпочитали заключать сделки или приравнивали к ней другие монеты. Таким был, например, кельнский пфенниг, но и он тоже не уберегся от потери части содержания серебра.

Порча монет приводила к уменьшению не только их диаметра, но и толщины. В XII—XIII веках чеканили монеты в виде тоненьких кружочков серебра и помещали на них штемпель только на одной стороне — двусторонней чеканки они бы не выдержали. В нумизматике эти односторонние монеты называют «брактеатами» (от латинского bractea — жесть, лист металла). При чеканке монету клали на войлок или кожу, и она при этом деформировалась — часто получались монеты в виде чашечки или сковородочки.



Германские брактеаты XIII века.

На них изображали замки и городские укрепления.

1

Монеты типа грошенов: 1 — пражский, 2 — мейсенский.

В XIII—XIV веках возрождается крупная серебряная монета.

2

По сравнению с денье, пфеннигами и пенни брактеаты богато оформлены — монетчики стремились как бы восполнить несовершенство этих монет рисунком штемпеля, а может быть, их фантазия могла шире развернуться на большом поле брактеата. Здесь и рыцарь в полном вооружении на коне, и портреты правителей в коронах на фоне их замков, городов и соборов, и геральдическая птица, и святые, и христианские праздники. Но они, эти брактеаты, были столь непрочны и столь не приспособлены для кошелька (хотя и представляли некоторое удобство для разрезания ножницами при мелких платежах), что быстро исчезли из обращения уже в XIII веке, хотя кое-где они чеканились в XIV веке, а на рынках попадались и в XV веке.

Брактеаты вытесняются крупными монетами. В Германии в XIV веке они были заимствованы из Франции. По образцу гро в Германии стали чеканить серебряные гроты и грошены, а в Чехии — пражские гроши (табл. X). Монетное название «грош» широко распространилось в Европе и проникло даже в Турцию (куруши). Но пфенниг сохранялся, и фунт пфеннигов, так же как фунт стерлингов в Англии, был распространенной счетной единицей.

В Англии серьезная порча серебряной монеты наступила только во времена короля Эдуарда I в XIII веке и усилилась в годы Столетней войны с Францией. Это объясняется большей централизацией денежного дела и большей зависимостью монетных мастерских в Англии от королевской власти. Например, штемпеля для монетных мастерских с X века все изготавливались на королевском монетном дворе в Лондоне и оттуда рассылались по провинциальным мастерским. Монетное дело Англии преследовала другая беда — обрезывание монет. Принести с рынка полновесные монеты, обрезать с них немного серебра и пойти снова на рынок покупать товар, выдавая обрезанные монеты за полновесные,— такой расчет мог быть только в мелком рыночном торге, так как при больших платежах монеты проверяли на вес. Но все же обрезывание монет оказало сильное отрицательное влияние на торговлю и финансы королевства. С обрезыванием монет власти боролись — виновных в этом грехе наказывали как фальшивомонетчиков, даже за хранение обрезанных монет дома. Интересно, что это обрезывание представлялось злым умыслом, опасным для государства только у богатых, так как у них оно могло принять крупные размеры; бедные считались сами жертвами обмана, и их за такие вещи обычно не наказывали. Обрезывание монет было и в других странах, но в меньшей степени.

В XIII веке, так же как в Италии и Франции, в Англии начинают чеканить крупную монету, в 4 пенни, которую называют гроутом, по примеру французского гро. Для борьбы с главным злом денежного дела Англии — обрезыванием — на гроутах должен был помещаться крест, концы которого доходили бы до самого края монеты — обрезанная монета сразу была видна без взвешивания. Но во времена Столетней войны, так же как на континенте, в Англии и пенни и гроут значительно потеряли в своем серебряном содержании.

Итак, в Европе возрождается крупная серебряная монета. Но приходит и другое несчастье — стало не хватать мелкой монеты. Растет рыночный торг, увеличивается население, которое покупает себе продукты на рынке изо дня в день, и растет нужда в разменной монете. В Англии чеканились полупенни и фартинги — четверть пенни, или разрезали пенни на части. Но чеканить мелкую розничную монету было невыгодно и трудно — много труда и мало дохода. Владельцы серебра, приносившие его на монетный двор, также не любили заказывать мелочь — слишком большую долю металла за чеканку нужно было оставлять на монетном дворе. В парламент поступали жалобы, что нет мелкой монеты, короли и парламент издавали указы, чтобы чеканили полпенни и фартинги, но эти постановления так или иначе обходились администрацией.

Вслед за крупными серебряными монетами появляются золотые. После чеканки золотых монет при Меровингах и первых Каролингах во Франции, а в Англии при англосаксонских королях золото надолго исчезло из монетного обращения. Но в XIII—XIV веках в связи с развитием торговли оно снова появляется и берет на себя вместе с крупными серебряными монетами типа грошей функцию мировых денег.

В Италии золото стали чеканить раньше, уже в XIII веке — там и нужды внешней торговли заявили о себе громче. Во Флоренции вы-

пускали флорины — это название происходит от имени города, в Венеции — дукаты. Флоринами и дукатами еще раньше назывались большие серебряные монеты Флоренции и Венеции, но теперь эти названия перешли на золото и за ним закрепились. Название «дукаты» идет от надписи на монетах Венеции: «Да будет тебе, Христос, посвящено герцогство (правление), которым ты сам управляешь». В этой надписи слово ducatus («герцогство») читалось четко и почти полностью. Дукаты называли также цехинами или цеккинами. Это слово происходит от арабского «сике», «сикатун» (чеканка, чеканить). В итальянском языке это слово стало означать монетный двор и золотые монеты. «Цекка» — монетный двор в Венеции. В русском языке это слово превратилось в «чекан».

Венецианский цехин-дукат. На одной стороне Христос, на другой св. Марк вручает дожу знамя — знак власти.

На дукатах помещали изображения Христа с одной стороны, а с другой — Святого Марка, патрона города, вручающего дожу знамя, знак власти; на флоринах — Иоанна Крестителя и лилию, герб города. Названия «дукат» и «флорин» держались в Европе очень долго, «дукат» — до XIX века.

В XII — XV веках расцветает торговля Италии с Передним Востоком — так называемая левантийская торговля. Через итальянские города Амальфи, Венецию и Геную в Европу шло огромное количество перца и других пряностей. Обратно текли валютные металлы — серебро, а потом и золото — в звонких монетах, которые ходили по всему Средиземноморскому Востоку.

В начале XV века в Венеции ежегодно чеканили 1200 тысяч золотых и 800 тысяч серебряных дукатов. Из них около 300 тысяч отправляли в Сирию и Египет в обмен на восточные товары. В 1433 году на кораблях в Александрию и Бейрут единовременно было отправлено из Венеции 460 тысяч дукатов.

Во Франции в XIII веке при Людовике IX чеканят золотые экю, или «золотые денарии». На них было изображение щита (ecu — щит). Но экю Людовика IX были очень малочисленны. Регулярно стали выпускать золотые монеты при Филиппе IV. Они именовались «флорины со скипетром» и «флорины с кафедрой», «экю с солнцем» — от изображений, помещаемых на них. Во Франции прерогатива чеканки золота принадлежала королю, в Германии некоторые князья и города получали это право. Вначале германская золотая монета была по весу и пробе близка к итальянскому флорину, но уже в XIV веке так же, как во Франции, началось уменьшение ее веса и ухудшение пробы. Золотые монеты в Германии назывались гульденами, от golden — золотой. В середине XVI века, после того как появился серебряный гульден, золотая монета стала называться «гольдгульден» — бессмысленное повторение: «золотой золотой».

Золотые пенни в Англии начали чеканиться в XIII веке. В XIV веке здесь чеканят монеты по образцу одинарного и двойного флоринов. Появилась и другая золотая монета — «нобль». Вероятно, в память

о морской победе, одержанной в 1340 году над Францией, на ней был изображен король, стоящий на корабле. Эта монета в Германии получила название «корабельный нобль», на Руси — «корабельник» (монетам давали такие случайные названия от помещенных на них изображений чаще всего в других странах, где они как иноземные гости входиди в чужеземное денежное обращение). В XV веке в Англии появился соверен.

Раз есть золотые монеты, то нужно как-то приравнять их к серебряным. В Англии первые золотые монеты были равны по своей стоимости 20 серебряным пенсам, а весили столько, сколько весят 2 серебряных пенса, таким образом, цена на серебро и золото в монетной системе относилась как 1 : 10. Это отношение определялось системой денежных единиц — номиналов. Но на рынке могло установиться другое соотношение цен на эти благородные металлы. Превышение рыночного курса монет над их номинальной стоимостью называется «ажио», обратное явление — превышение номинальной стоимости монеты над ее рыночным курсом — обозначают термином «дизажио».

Иногда один из денежных металлов оказывался в монетной системе оцененным слишком низко, т. е. его цена в другом металле на рынке была выше, чем его официальное, закрепленное системой номиналов отношение к этому другому металлу (ажио). Тогда он стихийно изымался из обращения: или удерживался населением и зарывался в клады до лучших времен, или уходил за границу, туда, где он был оценен достаточно высоко.

Предположим, в какой-то стране одна золотая монета ценится в 10 таких же по весу, но серебряных монет. А на рынке за 1 вес золота дают 11 весов серебра. Выгодно золотые монеты переплавить в слитки и накупить на них больше серебряных монет, чем их можно обменять на то же количество золота в монетной форме. Или в другой стране одна золотая монета стоит не 10, а 11 таких же по весу серебряных монет. Выгодно вывезти золотые монеты в эту страну и там на них обменять больше серебряных монет. Так возникает опасность, что золото будет систематически уходить за границу. То же могло быть и с серебром. Короли Англии в XIV веке несколько раз меняли соотношение серебряной и золотой монет, но все время денежное обращение лихорадило; то золото оценивалось слишком высоко, то серебро. «Золото не ладит с серебром»,— говорили тогда. В 1381 году обсуждался парламентский статут о мерах по борьбе с вывозом денег из Англии, и никто ничего толком предложить не мог. Были только административные запрещения как своим купцам, так и иностранным вывозить монеты, но собственно экономического оружия против вывоза денежных металлов найти не могли. Во Франции после начала золотой чеканки серебро также стало утекать за границу. В этом несоответствии цен благородных металлов на рынке и соотношения их в монетной системе был главный недостаток биметаллизма, т. е. монетных систем, основанных не на одном металле, а на двух.

Только много позднее, в XVI веке, был понят экономический закон, управляющий обращением на рынках одинаковых по номинальной стоимости, но разных по содержанию в них драгоценного металла

монет. По этому закону из обращения должны исчезать, уходить в клады, переливаться в слитки, утекать за границу те монеты, в которых было фактически больше металла. Если правительство выпускает без запрещения старых монет новые, по тому же номиналу, но с меньшим количеством серебра, то старые монеты будут стремиться уйти из денежного обращения.

Этот закон делает понятным, почему порча монет имела всеобщий характер: если какой-либо сеньор или город и захотел бы оставить вес и пробу своих денег неизменными, когда все его соседи снизили их, он вскоре оказался бы без монет, потому что его деньги ушли бы из обращения и были бы вытеснены плохой монетой из окрестных земель. Чужой правитель стал бы эксплуатировать его подданных посредством монетной регалии.

Этот закон объясняет также, почему в условиях биметаллизма уходили из обращения те монеты, которые были изготовлены из металла, имеющего на рынке более высокую стоимость, чем его оценка в монетной системе.

Смутно это понимали финансовые советники Каракаллы и Диоклетиана, проводившие денежные реформы, и многочисленные правители средневековой Европы. Более отчетливо осознавали эти закономерности денежного обращения английские финансисты времен короля Генриха VIII, когда в 1526 году они проводили денежную и монетную реформу. Одной из целей этой реформы было защитить английское золото от вывоза в Европу, где оно оценивалось дороже, чем в монетной системе Англии. Королевская прокламация, возвещавшая о реформе, указывала: «Из-за повышения стоимости золота во Фландрии и Франции английские золотые монеты — энджел, полэнджела, райэл — вывозятся из королевства купцами, как иностранными, так и местными, ибо при этом они получают большую выгоду»,— довольно правильный анализ положения дела. Далее в указе следовало также верное заключение, что административные меры не помогают: «...несмотря на то, что король издал статут, запрещающий вывоз английских монет за границу, они тайным образом вывозятся». Что же делать? Правительство решает: «Для того, чтобы предотвратить утечку золотых монет и слитков за границу, все золотые монеты, обращающиеся в королевстве, должны иметь такую же стоимость, что и иностранные монеты». Как это сделать практически? Можно поднять стоимость золотой монеты, повысив ее официальное отношение к серебру, т. е. поднять ее курс в серебре. Можно снизить ее золотое содержание, оставив ее старый курс в серебре. Были использованы оба этих способа. Испанский дукат и французский экю, которые ходили в Англии, повышены были в цене на 2 серебряных пенса. Объявлено было о новой английской золотой монете — «кроне с розой», эквивалентной экю и по весу и по курсу в серебре, но с пробой более низкой, чем в старых английских золотых монетах.

Эти меры оказались недостаточными, и в том же году были предприняты новые аналогичные меры для повышения курса монетного золота в стране.

Хотя и понимали финансисты Генриха VIII механизм денежного обращения, но не до конца, и не научно, а практически. Проводя свою

денежную реформу, они должны были думать о множестве деталей, которые затемняли собственно экономические закономерности рынка. Выполняя требования короля, они должны были упростить расчеты внутри своей национальной монетно-денежной системы и облегчить пересчеты на иностранные деньги, при этом с оглядкой на меняющиеся политические комбинации европейских держав — сближение то с Испанией, то с Францией. Они должны были пополнить рынок деньгами — был снижен попутно вес и серебряных монет, т. е. начеканить их побольше, но это могло снизить эффект реформы по отношению к золоту. Они стремились, кроме того, добиться для казны благоприятных условий выплаты государственных долгов после реформы. Они вынуждены были придавать некоторым монетам элементы принудительного курса, не нарушая, однако, систему «открытой» чеканки, при которой, напомним, металл поступает на монетные дворы от частных лиц. При этом они боялись повышения цен на товары и принимали меры, чтобы его предотвратить. (Подробно денежная реформа 1526 г. в Англии изучена советским ученым М. В. Мухой.)

Закон об исчезновении из обращения монет с более высоким содержанием металла был сформулирован великим Николаем Коперником в том же 1526 году, но в другом конце Европы. Коперник изложил этот закон в трактате, представленном польскому королю Сигизмунду I. В нем содержался проект новой монетной системы.

В 1560 году этот закон был вторично открыт английским экономистом Т. Грешемом.

НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Страсть к деньгам — учредительница человеческого общества;
Устраивает брачные союзы;
Связывает дружбу и согласие;
Учреждает государства и города;
Она также сохраняет их в хорошем состоянии;
Доставляет честь и уважение;
Радость и забаву;
Она способствует искусствам и наукам,
Торговле,
Алхимии и чеканке денег,
Врачебному искусству;
Братская любовь далеко не такова,
Чтобы обещать больному помощь и совет.

Так говорилось в голландской поэме XVII века «Похвала страсти к деньгам». Грубовато, неуклюже, прямолинейно, но сильно выражена здесь страсть к наживе эпохи раннего буржуазного развития. Меняются ценности. Феодал должен был разориться, но устроить для своего окружения охоту и пир. Буржуа в эти столетия копит деньги, пренебрегая до поры до времени престижем.

Новая эпоха и связанное с ней развитие торговли и предпринимательства настойчиво требовали устойчивых денег взамен разнотипных, меняющихся в весе и пробе монет средневековья.

Абсолютным монархам XVII—XVIII веков также нужны были твердые деньги, чтобы платить наемникам, покупать предметы роскоши, вести мировую торговлю. У них и были средства, сконцентрированные запасы серебра и золота, чтобы обильно чеканить крупные полновесные монеты.

История монетного дела напоминает езду по «американским горкам»: пологий спуск — крутой подъем — головокружительный вираж. Долго портили денарий, пока не довели его до полного ничтожества. Это был период денария (и пфеннига) — VIII — XIII века. Потом появилась тяжелая серебряная монета — примерно в одно время почти во всей Европе. Начался период гроша — XIII — XV века, в течение которого и эта монета снижает свой вес. В XVI веке начался следующий период. Распространились новые тяжелые полновесные и высокопробные серебряные монеты, которые получили название талера. Период талера продолжился до XIX века.

В конце XV века в Италии появились новые типы крупных монет. Они еще не назывались талерами. Первые талеры стали чеканить в начале XVI века в Чехии в Иоахимской долине, где были серебряные рудники у деревни Иоахимшталь. Сокращенно от названия деревни и стали называть новые монеты.

В 1566 году в Германской империи начали чеканить рейхсталер, т. е. императорский талер. Вскоре он вышел за пределы Германии и стал обращаться почти по всей Северной Европе. На юге Германии распространился вариант талера — рейхсгульден (т. е. императорский гульден), серебряный эквивалент золотому гульдену. Выпуская рейхсталеры и рейхсгульдены, Священная Римская империя Германской нации пыталась унифицировать свое денежное хозяйство.

Во Франции талеры стали известны как «экю», в Италии — «скудо», в Испании, Мексике, Центральной и Южной Америке — «песо», в Скандинавии — «далер». Название «талер» сохраняется в американском долларе.

Какие хорошие иллюстрации историческим событиям, какие заманчивые изображения старых городов, какие выразительные портреты правителей находим мы на талерах (табл. X)! Курфюрсты в рыцарском вооружении. Каждый со своим гербом — Германия сохраняет расчлененность, наследие средних веков. На монете 1626 года показан Аугсбург — башни, дворцы, храмы. Латинская надпись на монете гласит: «Аугуста Винделикская 1626» — город был основан Октавианом Августом в земле племени винделиков. Горящий Торн — польский Торунь — изображен на двойном талере (он так и называется «брандталер», т. е. «пожарный» талер), чеканенном в этом городе в память о его осаде шведами в 1629 году. На талере города Гамбурга 1619 года изображены городские башни, стены и ворота. Видна опускавшаяся в этих воротах решетка, закрывающая их в минуту опасности. Это герб Гамбурга. Облик старого города предстает на этих монетах. На медали 1733 года, имеющей вид и вес талера, показан саксонский город Фрейберг с его башнями и соборами — уютный немецкий город, бывший крупным центром добычи серебра. Перед городом видны надшахтные постройки, ниже горизонтальная линия и под ней разрез рудника и работающие там горняки. Тут же надпись по-немецки.

«Glück auf» — «Счастливо!» — так говорили шахтеры, спускаясь в штольни.

Талер-песо испанского короля Филиппа III, правившего в 1598—1621 годах, выглядит иначе. На лицевой стороне герб Испании — геральдический щит, увенчанный короной. На нем и кастильские трехбашенные замки, и леонские львы, и вертикальные полосы — герб Арагона и орлы в углах креста — герб Сицилии, а также лилии Бургундии, лев Брабанта, эмблемы Австрии, Гренады (разрезанный плод граната на ветке). Есть тут и герб Португалии в виде щита с пятью щитками, на каждом из которых небольшие крестики, а по бокам семь трехбашенных замков. Кроме того, здесь красуются и фламандский лев, и тирольский орел. Слева от этого геральдического щита акведук — знак города Сеговии, где талер этот чеканен, а справа цифра VIII — обозначение номинала, 8 реалов. В круговой надписи имя Филиппа III. На оборотной стороне — тоже герб, эмблемы Леона и Кастилии, львы и замки. Какая-то геральдическая вакханалия: и история объединения Испании, и наследство Карла V, и притязания самого короля Филиппа III — все отразилось здесь.

Талер не избежал судьбы средневековых монет. Он тоже подвергся порче. В Германии издавались специальные имперские уставы для упорядочения денежного дела, утверждалась обязательная монетная стопа (столько-то талеров из такой-то марки серебра), собирались специальные монетные съезды — ничего не помогало. Низкопробные талеры чеканили в Нидерландах — так называемые «левендальдеры». В 20—30-х годах XVII века в Германии порча монет, в том числе и талера, приняла катастрофические размеры. «Князья запрещают солдатам, но позволяют монетчикам грабить людей и страну»,— говорили в народе.

На талерах «врага папы» — протестантского герцога Христиана Брауншвейгского, выпущенных в Германии в 1622 году в период разорительной Тридцатилетней войны, имелась на одной стороне надпись «друг бога — враг попов», а на другой — «все с божьей помощью». На фоне монет того времени они отличаются высокой пробой. Серебро для талеров этот «бравый разбойничий атаман» (так назвал его К. Маркс) получил, перелив статуи святых. Благодаря этому святые при его правлении «пошли в народ» — так он якобы шутил, рассматривая свои новоотчеканенные талеры.

В 1702 году поссорились два герцога брауншвейгских, правившие до этого совместно и мирно: Антон-Ульрих возревновал свою жену к Рудольфу-Августу. По этому случаю был выпущен талер, который назвали «люфтпумпенталер», — т. е. «талер с воздушным насосом». На лицевой стороне его были изображены две лошади, тщетно раздиравшие магдебургские полушария,— знаменитый опыт, демонстрирующий силу атмосферного давления. Сцепившиеся полусферы — символ неразрывного союза двух брауншвейгских правителей. На оборотной стороне без всяких лошадей два полушария разваливаются, потому что женская ручка открыла вентиль и впустила внутрь воздух. Дворцовую склоку иллюстрируют при помощи физических приборов: герцоги и их монетчики хотели идти вровень с веком — веком Лейбница и Ньютона.

Есть «предсмертные талеры», чеканенные по случаю апоплексических ударов, постигших его высочество герцога Саксен-Готского Эрнста в 1668 и 1671 годах.

Талеры получали самые разные названия и прозвища. В Нидерландах — «альбертусталер» (по имени правителя Альберта), в Германии — «андреасталер» — по изображению святого Андрея, распятого на кресте, «ахтбрюдерталер» — по изображению на нем восьми братьев герцогской Саксен-Веймарской семьи. Это только на букву «А». В нумизматических словарях содержатся наводящие скуку перечисления этих названий почти на каждую букву. Иногда мелькнет яркое, меткое, народное название талера, так не вяжущееся с феодальной спесью всех этих герцогов. Например, талер Августа Брауншвейгского, чеканенный в 1643 году, с полуобнаженным великаном, вырывающим огромную вековую ель — символ могущества и силы, народ прозвал «хаускнехтсталер», т. е. «талер с дворником» (ель выглядела как метла). Талеры с великаном и деревом чеканились и в других немецких городах (табл. X).

Талерами и обращавшимися одновременно с ними золотыми монетами обычно набиты сундуки пиратов, торговцев рабами и других авантюристов эпохи первоначального накопления капитала. Их-то и находят герои Стивенсона, Дюма, По, Марка Твена. В районе Карибского моря их до сих пор ищут и иногда успешно. Издаются даже справочники и карты для кладоискателей. Например, известно, что в 1662 году у берегов Флориды затонуло 9 испанских судов. На их борту было 800 слитков золота, 896 слитков серебра, 750 тысяч золотых и серебряных монет. Но не обязательно ехать за этими сокровищами далеко к южным морям. Клад талеров можно найти и в Москве...

В 1970 году в Ипатьевском переулке было найдено сокровище, состоявшее из 3398 серебряных монет XVI века, весивших более 74 кг. Это самый большой в Европе клад таких денег. В нем были песо, аккуратные, со сложными рисунками и надписями, с пышными гербами, выпущенные в Испании. Но больше всего оказалось монет, небрежно чеканенных из серебра американских рудников. В некоторых странах их называли «угловатыми» за неряшливый внешний вид, а в других — «корабельными песо», так как думали, что такой вид они получили из-за спешной чеканки на кораблях, которые везли металл через Атлантику. Этот клад говорит о том времени, когда вывоз драгоценных металлов из Американских колоний наполнил золотом и серебром рынки Европы.

«Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай»,— писал Колумб с Ямайки в 1503 году. И всемогущее американское золото и серебро наводнили Европу и произвели революцию цен. За первые 50 лет XVI века количество серебра в Европе удвоилось. Так же как испанцы в Новом Свете, фламандцы в самой Испании гонялись за золотом и увозили его к себе. Испанцы старались заставить своего короля, Карла V, запретить вывоз благородного металла, но успеха не добились. Передавали, что если испанец видит дукат Фердинанда и Изабеллы, чеканенный в Гренаде (они славились своим красивым рисунком и высоким качеством чеканки), то,

прикладывая руку к шляпе, говорит: «Тебя хранит бог, двуглавый дукат, потому что господин Шьевр не нашел тебя». Шьевр был один из богатых вельмож-фламандцев в Испании при Карле V.

Итак, поток драгоценных металлов шел через Испанию, но не принес ей экономического благосостояния и подъема ремесел. Переворот в ценах разорил многие слои народа, изобилие денежного металла способствовало росту ростовщического и торгового, а не промышленного капитала. Превратившись в мост, по которому золото шло из Америки в Европу, Испания погрузилась вскоре в экономический застой.

Американское золото и серебро доходили и до Руси. Из серебряных монет там делали копейки. Ипатьевское сокровище было составлено именно из этого импортного серебра. Во время пожара 1636 года, когда народ выпускал из тюрем колодников, громил дворы богатеев, растаскивал товары иностранных гостей, владелец клада, наверное, богатый иностранный купец, или бежал и не смог вернуться, или пострадал, может быть, погиб, и клад, укрытый им в тревожное время, пролежал в медном сосуде в земле, пока экскаватор не выкопал его.

Для изготовления талеров нужна новая техника монетного дела. Да и денег требовалось больше. Первые специальные монетные станки изобретаются в эпоху Возрождения. Станок для вырезывания монетных кружков создал великий Леонардо да Винчи, который не чурался никакой работы и которому все было интересно. Для чеканки стали использовать «молотовой снаряд»: падал молот и ударял по верхнему штемпелю. Позднее стали применять винтовые станки, на которых штемпель надавливался на монетный кружок силой, создаваемой огромным воротом, соединенным с винтом,— это так называемые «балансиры». Винтовой пресс для оттискивания штемпелей на монетах сконструировал еще в XVI веке скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини. Он сам был медальером и монетчиком и вырезал много замечательных штемпелей для монет и медалей, которые стали знаменитыми памятниками итальянского искусства.

МОНЕТЫ И ИСКУССТВО

Помещая свое клеймо на кусочке металла, государство заботилось не только о том, чтобы удостоверить чистоту и вес металла и не только о том, чтобы использовать в своих пропагандистских целях это «средство массовой информации». Оно стремилось также сделать монету красивой. Ведь это символ богатства, благородных металлов вообще, той огромной силы, которую люди чувствовали в деньгах, хотя и не понимали ее природы и происхождения. Блеск золота и мерцание серебра сами по себе становятся тождественными красоте, обозначениями прекрасного.

Монеты часто были украшениями одежды, утвари. Со времен Возрождения в Европе вошли в моду серебряные и золотые кубки с монетами, впаянными в их поверхность. Как же можно государству, ко-

торое считает себя цивилизованным, передовым или претендует на важное положение в мире, как же можно королю, герцогу или епископу, тратившему иногда последнее на представительство, допустить некрасивую чеканку монет? И монеты, как и в античную эпоху, становятся произведениями искусства.

В портретных изображениях Карла Великого и других франкских королей IX—X веков чувствуется возрождение некоторых античных традиций. Это так называемое «каролингское возрождение», проявившееся и в скульптуре, и в архитектуре, и в книжной миниатюре, и столь заметное после геометрически-условного орнаментального искусства готов, меровингов и лангобардов V—VII веков. Романский стиль также проявил себя в монетном искусстве. Даже базилики с арками изображались в XI веке на монетах. В этом стиле исполнены многочисленные и разнообразные рисунки на брактеатах XII века.

На золотых монетах французских королей Карла IV, Карла V, Филиппа IV, чеканенных в XIII—XIV веках, расцветает готический стиль. Вертикальные заостренные линии условно передают формы готических храмов, на вершине которых какие-то бутоны, трилистники и утолщения обозначают знаменитое каменное кружево, прославившее английскую, французскую и немецкую готику. Да и сами монеты смотрятся иногда как розетки с витражами на фасадах соборов.

Монетный портрет Карла Великого (увеличено).
В этом портрете чувствуется возрождение некоторых античных традиций.

Особенно важны эстетические художественные достоинства у монет-медалей, с их коммеморативными (памятными) изображениями. В древности и средневековье некоторые монеты делали как медали — для подарков или в честь какого-либо события.

На Руси в XV—XVI веках чеканили золотые монеты-медали. Ими награждали за военную службу, носили их пришитыми к одежде или шапке. Монеты вообще часто служили знаками отличия и памятными знаками. Крестоносцы, например, возвращаясь из похода, в память о своем участии в «святом деле» набивали на щит византийский солид, который потом переходил в гербы всего их потомства.

Венецианские дожи с XVI века чеканили монеты специально для новогодних подарков магистратам и чиновникам. Это так называемые «озеллы» (от uccello — по-итальянски птица). Почему птица? По традиции на новый год чиновникам дарили что-нибудь, обычно домашнюю птицу или дичь. Стоимость монеты была как раз приравнена к цене такого подарка. Дарил «озеллу» сам дож, но иногда ее могли использовать для подарка нужному человеку и простые граждане Венеции. Незачем было идти на рынок, потом домой к магистрату. Можно было сунуть ему эту монету. И тому удобнее: не нужно думать, что делать с десятками битых кур и уток. На одной такой монете 1577 года изображена Венеция со стороны лагуны. Перед набережной многовесельные корабли, за ними угадывается аркада дворца Дожей, углом выступающая к морю, и две колонны, за ними «Св. Марк» со своими куполами, компанила, площадь перед собором и часовая башня с «гигантами», отбивающими время. Может быть, изображены те знаменитые регаты, роскошь которых прославят в XVIII веке картины Каналетто.

В Польше в конце XVI—XVII веке распространился обычай дарить королям специальные монеты. Когда король посещал город, магистрат отчеканивал особую золотую монету с его портретом и титулами и еще с гербом, чтобы король потом не забывал, какой именно город сделал этот подарок и не обошел бы его своими милостями. Такие монеты называют «донативами» (от латинского dono — даю).

В эпоху Возрождения медальерное искусство отделилось от монетного дела. Медали перестали быть средством обращения, деньгами. Поэтому медальеры могли делать рельеф на медалях более высоким. Часто одни мастера резали штемпеля и для монет и для медалей. Они иногда были ювелирами высшей художественной квалификации, скульпторами, художниками, как Бенвенуто Челлини, сам чеканивший монеты и медали для римского папы, или Амброзио Преда, ученик Леонардо да Винчи, который делал для медальеров рисунки будущих монет. Известно, что эскизы монет рисовал Дюрер.

Может быть и можно говорить о каких-то намеках портретного сходства и передачи характера оригинала на монетах Карла Великого — надутое лицо с волевым подбородком, что-то властно-жестокое в прямом носе и в глазах. Но ничего портретного нельзя найти в более ранних монетных изображениях Дагоберта или в более поздних — Альфреда Великого или Генриха III, королей Англии. Средневековье не знало реалистического портрета. Его вновь, после римлян, открыло Возрождение. Вот дукат испанского короля Фердинанда II, прозванного Католическим. Это реалистический портрет конца XV — начала XVI века, перенесенный на монету. Немного более смазанный и потертый, чем на медалях — из-за массовости чеканки и бесчисленных переходов из рук в руки — он тем не менее достаточно четок, чтобы показать сумрачный и жестокий характер этого короля.

В XVI—XVII веках в эпоху барокко монеты несут все черты этого торжественного и патетического стиля — усложненный рисунок, вычурные контуры изображений, парадные сложные гербы, украшенные всеми цветами средневековой эмблематики.

На больших памятных монетах XVII века в два или четыре та-

лера изображали и колесницы с крылатыми конями под солнцем, бросающим из-за туч лучи-стрелы, и надгробия герцогов и королей — как будто бы все это взято из какой-нибудь пышной барочной церкви. Таков, например, двойной талер 1634 года, выбитый по случаю смерти шведского короля Густава-Адольфа. А вот «Венерин талер» — любопытная монета, выпущенная в 1622 году в Магдебурге: с одной ее стороны — основатель города Оттон I, император Германии X века, в доспехах, стилизованных под старину, больше всего напоминающих убранство рыцаря на парадном турнире. На обороте этой монеты — повозка, в которой стоят Венера и три обнаженные грации. Повозку влекут два голубя и два лебедя, под ними надпись на старонемецком языке: «Венера, нежная языческая богиня, здесь почитаема была в своей наготе. Нынче, хвала господу, здесь посеяно слово божие». Все это на фоне пейзажа с городскими стенами на отдаленном холме.

На многочисленных и разнообразных талерах Германии XV—XVII веков портреты занимают весь монетный кружок — сочные, выразительные, они с трудом умещаются в рамке круговой надписи. Им в ней тесно, этим владетельным Фальстафам мелких германских земель — то пузатым, то с бородавчатыми носами, с жирными отвислыми подбородками, в буклях, париках, латах, камзолах, дворцовых кафтанах, героических мантиях или охотничьих костюмах.

Портрет Фердинанда II Католического (увеличено).
Показан сумрачный и жестокий характер этого государя — первого фактического короля объединенной Испании, учредившего инквизицию и изгнавшего мавров.

Франция XVIII века: разукрашенные маркизы в напудренных прическах-башнях, на высоких каблуках изящно скользят по дворцовым паркетам, отражаясь в огромных зеркалах. А вот ее монеты: луидоры и экю с портретами Людовиков — в богатых одеяниях, с кольцами завитых локонов, с породистыми гордыми изнеженными лицами, с шеями, созданными для гильотины. Их холеные профили свободно располагаются художником на фоне блестящего металла, широко обведенного кругом изящной и аккуратной надписью. Эти монеты прекрасно отражают, вслед за «большим искусством», наступивший после барокко стиль рококо — изысканный и утонченный стиль этих дворцов, этого короля-солнца,

который не замечает или не хочет замечать, что на его дворец, на его вельмож, на него самого устремлены из темноты чьи-то злобные, изможденные, завистливые, а порой грозные глаза.

Монеты — произведения искусства, и они проходят основные этапы его развития, главные его стили. Но есть и другой аспект этого вопроса, этого сопоставления: монеты — искусство. Еще во времена античности на монетах помещали знаменитые скульптуры, архитектурные памятники. Это снова стали делать во времена Возрождения, добавив к числу оригиналов живописные полотна. На медали Федериго да Монтефельтро повторен знаменитый портрет этого урбинского герцога кисти Пьеро делла Франческо — незабываемый контур лица с изломанной у переносицы линией носа. Нет только пейзажа, и красный кафтан заменен латами с изображениями кентавров.

На английских золотых монетах Генриха VII помещен его профильный портрет, впрочем, мало выразительный. Настолько невыразительный, что следующему королю Генриху VIII было безразлично, его ли портрет на монетах или отца, и он использовал старые штемпеля, только мастера дополнительно вырезали еще одну палочку к цифре VII на круговой легенде. Так было в первом десятилетии XVI века. А примерно через 30 лет на серебряных монетах — тестонах — появляется тот же король, Генрих VIII, рисованный не кем-нибудь, а самим Гольбейном Младшим. Этот портрет был или создан самим художником специально для монет, или же был скопирован с его живописных портретов. Особенно похожа на монетный портрет миниатюра Гольбейна, заказанная для очередной жены этого короля — Анны Клевской в 1539 году.

В эпоху позднего Возрождения и барокко возникает еще одна связь монет и искусства. Сами монеты попадают на полотна художников. Например, тициановские «Денарий кесаря», «Даная», где золотой луч Зевса показан как дождь золотых, или портрет Якова Страда-венецианца. Страда — человек Возрождения; на портрете он держит античную статуэтку, перед ним на столе письмо и 6 монет, сзади — полка с книгами. Книги, статуэтка, древние монеты — все это художественно-антикварная обстановка жизни интеллектуалов-гуманистов той эпохи.

Есть монеты на жанровых полотнах XVI века. На немецких портретах купцов появляются иногда монеты как знак профессии, но это обычно второстепенная непроработанная деталь. В XVI веке в Нидерландах был распространен сюжет, на который писали картины многие мастера,— лавка менялы. На них главный герой — талеры. Художники изображали самого менялу с весами и набором разновесов, его жену, а на столе перед ними — кучу монет. Другой частый сюжет — сборщик налогов с женой. Специально приоткрывает живописец шкатулку, стоящую на столе, чтобы показать, что там внутри — монеты. Они поблескивают своими золотыми ободками, выписаны любовно, тщательно. Как все мирно и чисто, и аккуратно на этих картинах: и жена в белоснежной накрахмаленной накидке, и сам хозяин, добропорядочный и чистый, все овеяно такой бюргерской упорядоченностью и мещанской добродетелью, что приходят на ум заповеди бережливости и скопидомства, проповедуемые идеологами раннего ка-

питализма. В Голландии — стране бурного развития торговли и буржуазных отношений — они приобрели характер почти религиозных добродетелей.

Еще в XV веке флорентиец Альберти писал книги об управлении семьей. Рациональное ведение хозяйства, экономия во всем, и прежде всего бережная трата времени,— святая хозяйственность, святая умеренность, святая бережливость — все противоположно расточительности сеньора.

Француз Этьен в XVI веке составил такие правила безукоризненного поведения буржуа: быть хорошим хозяином, не развлекаться охотой, пирами, приемами гостей или хождением в гости, а на досуге размышлять о полезном. Не давать расходам превысить доходы и заботиться о распределении времени. Думать о прибыльности и долговечности вещей и предприятий больше, чем об удовольствии или временной пользе от чего бы то ни было.

Многие писали в том же духе и в XVI и в XVII столетиях — купеческие книги и лексиконы с такого рода заповедями. Увенчалась эта литература книгой Вениамина Франклина. «Богатство отгоняет заботы, день и ночь гложущие нашу жизнь. Мы радостно смотрим в будущее, если только сохраняем при этом спокойную совесть. Это должно быть основой всякой наживы»,— писал Вениамин Франклин в книге «Путь к богатству», которая переиздавалась более 400 раз.

В голландских «жанрах» эти добродетели нашли воплощение — и не в виде свода правил или проповеди, а в изображении мещанского уюта и порядка: в этом столе с весами, в этих бухгалтерских книгах, в этих раскиданных живописной грудой аккуратных кругленьких талерах с такими красивыми рисунками.

Но в том же XVI веке появляется другая тема в живописи, связанная с монетами. «Адский» Брейгель создает гравюру «Битва копилок и денежных ящиков». На переднем плане копилка из обожженной глины яростно пронзает копьем облаченный в латы денежный ящик, так что из него сыплются монеты. Другая копилка, раненная копьем, тем не менее атакует кошель, который уже разворочен ударом копья, нанесенным с другой стороны ящиком. Большой денежный мешок, из которого высовывается голова, разрубает саблей бочонок с монетами. Солдат разворачивает ножом другую бочку с деньгами. Бочка служит одновременно конурой собаке, которая ее охраняет. Всюду на гравюре копья, мечи, оружие, лопнувшие бочки, рассыпанные и катящиеся в разные стороны экю, тестоны, гульдены... Победа склоняется на сторону денежных ящиков. Крупный купеческий капитал одолевает. Брейгель это чувствует и ужасается. Свой ужас и свои предчувствия выражает он в зловещих фантастических сценах.

Из менял вышли банкиры и биржевики. Буржуазный дух, дух наживы и предпринимательства бурлил под этой добропорядоченностью. И иногда прорывался в диких и загадочных еще формах.

Порой вспыхивали и раздирали строй этой бюргерской жизни, расписанной по часам, сумасшедшие спекуляции, когда словно какой-то демон толкал мудрых и осторожных людей на отчаянные и бессмысленные поступки.

В XVI веке в Европе появились тюльпаны. В 1630-х годах в Нидерландах вдруг возникла страстная погоня за этими цветами. Их скупали все и повсюду, и цены на них стремительно росли. Все торговались из-за цветов, от графов до торговцев зеленью, и трактиры были превращены в биржи, где заключались сделки на луковицы. Цена цветка поднималась выше стоимости золота, равного его весу. Каждый купивший цветок ожидал, что через неделю он будет стоить вдвое дороже. Все надеялись разбогатеть. Это было предвестием биржевых спекуляций. Имения в 2500 флоринов шли за один цветок особого сорта. Луковицы носили пышные имена голландских адмиралов.

В 1637 году эти спекуляции неожиданно кончились крахом. Те, кто еще недавно готовы были отдать все за тюльпаны, кто мнили себя богачами, выжидая момента перепродать свои цветы, вдруг увидели себя бедняками и недоуменно смотрели на луковицы, которые больше никто не хотел покупать.

А потом уже пошли спекуляции посерьезнее — открытие, подъем и крах банка Лоу во Франции, компания Южного моря в Англии, акции — с их подъемом и падением дивидента, молниеносными обогащениями и разорениями.

Кончилось средневековье с его простой и ограниченной торговлей и началось новое капиталистическое время, где все стало товаром.

Вместе со средневековьем уходило и царство металлических денег. Много раз превращались они почти в знаки стоимости, но средневековое общество всегда сопротивлялось этому, и рынок отвечал стихийными возмущениями. Но когда созрели невидимые силы капитализма, на сцену вышли бумажные деньги. Это случилось во второй половине XVIII века, а в XIX веке они стали господствовать. Металлические монеты постепенно оттеснялись на роль разменных, подсобных денег. Богатство утрачивает вещную форму, превращаясь в акции и облигации, эксплуатация утрачивает форму личностных взаимоотношений хозяина и работника, превращаясь в тайну прибавочной стоимости.

Люди гибнут теперь не за металл, не за полновесную звонкую украшенную всеми ухищрениями геральдики, воображения и вкуса монету — талер, дублон, тестон, соверен, нобль, экю, луидор, пиастр, — а за нечто незримое, вроде счета в банке. Монеты теряют роль представителя богатства, становясь разменным средством. Не нужна больше «спокойная совесть», мещанская необходимость которой была так характерна для предпринимательского духа раннего буржуа, и нет нужды в умеренности и благочестии, которыми так дышат сцены в меняльной лавке на голландских картинах XVI века.

В новое время сами монеты перестают быть важным источником по истории экономики, так как эта история оставляет теперь свой наиболее глубокий и яркий след не в чеканке и обращении монет, а в коммерческих сводках и биржевых бюллетенях, в курсах валют, бумажных денег, акций...

Глава 3

ВОСТОК...

МОНЕТЫ САСАНИДСКОГО ИРАНА

Римское продвижение на Восток всегда встречало мощное сопротивление Ирана, объединенного под властью парфянских царей. В битве на берегах Евфрата при Каррах в 53 году до н. э. парфянская армия сокрушительно разгромила римские войска, и это надолго определило политическое размежевание сил на Переднем Востоке. Две великие державы древности, Рим и Иран, разделили сферы влияния. Мелким государствам ничего не оставалось делать, как лавировать между ними, отдавая себя под покровительство сильнейшего в тот или иной момент и угрожая перейти на сторону противника, добиваться привилегий. В I веке н. э. Рим и Парфия были вынуждены наладить совместное мирное, политическое существование. Но не раз вспыхивали войны, и, казалось, вот-вот развалится вся эта система политического дуализма в Передней Азии.

Конфликты обострились при Нероне в 60-х годах I века н. э. Римляне то грабят поселки парфян на Евфрате, то терпят поражение в армянских горах, то подавляют мятежи в Иудее. Парфянский царь Вологез требует признать своего брата Тиридата армянским царем. Рим соглашается в конце концов при условии, что Тиридат примет корону из рук императора. Нерон желает обставить эту церемонию как можно более парадно и помпезно — плохой актер на императорском троне, он сам встречает восточное посольство, устраивает празднества и бои гладиаторов в честь парфянского царевича и прибывших с ним трех тысяч парфянских всадников. Тиридата препровождают на Форум, и там император сам возлагает на него диадему, сняв ее со своей головы. Затем в театре Помпея, который был к этому дню весь позолочен, Нерон усаживает нового армянского царя по правую руку от себя. По окончании церемонии они приносят лавровые венки на Капитолий словно после триумфа, и император сам запирает заветные ворота храма двуликого Януса в знак того, что более нигде не ведется войн, во всех частях государства установился мир. Это событие было тут же запечатлено на монете Нерона: храм Януса, закрытый массивными окованными дверьми, и надпись «Принеся мир на суше и море, закрыл храм Януса».

Во II—III веках Рим потерпел ряд неудач на Востоке, где ослабевшая в то время, уже раздробленная Парфия уступила место новому Ирану, Ирану царей из династии Сасанидов. Эти цари объявили себя

преемниками древних великих Ахеменидов, создавших когда-то мировую державу. Сасаниды способствовали объединению Ирана.

Теперь в Иране во всем чувствовалась тяжелая рука восточных деспотов. Особенно в грандиозных рельефах со сценами передачи верховным богом Ахурамаздой власти шахиншахам: два всадника, бог и царь, тяжелой поступью своих гигантских коней попирая врагов, окруженные придворными и вельможами, торжественно съезжаются друг с другом. Бог передает царю венец власти. Были рельефы со сценами триумфов и победоносных дворцовых охот на львов. Величие шаха превозносилось в хвастливых надписях, в которых строго соблюдалась титулатура.

Феодальные раннесредневековые государства Европы возникали на развалинах Западноримской империи как отдельные аморфные королевства варваров-победителей. Византийская средневековая империя была медленным «переживанием» Восточной Римской империи и постепенным превращением ее в феодальное общество, там сохранялись старые города, ремесла, столица и государственность. Сасанидский Иран был мощной средневековой централизованной державой, с единой династией, провозгласившей националистическо-монархические лозунги. Это была восточная деспотия, перенесенная в условия средневекового развития, в эпоху раннего феодализма. Монеты Сасанидов прекрасно отразили эту особенность государства, которое было антиподом как позднему западному Риму, так и вестготской и остготской, меровингской и лангобардской Европе.

В зарубежных музеях имеется около четырех тысяч монет Сасанидов. В музеях Москвы и Ленинграда их хранится еще несколько тысяч. Какой огромный отдел мировой нумизматики составляют эти монеты, как много их было выпущено за четыре с четвертью века правления этой династии!

Есть золотые, есть бронзовые, но главную долю составляют серебряные монеты. Названия — персидские и античные, греко-латинские: дахкан, или динар, для золота, дирам-драхма для серебра. Динар по весу равен римскому ауреусу III—IV веков. Серебряные монеты вначале чеканили по местным стандартам, но вскоре перешли на весовую норму аттической драхмы. Еще был данг, или даник (зерно), для обозначения $^1/_6$ части драхмы. На лицевой стороне сасанидских монет изображали «официальный портрет» шахиншаха, иногда с наследником престола, а в ином случае — с наследником и женой царя. Профили верховного царя и его жены повернуты вправо, наследника — влево. Идея и композиция группового портрета взяты с римских монет. Но там не было такой строгости в отношении поворота голов. А здесь царь глядит всегда вправо, наследник всегда влево — на протяжении почти полтысячи лет! Исключения только на золотых, подарочных монетах, очень редких: там правитель изображен и стоя и анфас. Строгое единообразие в повороте головы говорит о том, что ему придавалось большое значение. Это результат неукоснительного соблюдения местничества. Где сидит человек во время приема за парадным столом? Ведь это так важно для его положения в обществе! Когда-то из-за этого разгорались кровные обиды. За столом восточных владык гостей рассаживали так, что старшие чином и знатностью помещались правее

младших, и, чтобы выслушать подобострастный шепот более младшего по пиршественному столу соседа, нужно было повернуть голову влево, а чтобы почтительно внимать речи старшего соседа, следовало повернуть голову вправо. В Турции этот обычай сохранялся кое-где до XX века.

Так и на сасанидских монетах. Царь поворачивает голову влево (для того, кто смотрит на монету, — вправо), а вассал царя — вправо (для зрителя — влево).

В круговой легенде — имя и титул. На оборотной стороне — алтарь огня в виде колонны с языками пламени над ней (табл. XI). Это алтарь из династического храма Сасанидов, возможно, персональный храм очередного шаха, где происходила его коронация. По одну сторону алтаря стоит божество, т. е. верховный благой бог Ахурамазда, иногда Митра — старинный бог Солнца у иранцев или Анахит — богиня воды, плодородия. По другую — сам шахиншах. В Бишапуре раскопан такой храм с коронационным залом, где стоял алтарь огня, а по бокам его колонны, на одной, видимо, была статуя царя Шапура I, на другой, наверное, статуя Ахурамазды.

На ранних сасанидских монетах фигуры царя и божества ясно видны и отчетливо распознаются. Позднее их стали изображать условно и схематично. Но сцена всегда одна и та же — как это непохоже на разнообразие римских монетных типов! Однако самое яркое и глубокое различие — в портрете. На римских монетах портрет императора ярко индивидуален: цезарю как некогда эллинистическим царям, нужно было как бы самому присутствовать на монете, как бы воплощаться на ней со всеми характерными, часто уродливыми особенностями своей внешности. Важно было, что он, цезарь, правит, поэтому и изображен на монете именно он, его личность, его натура. Византийский портрет на монетах утратил этот натурализм, он был задавлен схематизмом и условностью христианского искусства. На солидах и милиарисиях мы видим не самого царя, а как бы его обозначение — в пышных одеждах, величественное, но не живое и не индивидуальное.

На сасанидских монетах представлен в полном смысле этого слова «официальный» портрет — все шахиншахи с одинаковыми примерно чертами и выражением лица, суровые и сильные. Каждому традиционно предъявлялось категорическое требование не иметь физических недостатков. Его слабость или уродство могли вызвать несчастья всей страны.

Различаются правители больше всего, пожалуй, бородами: то длинные «ассирийские», то короткие бородки. Отличаются у них также короны и знаки власти, да еще имеются некоторые нюансы титула. «Официальный» портрет был и на рельефах, только там кроме шахиншаха есть еще придворные и вельможи, но они тоже различаются не лицами, а шапками — кулохами и значками — эмблемами власти на них. Точная передача этих знаков — главное, что требуется от художника. Вся сцена трафаретна, сюжетов немного и все они точно определены, лица все одинаковы, все выражают одно и то же — полное отсутствие личности, т. е. ничего не выражают. Нет людей, а есть только бог, только шах, только государство и «табель о рангах».

А на шахе — роскошные одежды и самое важное — его корона.

«Тиара его из золота, украшенная яхонтами и окаймлена рядом жемчужин, которые блестели на волосах, смешивая свои лучи с прекрасным сиянием изумрудов, так что взгляд был поражен ненасытным удивлением»,— писал византийский писатель VII века Феофилакт о сасанидском царе Ормузде IV.

Основное внимание на монетах было обращено на символы власти, и прежде всего на корону, а они иногда у одного царя менялись несколько раз. Чеканили в различных центрах, но всюду выпуски монет одинаковые, точно копирующие одни и те же государственные образцы. Централизм в денежном деле был полный. Изменялась официальная установка, и тут же всюду менялись знаки власти и титулы.

То, что для современников содержало огромный смысл, то, о чем они тайком переговаривались, рассуждая, что бы в их жизни эти перемены значили, сейчас представляет совсем другой интерес для историка, отделенного от сасанидских царей толщей времени. Короны на монетах стали предметом специального изучения, так как они дают, хотя и зашифрованную, но ценную и незаменимую информацию. Оказывается возможным построить хронологический ряд корон Сасанидов и точно определить, в какие годы какую корону изображали. А так как эти короны надеты на головы царей и на рельефах, то можно датировать эти рельефы часто с очень большой точностью, и не только рельефы, но и парадные серебряные сосуды с царской особой в короне. А если рельеф сопровождается надписью, датирующей его, то он сам становится средством уточнить дату корон на монетах.

Вот монеты первого сасанидского царя Арташира I. До коронации он еще в «шапке-ушанке» — кулохе, обшитом жемчугом — «перлами», со знаком полумесяца и звезды. На обороте портрет его брата Шапура, в таком же кулохе. На лицевой стороне титул владыки: «Арташир-царь», на оборотной — продолжение титула: «сын владыки Папака царя». В 227 году состоялась коронация Арташира и титул его изменился: «Поклоняющийся [Ахура] Мазде владыка Арташир царь царей Ирана, происходящий от богов». Меняется и головной убор — на кулохе ленты. На оборотной стороне вместо портрета брата Шапура коронационный зал во дворце с алтарем огня. Тут же надпись «Огонь Арташира». Арташир все еще в старой короне, но с дополнениями. Он ведет войны, сокрушая мелких правителей, завоевывая новые города. И на короне появляются эмблемы этих земель и городов. Вот, например, кулох со знаком царя Месены. Видимо, этот город был захвачен Арташиром. На другой монете на кулохе орел с лентами на шее — можно предположить, что это знак Антиохии или Селевкии, вероятно, след войн с Александром Севером на западных границах Ирана.

Затем чеканятся монеты, где Арташир в кулохе с тремя зубцами. Он — глава религии и именует себя «поклоняющийся Ахурамазде», «происходящий от богов». Зубчатая корона была короной царей-жрецов. В ней на рельефах изображают верховного бога Ахурамазду. Шахиншах уподобляется богу, царское облачение становится одеждой бога.

Затем кулох исчезает, остается одна зубчатая корона. Потом и корона видоизменяется. Теперь на голове царя облегающая шапочка

с большим шаром наверху. Иногда эта корона соединяется с башлыком-кулохом, имеющим наушники.

Наступает царствие Шапура. Его изображают в другой короне: зубчатый венец и большой шар над ним, с бантом. На монетах позднего Рима тоже были короны на головах императоров. Металлические обручи без всяких украшений с острыми зубцами, торчащими вверх. Как не похожи эти «терновые венцы» на сасанидские короны. На всех римских правителях они одинаковы и обозначают не высокий ранг цезаря, а номинал монеты: венец с зубцами — признак антонинианов.

Монета Шапура I (увеличено). «Официальный портрет» шахиншаха.

Шапур — победитель римлян. Еще при Арташире он во главе войска овладевает городами Месопотамии, идет на Антиохию. Но решающие победы пришли позднее: над императором Гордианом в 242 году, над Валерианом в 256 году.

Недалеко от святилища персов «Каабы Зороастра» на скале в Накш-и-Рустам Шапур приказал выбить рельеф. Сам царь на богатырском коне и перед ним коленопреклоненный император и знатный римлянин. Какой изображен император, легко определить по римским монетным портретам. Это Валериан. Принадлежность рельефа Шапуру была определена по короне — такая имеется только на его монетах. Дата рельефа и его смысл были, таким образом, установлены нумизматически. Видимо, Валериан после поражения в 256 году выпросил какую-то передышку у Шапура. Известно, что он затем даже одержал над персами кое-какие незначительные победы и срочно выпустил по этому случаю монеты со своим именем, снабженным эпитетом «Parthicus», т. е. «парфянский» (традиционно все иранское римляне называли парфянским). Вскоре, в 260 году у Эдессы он снова проиграл битву, на этот раз решающую, и попал в плен. Тогда-то и был выбит этот рельеф.

На рельефе в Накш-и-Рустаме за шахиншахом Шапуром показана голова еще одного перса. Это Катир, верховный жрец при нескольких сасанидских царях, религиозный реформатор. В первые десятилетия правления Сасанидов в их заново сколоченном государстве существовало множество культов: древняя иранская религия пророка Зороастры, культы Митры и Геракла, Изиды и Аполлона, старых шумерско-вавилонских богов смешались с римскими обрядами, с иудаизмом,

христианством и огромным множеством позднеантичных философских доктрин. Тогда же Мани начал проповедь новой религии. Катир понимал, что для сильного централизованного государства нужна единая религия. Он объявил обязательной официальной религией канонизированный им зороастризм. На монетах это отразилось в оформлении царских корон. Кулохи царя, царицы и наследника стали украшать головами коня, медведя, льва, кабана, птицы и фантастической собаки-птицы Сенмурва. Все эти животные — воплощения зороастрийских божеств, их символы. (Подробно раннесасанидские монеты изучены В. Г. Лукониным).

Пленив Валериана, Шапур послал во все соседние страны послов с вестью о своих завоеваниях. Царь Армении ответил: «Я радуюсь твоей славе, но боюсь, что ты не столько одержал победу, сколько посеял войны... Ты взял в плен одного старика, а все племена земли сделал враждебными себе».

И действительно, Сасанидскому царству предстояло еще несколько веков бурной и сложной истории: долгие войны с соседями — Византией, Средней Азией, мятежи знатных вельмож и религиозные волнения, восстания бедноты, трудные налоговые и военно-административные реформы. Но на монетах будут неизменно помещать строгий и суровый профиль царя, и все бóльшая сухость и условность линий будет сковывать его лицо. И так будет продолжаться, пока не погибнет последний шахиншах Ездигерд III, преследуемый арабскими войсками. Без армии и оружия, но с прислугой, музыкантами, наложницами и танцовщицами бежал он в Мерв. Тамошний правитель, еще недавно льстивый сатрап, решил в угоду арабам убить царя. Царь, узнав это, ушел из города ночью, пешком и, выбившись из сил, зашел на какую-то мельницу отдохнуть. Мельник, прельстившись богатой одеждой путника, убил его, раздел тело и бросил в канал. Там оно зацепилось за корни и пролежало в воде, пока епископ Мерва не опознал в умершем персидского царя и похоронил его...

БЕЗ РИСУНКОВ — ОДНИ НАДПИСИ

В VII веке арабы, воодушевленные новой воинственной религией — исламом, создали огромное государство, от Испании до Гиндукуша — Халифат, который включил земли главным образом Византии и Ирана. Старые монеты — византийские и иранские — ходили на этой территории: их было очень много отчеканено за столетие, предшествующее арабскому завоеванию. Действительно, при Хосрове II (590—628) работало 120 монетных дворов, и эмиссии их исчислялись миллионами. В первые годы существования Халифата его денежное дело основывалось на монетах этих двух старых империй. Появились арабо-византийские и арабо-сасанидские монеты.

На арабо-византийских монетах изображался, как когда-то на византийских, император с крестом и державой. На обеих сторонах помещались греческие и арабские легенды. Затем императора сменяет

халиф с мечом, а греческие легенды — арабские изречения из Корана. Халиф «прокрался» на монеты и стал в ту же позу, что и византийский кесарь.

То же самое было и с арабо-персидскими монетами. На них изображали уже не существующего иранского царя из династии Сасанидов и помещали арабские легенды. Но в это византийское и иранское наследие арабы внесли нечто новое, свое.

В 695 году халиф из первой арабской династии Омейядов Абд ал-Малик провел денежную реформу. Была введена новая монета, ставшая образцом для всех последующих чеканок в мусульманском мире на несколько столетий. Абд ал-Малик сумел преодолеть смуты в своем еще молодом государстве и занялся устройством внутренних дел, административного управления, почты, налогов, в том числе и денежного дела. Монеты Арабского халифата до XII века принято называть куфическими, по имени одного из новых, построенных арабами городов — Куфы. Стиль надписей на этих монетах также называют куфическим.

От Сасанидского Ирана были восприняты некоторые названия монет: золотые монеты — динары, серебряные — дирхемы (от драхмы). Медные монеты получили название фельс (от фоллиса). В Арабском халифате сохранялись, таким образом, греческие и римские монетные номиналы.

И на позднеримских монетах, и на монетах варварских королевств в Европе, и в византийской нумизматике, и в сасанидском денежном деле — всюду заметно постепенное нарастание схематизма, условности в изображениях, превращение полнокровных реалистических портретов и рисунков в труднопонятные схемы. Это составляло особенность всего раннесредневекового искусства. Дело здесь не в христианской догме (эти явления прослеживаются и в зороастрийском Иране) и не в разрыве с традициями античной культуры — в Византии его не было. Произошло коренное изменение общественного строя и связанного с ним всего мировосприятия людей, их идеологии. В арабской культуре и искусстве это привело к отрицанию изобразительности, отказу от воспроизведения живых существ, человека. Предпочтение стало отдаваться написанному слову и орнаменту. Может быть, это объясняется поздним сложением единой религии — ислама и особым абстрактным пониманием божества — Аллаха. Возможно, причины этого явления были в теократическом характере централизованного государства, которое объявлялось «державой бога». Одним из последствий этого ригоризма было полное (или почти полное) отсутствие на куфических монетах изображений. Без рисунков — одни надписи. В Судный день бог призовет всех художников и скульпторов, рисовавших и лепивших людей и животных, и велит им вдохнуть в свои творения жизнь. Они не смогут это сделать и за бессильное соперничество с Всевышним будут осуждены на вечные муки — так учит мусульманское предание.

Законченность и монументальность отличает эти монеты Арабского халифата, особенно ранние динары и дирхемы (табл. XI). Угловатый почерк «куфи» делает их особенно выразительными. Все сораз-

мерно, гармонично и уравновешенно. Эта орнаментальная абстрактная красота мусульманских монет, лишенных обычно какой бы то ни было изобразительности, так подстать всей мусульманской культуре с ее любовью к каллиграфии. В X веке куфические буквы, которые раньше были только прямыми линиями-стволами, зубцами, углами, теперь как бы прорастают побегами, длинными изогнутыми линиями. Иногда в конце такого побега распускается трилистник. Этот почерк очень образно и точно называют «процветшее куфи».

Постепенно выработался полный набор характерных монетных легенд. На лицевой стороне оттискивалось обычно изречение из Корана — символ веры. В нем упоминался Аллах и утверждалось, что кроме него нет другого бога и нет ему товарища. На оборотной стороне шло продолжение символа, упоминался посланник бога — Мухаммед, далее шло имя халифа, наместника бога и верховного правителя всех мусульман. Еще ниже помещали имя эмира — правителя той области, где чеканилась монета. Строгая последовательность и иерархия: от Аллаха к эмиру. В этом находит выражение феодальная формула — нет суверенитета без вассалитета. Каждый сеньор должен быть чьим-то вассалом и, наоборот, каждый вассал имеет своего нижестоящего вассала. Халиф имеет вассалом эмира и сам является вассалом Аллаха.

В круговой легенде сообщалось название монеты — динар или дирхем, или фельс, а также год и город, где она выбита. На хорошо сохранившейся монете можно прочесть все это.

Куфические монеты датированы в годах хиджры. Хиджра — это бегство пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину, которое произошло в 622 году. Год хиджры был принят за начало летосчисления у мусульман. Но поскольку в хиджре год лунный, отстающий от нашего солнечного года на 11 дней, то на каждые 33 года в хиджре нужно делать поправку на 1 год.

На римских монетах, а позднее на западноевропейских денариях и на византийских деньгах все время встречаются сокращения слов. В куфической нумизматике это очень редкое явление. Слова не сокращали, как вообще во всей арабской культуре сокращений почти не встречается, кроме деловых и бытовых надписей. Есть в Коране какие-то неясные сокращения, которым мусульмане придают магический смысл, есть на куфических монетах отдельные буквы, видимо, знаки монетчиков, но это остается второстепенной деталью среди тщательно выполненных, без ошибок и пропусков, монетных легенд.

Первые арабские монеты при Омейядах чеканились без имени халифа. Потом при Аббасидах обычно помещали имя халифа, иногда его наследника: во избежание усобиц халиф еще при жизни провозглашал своего преемника. Но и при Аббасидах встречались анонимные монеты с одними религиозными формулами и выпускными данными.

Имя халифа сопровождалось титулом «правитель правоверных». Ему принадлежала верховная власть в мусульманском мире, и поначалу только он мог выпускать монеты. Местным правителям — эмирам и султанам — позволялось чеканить медные монеты. И на медных деньгах стояло имя местного правителя. С течением времени местные

правители стали чеканить серебро. Но помещение имени халифа на серебряных, а тем более на золотых монетах, т. е. на дирхемах и динарах, так же как упоминание его в соборной мечети по пятницам, было необходимым проявлением лояльности по отношению к центральной власти.

«Нет кафедры, с которой не раздавалось бы его имя. Нет динара и дирхема без его имени»,— говорится в оде, посвященной одному местному мусульманскому правителю, которого придворный льстец хотел представить таким же могущественным, как халиф.

Если местным эмиром чеканилась монета без имени эмира правоверных, то такая дерзость означала какой-то серьезный конфликт. В том, что правители были обязаны помещать на своих монетах имя верховного главы мусульманского мира, был глубокий смысл. Халифат отличался от западноевропейских средневековых государств соединением духовной и светской власти в одном лице. Это было теократическое государство, где вся жизнь шла по установлениям религии и религиозного права. В Европе папы римские боролись с королями и императорами и пытались установить теократическую монархию, но им это не удалось. История пошла там другим путем. И на монетах европейских королей имени папы или его значка как вышестоящего сеньора нет. Для них, королей, таковым был сам бог.

В X веке в Халифате выступали в разное время против халифа и официального ислама проповедники-еретики Халладж и Абу-л-Азакир. Они стремились привлечь на свою сторону крупного ученого-законоведа Абу-Сахля. Рассказывали, что Халладж однажды во время проповеди, делая рукой таинственные пассы, высыпал кучу дирхемов, якобы сотворенных им из воздуха. Абу-Сахль сказал ему: «Оставь это, дай мне один дирхем с твоим именем и именем твоего отца и я уверую в тебя, и вместе со мной уверует много народу». Так велика была политическая роль, которую играли надписи и имена на монетах в мусульманском мире. Халладж, немного растерявшись, ответил: «Но таких дирхемов не чеканят», на что ученый резонно сказал: «Если проповедник делает деньги из ничего, то может сделать то, что не сделано». Позднее этот скептик Абу-Сахль, когда к нему явился посланный Абу-л-Азакира, заявил, указывая на свою голову, что поверит этому второму проповеднику, только если тот заставит волосы вырасти на его лысом черепе — чудо еще более убедительное, чем появление монет с именем еретика.

На мусульманском Востоке, так же как и в средневековой Европе, монетные надписи использовали для возвеличения правителей, но на Востоке порой это стремление достигало особенных высот.

О, удовлетворяющий нужды!
О, избавляющий от забот!

— захлебывались придворные поэты турецкого султана, и эти стихи помещали на монетах, которые в ту эпоху без радио, телевидения и газет были средством массовой пропаганды. Но это — поздние монеты XVII века. Возьмем более ранние.

Вот как величал себя на монетах один из правителей среднеазиатской династии Караханидов, живший в XI веке: он и «падишах», и «блистательнейший хан», и «победоносный властелин», и «боговспо-

моществующий владыка», и «поборник правосудия», и «защитник веры», и «блеск государства», и «народная опора», и «упование государства». Но династия Караханидов правила в то время, когда усиливаются тенденции к местной обособленности. Несмотря на пышные титулы главы династии, монеты чеканят и мелкие удельные владетели.

При Караханидах в Средней Азии началась типичная для развитого феодализма раздробленность на уделы, порой вспыхивали и междоусобные войны. Это было известно по письменным источникам и без монетных материалов, хотя обращение к ним выявляет много нового в истории этой династии. Предшествовавшая эпоха, когда правила династия Сасанидов, представлялась историкам как время единого государства в Средней Азии. Монеты же показали, что семена раздробленности были посеяны уже в то время, уже тогда практиковалась дача в феодальные владения больших районов, оазисов, целых частей страны за военную или гражданскую службу. На медных фельсах X века мы можем прочесть имена этих владетелей. Исследовав их, нумизмат Е. А. Давидович пришла к важным выводам.

Например, на монетах ферганских городов Ахсикета и Кубы встречаются во второй половине X века два имени — Мансура ибн Байкара и Ахмада ибн Мансура, видимо, его сына. Несомненно, это правители Ферганы. Они законно и открыто владеют этим оазисом и в течение по крайней мере 13 лет чеканят там монету, пусть медную (как и полагается по правилам мусульманского монетного дела), но все же со своим именем. Они лояльны по отношению к власти эмира и на своих монетах никогда не забывают упоминать своих сюзеренов. Из хроник мы знаем, что Мансур ибн Байкар был крупным сановником, хаджибом при дворе саманидских правителей. И на монетах его есть этот титул, иногда в соединении с титулом «эмир», а иногда вместо этого другой титул, еще более высокий — «клиент правителя правоверных», более подходящий самому саманидскому правителю. На монетах хаджиба Мансура ибн Байкара стоит еще имя некоего Ахмада ибн Али. А кроме того, есть и верховный сюзерен (чьим вассалом был Мансур ибн Байкар и чьим субвассалом был Ахмед ибн Али), т. е. сам саманидский эмир Мансур ибн Нух.

А при следующем Саманиде Нухе ибн Мансуре в Фергане чеканят монеты с именем другого хаджиба, некоего Таша. Это был крупный чиновник и приближенный нового саманидского эмира. И, когда Нух вступил на престол, он наградил этого Таша, пожаловав ему земли в Фергане, которая по наследству оставалась владением сына Мансура ибн Байкара — Ахмада ибн Мансура. Получились многоступенчатые отношения вассалитета и сюзеренитета. Ахмад ибн Али — вассал хаджиба Таша, тот вассал Ахмада ибн Мансура (видимо, сына Мансура ибн Байкара), а тот — в свою очередь вассал Саманида Нуха.

Пожалования какой-то области в качестве феодального держания за службу — типичное явление феодализма. На мусульманском Востоке было характерно пожалование за чиновную службу, так же как в Западной Европе — пожалование за военную. Обычно эти чиновники оставались при дворе, в столицах, сопровождали своего сюзерена, не бросали своей придворной карьеры. Они не взимали сами ренты с крестьян, как это делали феодалы Европы, а получали часть налого-

вых поступлений с этих земель как жалованье за службу. Налоги исчислялись в деньгах, и этим крестьянское хозяйство было втянуто в денежное обращение. Отнятый у крестьян эмирскими и халифскими сборщиками налогов и собранный в казне прибавочный продукт делили вельможи-чиновники при дворах мусульманских правителей.

Опущено или добавлено имя, изменен титул на монетах — это сигнал о каком-то историческом событии. Недаром сказал персидский писатель XIV века Нехшаби: «Динар — книга истории царей и хроника государств».

Все выражалось словами, формулами, подчеркивалось эпитетами, титулами и — немаловажная деталь — местом, где на монете располагалась надпись. Но все же, как очень редкое исключение, в Халифате иногда появлялись серебряные и золотые монеты с рисунками. Вот, например, дарственная монета X века ал-Муктадира. Изображен пирующий халиф. Он был одним из тех никчемных халифов, которые пришли на смену мощным и самостоятельным правителям VIII—IX веков и которые только правили, но не управляли, поручая все дела визирям. Муктадир стал халифом в 13 лет и сразу же освободил себя от обязанности посещать школу. А потом к этой радости добавилась еще одна, ставшая главной в его жизни,— вино. И он предавался ей почти четверть века, пока в первом же своем военном предприятии в сутолоке боя не был обезглавлен. Мусульманское право запрещает вино, не рекомендует изображать животных и людей. Но чтобы сделать какому-то сановнику, вероятно, собутыльнику халифа, дорогой памятный подарок, можно было нарушить эти запреты.

«ЧЕРНЫЕ» ДИРХЕМЫ И СЕРЕБРЯНЫЙ КРИЗИС

На мусульманском Востоке, так же как и в средневековой Европе, монеты были одним из средств классовой эксплуатации. Государство выкачивало из монетной чеканки огромные доходы в ущерб социальным низам.

На рынках Средней Азии в VIII—XI веках ходило множество так называемых «черных» дирхемов. Они сохраняли облик поздних сасанидских монет: различим был схематичный профиль шахиншаха (табл. XII). В отличие от серебряных дирхемов, их называли дирхемы «мусеяби», «мухаммади», «гитрифи» и т. п. Уже в VIII—IX веках их делали субэратными, многослойными — внутри медная пластина, а сверху, для видимости, серебряные. Позднее они превратились в низкопробную, почти медную монету. Все знали, что реальная стоимость этих денег ничтожна. Власти, их выпускающие, и не стремились придать им вид полноценного дирхема мусульманского типа. Эти монеты обращались по завышенному, принудительному курсу. Их номинальную стоимость эмир или султан поддерживали своими указами. Низкопробная монета обращалась только в том городе и его ближайшей округе, где действовала власть местного правителя. В торговле между городами и странами эти монеты не употреблялись. Государство стремилось извлечь из выпуска этих денег как можно больше выгоды. Но

не всегда удавалось осуществлять государственные платежи плохой монетой, а собирать подати и налоги с населения в хороших дирхемах. Есть сообщения об исчислении податей с провинций в «черных» дирхемах. Не нужно представлять себе дело так, что из Бухары, например, мешки этих дирхемов везли в Багдад и сдавали там в казну. Вероятно, собранные с населения, они оставались в бухарском округе и снова пускались эмиром в обращение, а налог халифу уплачивался эквивалентным количеством серебра или каких-либо ценностей. Но верхи общества, как и на Западе, так и на Востоке, от выпусков «черных» дирхемов теряли меньше, а городской плебс, связанный с мелким розничным торгом, особенно страдал от порчи монет и вызванного ею повышения цен на рынке.

В IX—XI веках высокопробные куфические дирхемы в огромных количествах вывозились из стран Халифата в Восточную Европу и в Скандинавию. Мощные монетные дворы в аш-Шаше (Ташкент), Самарканде, Бухаре и других городах Средней Азии в конце IX—X веке непрерывно выпускали серебряные монеты, и они почти сразу, не оседая в местном денежном обращении, уходили на север. В этих условиях «черные» дирхемы играли особую, очень важную роль.

Действительно, все серебро уходит в Европу. Рынкам Бухары, Самарканда, Хорезма грозит застой из-за отсутствия средства обмена. Их нужно насытить какой-то монетой, которая не была бы увлечена мощным потоком серебра на север. И такими монетами становятся «черные» дирхемы, которые обращаются по принудительному курсу и потому не могут уходить за пределы своих областей.

В XI—XII веках денежное дело мусульманских стран было потрясено «серебряным кризисом». Один за другим прекращают чеканку серебряных монет города Арабского халифата. Волна «серебряного кризиса» идет по всему арабскому миру. В XI веке он поражает самые восточные монетные дворы, питавшиеся серебряными рудниками Илака и Пянджхира, расположенными на востоке Средней Азии и в горах теперешнего Афганистана. Причины этого грандиозного, охватившего весь мусульманский мир явления до сих пор полностью не выяснены. Несомненно, важную роль сыграло истощение серебряно-свинцовых рудников. В Средней Азии в XII веке осталось так мало серебра, что его цена в золоте поднялась много выше его цены на рынках Европы.

Посеянные в X веке семена феодальной раздробленности пышно взошли уже в XI веке, и это катастрофически отразилось на чеканке серебра. Для больших выпусков нужны большие запасы металла, концентрация его в единых руках, т. е. в централизованной казне эмира, а в XI веке эти запасы были распылены, оказавшись во владении мелких правителей.

По мере обострения «серебряного кризиса» не только «черные» дирхемы сасанидских типов, но и обычные, куфические, чеканятся из все более и более плохого серебра. Они уже не могли служить средством торговли с другими странами. Как и «черные» дирхемы, куфические монеты постепенно приобретали принудительную стоимость и могли теперь обращаться только «у себя дома». Мы почти не знаем кладов серебряных дирхемов IX—X веков в Средней Азии, а клады куфических монет XI века там находят.

Еще до начала «серебряного кризиса» в обращении были «черные» дирхемы. И когда серебряные рудники иссякли и разразился серебряный кризис, в Средней Азии серебро в обращении уже готова была заменить, собственно, уже заменила, низкопробная монета, ходившая условно, как знак стоимости. Кроме того, в Халифате стали применять различные виды денежных суррогатов. Арабские историки пишут, что в халифате не стало серебряных монет в обращении и приходилось заменять монеты чем-то иным. Так, в Багдаде около 1009 года вместо монет на рынке пользовались тонкими лепешками из теста.

В XII—XIII веках в самый разгар «серебряного кризиса» в Средней Азии чеканили «черные» дирхемы других видов, чем в IX—X веках. Это были большие медные монеты, обычно с посеребрением, чтобы облегчить им хождение на рынке. Они официально назывались дирхемами, это название стояло в их легендах, но все знали, что эти дирхемы медные, «черные» и имеют высокую номинальную стоимость только потому, что власти обязывают население принимать их и торговать на них. Когда таких посеребренных дирхемов выпускают слишком много, они, как и бумажные деньги, теряют свою покупательную способность, население перестает на них торговать, цены подскакивают и экономике грозит расстройство. Власти понимали это, но отказаться от медных дирхемов не хотели; рассчитывая на психологию обывателей, они утяжеляли монеты — ничтожной по стоимости добавкой меди пытались придать им видимость большего достоинства. Иногда на этих монетах появлялись угрожающие надписи: «Кто монету не возьмет, тому смерть» или: «Кто в Самарканде и округе этого города [эту монету] не будет брать — преступник».

«Черные» дирхемы обращались на местных рынках. Международную торговлю, так же как и в Западной Европе, обслуживали золотые монеты. В связи с «серебряным кризисом» возросла роль золота в денежном деле. Его чеканят много, и оно, хотя и низкопробное, служит для торговли внутри мусульманского мира. Но обращается оно не как штучная монета, а по весу.

В конце XIII века намечается выход из «серебряного кризиса». Появляются первые полновесные и высокопробные серебряные монеты. В Западной Европе в это же примерно время нужды торговли заставили многие страны чеканить крупные серебряные монеты — «толстые» денарии, гро, гроты и гроши. Серебро вывозили из Европы на Восток, но его там все же не хватало.

В XIII веке Средняя Азия, Иран, Месопотамия, Кавказ, Крым и часть Восточной Европы были завоеваны монголо-татарами. Образовалось несколько монгольских улусов — Хулагуидский в Иране и Месопотамии, Джагатаидский в Средней Азии и Джучидский (Золотая Орда) в Восточной Европе и Хорезме. С покоренных земель собирались огромные дани, массы награбленного благородного металла стекались в сокровищницы ханов, и «серебряный кризис» был преодолен. Монгольские ханы в конце XIII—XIV веке наладили чеканку больших масс серебряной монеты. Она по-прежнему называлась дирхемом. Шесть дирхемов составляли динар. Название, применявшееся ранее к золотой монете, стало теперь означать в Иране и Средней Азии крупную монету из серебра.

Пертурбации в монетном деле, связанные с «серебряным кризисом», привели к тому, что денежные наименования изменились. Еще более меняются, и в разных мусульманских странах по-своему, эти названия в последующие столетия. Общая закономерность та же, что и в Европе. Старые названия солидных когда-то монет становятся обозначениями ничтожно малых денежных единиц: денарии, пфенниги превращаются в мелкую монету, грош, когда-то «толстый», «солидный» — в нарицательное обозначение мелкой деньги. То же случилось на Востоке с динаром. Сначала это была золотая, затем крупная серебряная, потом мелкая серебряная монета, а в XVI веке мы находим в Средней Азии медный динар. В XX веке этот древний номинал воскрес в названиях денежных единиц многих арабских государств — Алжира, Туниса, Иордании, Бахрейна, Ирака, Народной Демократической Республики Йемен, Кувейта.

«Серебряный кризис» положил конец долгой эпохе куфических монет. Расположение надписей, их содержание и почерк радикально меняются. Размеры металлических денег становятся самыми разнообразными.

На куфических динарах, дирхемах и фельсах употреблялся для легенд только арабский язык — универсальный язык религии, науки и некоторых официальных дел во всем мусульманском мире. После «серебряного кризиса» на монетах появляются легенды на персидском или тюркском языке, более понятные населению. Обычно это особо важные для населения и для монетного обращения надписи: или «угрожающие» — о наказании за отказ принимать монету, или утверждающие хождение данной монеты в том или ином районе, или указывающие курс денег, соотношение монетных номиналов. Например, на золотоордынских медных монетах XIV века встречается тюркская надпись — «в одном данике 16 пул», которая устанавливает равенство 16 медных монет-пулов (пул — от арабского фельса) весовой единице серебра — 1 данику (название этой единицы было еще в Сасанидском Иране). На деньгах Ирана XVI века можно встретить персидские стихи. На монетах монгольских ханов их имена иногда писались уйгурскими буквами. Необязательными стали религиозные формулы и символы веры. Год выпуска, раньше писавшийся всегда словами, теперь пишут чаще цифрами. Монеты стали украшать примерно с XII века парадными фигурными рамками. После «серебряного кризиса» на монетах, по преимуществу медных, в изобилии появляются изображения различных предметов, животных, иногда людей. В Иране часто помещали льва и восходящее за ним солнце. Этот астральный символ стал гербом страны. Особое разнообразие сюжетов дают золотоордынские пулы: есть знаки зодиака — лев и солнце, солнце в клешнях рака, водолей, весы, а кроме того, верблюд, всадник, здание с полумесяцем, пара ослов у кормушки, птицы, рыбы, павлин с распущенным хвостом, розетка в виде цветка, секира, двуглавый орел и даже женщина с ребенком.

Интересны монеты мусульманских династий Зенгидов и Ортукидов, правивших в Месопотамии в XII—XIII веках. Отход от запретов ислама и от канонов куфической чеканки на них полный: и портреты селевкидских царей, правивших в этих местах 15—16 столетий назад,

и императоры Рима — снова Октавиан Август, Нерон, и изображения каких-то царей в коронах, похожих на сасанидских. Здесь и двуглавый орел, Христос и Богоматерь, заимствованные с монет Византии. Кроме того, Марс, символически изображенный в виде воина с мечом, держащего в руках отрубленную голову, Гелиос, Аполлон. Попала на эти средневековые мусульманские монеты и прелестная нимфа Аретуза, которую прославили своим мастерством греческие медальеры. Складывается такое впечатление, что в арабских странах знали античность, любили ее, стали собирать памятники ее культуры, в частности монеты, намного раньше, чем в Италии.

ФИНАНСЫ И ФИНАНСИСТЫ

Новые серебряные монеты, например дирхемы и динары, чеканенные при ханах Хулагуидах в Иране, были подвержены общей болезни средневекового денежного дела — порче, уменьшению их серебряного содержания. Это делалось открыто — снижали вес и меняли их внешнее оформление. Старые монеты, очевидно, обменивались на новые, так что казна оказывалась в выигрыше. Новым облегченным монетам придавался какой-то принудительный курс. Но в этом уменьшении веса дирхема и динара был еще и другой смысл. Денежная система Ирана этого времени была биметаллической: в ней были серебряные и золотые монеты. Серебряный динар, равный 6 дирхемам, должен был быть приравнен к какому-то количеству золота. Мы уже видели на примере Англии XIV—XVI веков, что такой биметаллизм часто вызывал нежелательные явления в денежном деле. В монетной системе оценка золота в серебре могла не соответствовать этим оценкам на рынках или в монетной системе других стран. Эти «коллизии» грозили привести к отливу, вывозу того или иного благородного металла. Постоянно нужны были какие-то поправки в монетной системе, чтобы приводить ее в соответствие с рыночной реальностью.

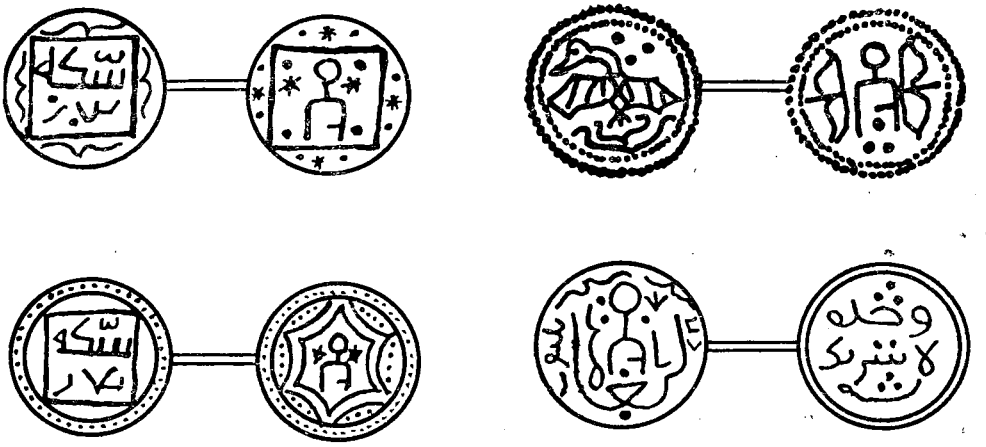
Главной тенденцией на рынках благородных металлов на Востоке в то время был дефицит серебра. Чувствовались пережитки «серебряного кризиса», недавно преодоленного. Этот постоянный дефицит приводил к тому, что серебро как металл повышалось в цене. Нужно было поднять его курс и в монете, т. е. сделать серебряную монету более «дорогой». Этого достигали тем, что казна, выпустив новый, немного более легкий дирхем, приравнивала его по номинальной стоимости к старой, более тяжелой монете. Серебро в этой новой монете становилось немного «дороже», чем в старой.

Но власти никогда не удерживались в этом деле на разумной грани, необходимой для блага торговли и упорядочения денежного обращения. Они искали новые источники средств и злоупотребляли порчей монет.

Уменьшать вес монет и увеличивать этим доход от монопольного права денежной чеканки удобно тогда, когда монетные дворы снабжаются валютным металлом централизованно, даже если они отданы на откуп. Серебро доставляется из ханских сокровищниц, куда оно посту-

пает в виде налогов, займов, прибылей от торговли, а то и просто после удачных грабительских набегов. Так было в Иране в конце XIII—XIV веке.

Но возможен и другой способ получения необходимого для чеканки серебра — «открытый», или «свободный», который нам известен на примере средневековой Европы: деньги чеканят из серебра, которое приносят на монетный двор частные лица. Но если поставщику будут давать легкие монеты, то он захочет получить их больше, чтобы общая масса выданного ему серебра в монетах была та, которая установлена обычаем. Но в таком случае у монетного двора не будет никакого дополнительного дохода, и снижение веса монет потеряет экономический смысл. Другими словами, при «свободном» способе организации монетного дела постоянные снижения веса монет



Золотоордынские монеты XIII века.
После «серебряного кризиса» кончилась эпоха куфических монет. Оформление денег в мусульманских странах резко меняется.

не способствуют привлечению серебра на монетные дворы. Наоборот, приходится опасаться, что население будет удерживать серебро.

В улусе Джучи — Золотой Орде была именно такая «свободная», или «открытая», организация монетного дела. Об этом прямо сообщает, описывая денежное дело города Азака (Азова), где была итальянская торговая колония Тана, знакомый уже нам итальянский финансист XIV века Пеголотти: «И когда кто-либо относит серебро на монетный двор Таны, то из каждого из названных соммов (весовых единиц) монетный двор делает 202 аспра (так итальянец называл чеканившиеся в Азаке серебряные монеты.— *Г. Ф.-Д.*) по счету. И хотя монетный двор делает из сомма 202 аспра, но отдает посторонним 190 аспров и считается, что остаток идет за работу и в доход монетного двора. Так, что 190 аспров приравниваются по оценке к танскому соммо».

В Золотой Орде финансовые советники хана для своего времени

хорошо разбирались в законах денежного обращения. Неизменный по весу дирхем является условием этого «свободного» чекана монеты. Но если не менять вес дирхема и не менять его оценки в медной или золотой монете, то будут возникать «коллизии» из-за неизбежных колебаний рыночной цены серебра, из-за возрастающего дефицита на серебро. Золотых динаров в Золотой Орде не чеканили. Зато было много медных — пулов. Правительство корректировало, «подправляло» денежное дело путем постоянного обновления медного обращения, не трогая серебро. Золотоордынская казна время от времени выпускала новые медные монеты с измененным внешним оформлением. На них иногда даже помещали надпись — «новый пул». Старые пулы запрещались, и население должно было их обменивать в казне на новые. При этом, вероятно, новые пулы приравнивались к какому-то большему числу старых. Чтобы на рынках легче принимали новые пулы, их делали тяжелее, они становились как бы «солиднее» в глазах населения.

Новые медные монеты получали более высокую покупательную способность. То, что стоило, скажем, 10 старых пулов, можно было купить за 8—9 новых. При этом все время действовало одно и то же официальное соотношение медных пулов и серебра, измеряемого в весовых количествах — так называемых даниках. Даже на самих монетах писали, что «по высочайшему повелению» 16 пулов равны 1 данику серебра. Увеличивая покупательную способность пула, повышали тем самым покупательную способность и дирхема (равного в середине XIV века 2 даникам или 32 пулам). Таков был механизм выравнивания и некоторого постоянного повышения курса серебра, обращавшегося на рынках в виде монеты.

Но если серебро чеканили без существенных изменений веса, а медные пулы выпускались из десятилетия в десятилетие с повышенным средним весом, где же тут дополнительный доход казны? Вероятно, он заключался в том, что старые пулы обменивали на новые не пропорционально их весовому соотношению, а так, что общий вес и количество старых пулов, принимаемых казной, были значительно выше веса и количества новых пулов, за них выдаваемых.

Но все эти рассуждения были бы лишь домыслами, если бы они не подтверждались кладами золотоордынских монет. Прежде всего бросается в глаза, что клады дирхемов совсем не такие, как пулов. Они свидетельствуют о длительном сохранении в обращении дирхемов. Неизменяемый по весу и пробе, с узким ремедиумом серебряный золотоордынский дирхем удерживался в обращении в центральных районах государства довольно долго: от денежной реформы 1310 года до 1370-х годов. Старые монеты снашивались, частично выходили из обращения, постепенно заменяясь новыми того же достоинства, но не было заметных скачков и разрывов денежного обращения, что обычно наблюдается в моменты его реформ. Так, в кладах, зарытых в 1360-х годах, есть серебряные монеты чеканки еще 1310—1320-х годов. И таких кладов много.

Иначе обстояло дело с пулами. Старые пулы обесценивались с каждым выпуском нового типа. Нужно было идти в казну, обменивать их на новые по очень невыгодному курсу. Поэтому в клады медные

монеты обычно не зарывали. Что это за сокровище, которое через 5—7 лет может быть совершенно обесценено. Как металл они не представляли ценности. Пулы ходили по принудительному курсу, их номинальная стоимость раза в два превышала стоимость меди.

Если кладов серебряных монет известно сотни, то кладов медных монет найдено всего несколько, причем один, наиболее значительный, найден в могиле — это деньги для входа в царство мертвых и для загробных покупок. Родственники вместо серебряных дирхемов, которые и на этом свете будут еще долго представлять покупательную ценность, положили медные пулы, которые здесь на земле могут очень скоро обесцениться и превратиться в «мусор», а на том свете... кто знает, может, там по-другому устроено денежное дело.

При раскопках золотоордынских городов находят иногда несколько монет в одной тряпочке, в кошельке, просто в одной кучке, словом, совместные находки. Почти всегда попадаются вместе монеты одних типов, чеканенные в одни годы. Это говорит о том, что старые типы пулов уже были обменены на новые и в обращении их не было. Клады и совместные находки медных монет в этом отношении резко отличаются от кладов серебряных дирхемов, где собраны все обращавшиеся серебряные монеты и старых и новых выпусков.

Есть еще одно существенное отличие в обращении серебряных и медных монет. Серебряные монеты свободно ходят на больших территориях. Пулы столичной чеканки также далеко уходят от места своего чекана — централизованная власть ханов обеспечивает их свободное хождение по всей стране по принудительному, установленному властью курсу и номиналу. Другое дело — пулы, чеканенные на окраинах Золотой Орды. Они в основной своей массе не выходят за пределы местных рынков, где составляют значительную долю обращающихся монет.

В государстве Шейбанидов в Средней Азии XVI века денежное дело и извлечение из него доходов (как установила Е. А. Давидович) было организовано так. Ходили три монетных единицы: теньга — крупная серебряная монета, динар — основная медная монета и «черный» пул — мелкая разменная местная монета. У государства серебра не хватало, чтобы бесперебойно снабжать монетные дворы сырьем. Практиковался «свободный» чекан монет. Как мы уже видели на примере западноевропейского и золотоордынского денежного дела, такой способ чеканки требует неизменности основных монетных единиц, иначе на монетный двор не будет поступлений металла. Шейбаниды не портили свои деньги, и серебро текло на их монетные дворы. Все было бы хорошо, но казна не желала удовлетворяться тем небольшим удержанием из начеканенной монеты, которая была узаконена и составляла как бы «нормированный», обычный доход, с которым поставщики серебра мирились. Этот скромный доход к тому же был непостоянен и мог уменьшаться, когда заказчиков на перечеканку серебра в монеты было мало. Нельзя умножить этот доход, увеличив долю отчисления за чеканку, тогда серебро вообще перестанут нести на монетные дворы, нельзя и портить монету. Что делать?

Выход находят в следующей финансовой махинации. Объявляют все выпуски серебряных тенег предшествующих лет «старыми» и чека-

нят по тем же стандартам «новые» теньги. «Старые» серебряные теньги продолжают обращаться, но по пониженному курсу. «Новые» теньги, весящие столько же и содержащие серебра столько же, получают завышенный по сравнению со «старыми» курс. «Старые» относятся к «новым» по своей покупательной способности как 9 : 10. Если на «старую» теньгу можно купить 9 единиц товара, то на новую можно их купить 10. Монеты умершего правителя из дома Шейбанидов автоматически объявлялись «старыми», а выпуски нового правителя объявлялись «новыми», «ходящими в данное время». Но иногда в течение царствования одного хакана могли совершать эту операцию несколько раз, перечеканивая монету, снабжая ту же самую старую монету новым штемпелем, не меняя ее веса. И каждый раз дополнительные доходы шли в казну. За счет чего? За счет владельцев «старых» денег. Они теряли, и довольно много, обнаруживая в один прекрасный день, что их сбережения уменьшились на $^1/_9$ часть из-за того, что правительству вздумалось выпустить «новые» теньги. Рассчитывалась ведь казна с частными лицами, гасила свои денежные обязательства, выплачивала жалования, учитывая официальный курс «новых» денег. Скажем, какую-то сумму, зафиксированную в «старых» теньгах, правительство выплачивает в «новых», т. е. платит теми же по весу серебра монетами, но в меньшем количестве. А частные лица должны или свои «старые» теньги нести в казну и обменивать их на меньшее число «новых», или покупать товары на свои «старые» теньги, но платить ими дороже. Конечно, на рынке складывалось свое, стихийное соотношение «старых» и «новых» монет, но указы правителя обойти было трудно и наказания были строгие. Казна учитывала только официальный курс денег и, более того, стремилась указами определить цены на продукты в «новых» и «старых» теньгах. Часть старых монет население могло зарывать в землю, придерживая их «до лучших времен», но тогда обнаруживался бы дефицит на монету. Торговать-то нужно, покупать на рынке нужно, и люди все же несли свое серебро-слитки, посуду, утварь на монетный двор для перечеканки и этим увеличивали его доход от чеканки монет. А в конце концов они вынуждены были смиряться с официальным курсом «старых» и «новых» тенег.

Конечно, держатели серебра не хотели нести его для перечеканки, так как боялись, что получат взамен такие деньги, которые скоро подешевеют. Но зато когда правительство объявляло «новые», более дорогие деньги, то все, кто придерживал серебро, спешили на монетный двор, чтобы получить эти новые монеты. Все дело в том, чтобы правительству не слишком часто играть в эту игру: «новые» — «старые»...

Шейбаниды не ограничивались выпуском новых серебряных монет. То же практиковалось и по отношению к медным монетам. Так же, как в кладах медных золотоордынских пулов XIV века, в кладах медных шейбанидских монет XVI века содержатся деньги, близкие друг к другу по времени выпуска. Предшествующие монеты запрещались, изымались из обращения и перечеканивались в новые. Население вынуждено было менять их на монетном дворе или в казне на новые монеты, и обмен этот был убыточен для населения, но доходен для правительства, так как он был не эквивалентен.

«Новый» медный динар объявляли равным 6 «черным» пулам, а «старый» динар — равным 5, 4, а то и 3 пулам, в зависимости от обстоятельств.

На Востоке государство часто перечеканивало или надчеканивало старые монеты и вновь пускало их в обращение. Вот как описывает такие перечеканки в Иране XVII века европейский путешественник Адам Олеарий. «Вообще относительно медной монеты у персиян делается так, что каждый большой город имеет у них свою собственную монету, которая нигде и не ходит, как только там, где она отчеканена, и при этом не далее, как на один год, так что знаки на этих монетах ежегодно переменяются. Знаки эти или изображения бывают иногда олень, коза, сатир, рыба, змея и тому подобное, в наше время на касбеках в Шемахе было изображение фавна или молодого дьявола, в Кашане — изображение петуха, в Испахане — льва и в Киляне — рыбы. С наступлением нового года... старые касбеки воспрещаются, стоят уже по два старых за один новый, и поэтому должны поступать снова на монетный двор, где они только раскаляются и клеймятся новым знаком».

Частые перечеканки денег и обязательный обмен их по выгодному для властей курсу известны были и в средневековой Европе. Но там они представляли архаический способ извлечения доходов из денежного дела. На мусульманском же Востоке эти явления распространились тогда, когда Европа выходила на простор капиталистического развития, и такие приемы уже не могли широко применяться. Они пригодны более для общества, где свободная игра рыночных сил и экономических законов сдерживается деспотической властью султанов и ханов, эмиров и шахов.

Разные способы получения дохода для казны изобретали финансовые советники восточных владык. За столетия различных упражнений с денежным делом они приобрели большой опыт и стали хорошо понимать, что этот инструмент выжимания доходов нельзя использовать без ограничений. Слишком большое давление на денежное обращение, наводнение его «новыми» монетами, изнурение рынка беспрерывными обязательными изъятиями, обменами «старых» монет на «новые» — все это чревато расстройством финансов. Население может забастовать и вообще перестать пользоваться монетами, торгуя подпольно на старые деньги или прямым обменом товаров. И хотя такие кризисы и случались, казна и правительство так или иначе выходили из них и некоторое время старались не доводить денежное дело до опасной точки.

Эти финансисты-советники были часто купцами-откупщиками, банкирами-менялами типа западноевропейских средневековых менял. Еще в раннесредневековой Средней Азии известны банковские и меняльные конторы. Гражданская община Пенджикента, мелкие рядовые торговцы хранили деньги у двух банкиров-компаньонов. В Арабском халифате менял называли саррафами. Они так же, как их европейские собратья, рано изобрели векселя, чеки, способы безналичных расчетов и перевода денег на большие расстояния. Векселя саррафов, выданные купеческому каравану в одной части мусульманского мира, точно и в срок учитывались в другой.

Были распространены кредитные письма. Знаменитый персидский поэт XI века Насир-и-Хосроу рассказывал, что во время своих путешествий по Египту он получил от одного знакомого в Ассуане такое письмо для его поверенного-менялы в другом городе: «Дай Насиру все, что он у тебя потребует, возьми у него расписку и запиши сумму на мой счет». Выдавались чеки. Иногда банкиры требовали уплаты какого-то процента с подателя чека за труды и хлопоты по учету этих документов. Иногда среди менял попадались любители искусств, которые сами доплачивали бедным поэтам и певцам. В арабском порту Басре в XI веке купцы на рынке производили большую часть платежей чеками. Тут же на площади размещался ряд саррафских контор.

Менялы часто бывали ростовщиками. Хотя мусульманское право (так же, как эдикты пап в средневековой Европе) запрещает ростовщичество, эти запреты обходились. Саррафы давали деньги взаймы всем: и беднякам и эмирам. Векселями и чеками были опутаны многие правительства.

У арабских менял был специальный термин «накада», что означало «отбирать полновесные добротные монеты от плохих легковесных». У восточных поэтов и философов это слово стало обозначать «отбирать хорошие стихи от неудачных», т. е. «критиковать и рецензировать». Это очень интересный факт, показывающий, как монеты, деньги вторгались во все области человеческой жизни и как хорошая полновесная монета становится символом не только благополучия и власти, но и красоты, эстетических достоинств.

Менялы и банкиры иногда получали огромную власть на Востоке. Один такой купец-откупщик и банкир-ростовщик сделался в XIII веке правителем всей Средней Азии после того, как она была завоевана монголами. Они отдали ему власть в разоренной стране, чтобы он навел там порядок и поставлял систематическую дань. Его звали Махмуд Яловач. Власть перешла по наследству его сыну Масуд-беку, и тот провел денежную реформу в 1271 году. Эта реформа покончила с «серебряным кризисом» в Средней Азии, с выпуском «черных» дирхемов с принудительным курсом и ввела чеканку серебряных монет со строго указанным весом и высокой пробой. Реформа была проведена со знанием дела, с тонким пониманием психологии рынка и тех способов, которым можно привлечь серебро на монетные дворы. И в те времена, когда ханом мог стать только потомок Чингиз-хана, этот правитель, никакого отношения не имевший ни к этой монгольской, ни к мусульманским династиям, выпустил монеты со своим именем: «Масуд-бек».

МОНЕТЫ КИТАЯ

Денежное дело древнего Китая развивалось так:

Сначала были товаро-деньги, например раковины каури. Иероглиф, напоминавший очертания этой раковины и обозначающий ее, входил в другие иероглифы, такие, как «покупать», «тратить», «дешевый», «дорогой», «цена», «продавать» — в общем, все связанное с рынком.

В торговле употреблялись также слитки металла — бронзовые, в виде лопат, раковин, ножей. На них не было никаких надписей. Они воспроизводили древние товаро-деньги. Может быть, когда-то на рынках на ножи и лопаты, как на раковины каури, обменивали продукты. Потом стали отливать маленькие бронзовые лопатки и мотыги или просто диски меди, иногда с иероглифами. Это уже деньги-монеты. Они появились в Китае раньше лидийских и эгинских чеканенных монет, видимо, в VIII веке до н. э., хотя дата эта точно не установлена.

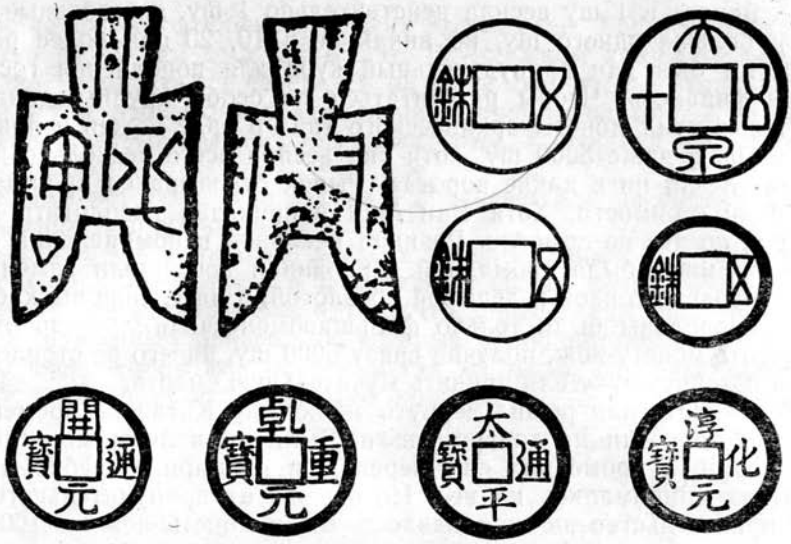
Монеты-ножи и круглые монеты имели отверстие. Монеты нанизывали на веревку и так хранили, а иногда так и расплачивались — прямо связкой.

В III веке до н. э. император Цинь-Шихуанди провел денежную реформу и изъял своим указом все фигурные монеты, и даже круглые. Он запретил также торговать на товаро-деньги, которыми в то время еще пользовались, — на каури, зерно, шелк и т. п. Он выпустил новые круглые монеты с квадратным отверстием, монеты в пол-ляна, т. е. в половину весовой единицы «лян». Только они были разрешены императором для торговли, но зато изготовили их огромное количество.

Эта реформа преследовала интересы казны. При Цинь-Шихуанди была объединена страна, велось строительство Великой Китайской стены. Это был царь-реформатор. Великолепная столица императора и его 270 соединенных переходами дворцов не сохранились. Но недавно открыта и раскапывается подземная усыпальница, в которой погребение этого императора сопровождают изваянные почти в натуральную величину из бронзы и терракоты сотни фигур придворных сановников и генералов, колесницы с лошадьми и солдаты гвардии с оружием. Это лишь слабое отражение роскоши императорского двора. Ведь для всего этого нужны были деньги, и одним из источников их была монополия на выпуск монет. Но, чтобы начать черпать из этого источника, сначала нужно было запретить обмен на товаро-деньги.

Вскоре монету в пол-ляна стали портить. Она уменьшилась в весе. Было разрешено литье монет частным лицам как бы на правах откупа. Потом от этого отказались, но начавшийся разнобой в весе литых бронзовых монет преодолеть уже было нельзя.

Многое отличает китайское денежное дело от греческого, римского, средневекового европейского, от денежного дела Ирана и арабских государств. И его невероятная традиционность, устойчивость форм: монеты-мотыги и монеты-ножи обращались в Китае с начала первого тысячелетия до н. э. до I века н. э. — немногим меньше тысячи лет. Круглые бронзовые монеты с отверстием в центре были в ходу две с половиной тысячи лет! А чего стоит установленный в VIII веке тип и номинал монет «цянь». Он имел четыре иероглифа на одной стороне вокруг квадратного отверстия и гладкую оборотную сторону, на которой иногда были какие-то черточки: предание говорило, что это след ногтя императора на формочке для отливки — как бы подпись его на монете, «высочайшая» санкция. Тип монет «цянь» продержался в Китае около 1200 лет. Русские называли их «чохами», англичане «каш», от малаккской монеты «кайкса» — малайцы были еще в XIX веке главным промежуточным звеном в торговле Запада с Китаем.



Средневековые монеты Китая.
Китайское денежное дело отличалось традиционностью и устойчивостью форм.

И эта манера отмечать на монетах правления императоров не именами, а девизами их царствований, которые сами становились как бы вторыми именами правителей: собственные же их имена произносить, а тем более помещать на монетах было нельзя — древнее табу, восходящее к представлениям первобытных народов, верящих, что таким образом можно нанести вред человеку. И исключительное обращение в Китае медных и бронзовых литых монет до последних веков уже нового времени, дополняемое только серебряными и редко золотыми слитками... Казалось бы, особый мир денежного обращения. Но, присмотревшись ближе, мы замечаем под этими причудливыми формами те же закономерности.

Действительно, связь с товаро-деньгами знакома нам по монетам Греции и Рима. Литые архаические ассы с изображениями скота — это же аналог медным литым монетам в виде мотыг и ножей: в раннем Риме тоже торговали по весу меди. Не говоря уже о раковинах каури, на которые обменивали товары в разные времена чуть ли не на половине земного шара.

Монета — средство государственной пропаганды и информации. И в Китае, несмотря на скудость репертуара надписей, то же самое. Начало правления императора возвещается народу новым девизом на монетах.

Всю историю денежного дела древней и средневековой эпох пронизывает порча монет и извлечение дохода от их чеканки. В Китае эта «игра» с денежным делом развивалась по тем же «правилам». Вот, например, реформа регента Ван Мана, правившего в 6—24 годах н. э. До него на рынках обращалась монета в 5 «шу» весом, к которой народ привык. Он приказал отлить монеты в 1, 10, 20, 30, 50 шу. Но

только монета в 1 шу весила действительно 1 шу, а остальные весили хоть и больше одного шу, но никак не в 10, 20 или более раз. Тем самым им был дан принудительный курс для пополнения государственных финансов. Чтобы рассчитаться по особо крупным платежам, регент выпустил монеты архаического типа в виде ножей и придал им курс в 500 и даже 5000 шу, хотя они весили всего несколько шу. Это уже «не лезло ни в какие ворота». Рынок отказывался принимать такие знаки стоимости. Хотя Ван Ман и приказал позолотить ножи в 5000 шу, но это не помогло. Разница реальной и номинальной стоимости этих монет была громадной. Чиновники поспешили заменить накладное золото тонкой и дешевой позолотой, а население выскабливало золото. Довольны были только фальшивомонетчики — ведь отлить и позолотить монету-нож, получив сразу 5000 шу, ничего не стоило, кроме страха потерять руку или принять мучительную смерть.

Тогда Ван Ман решил вернуть экономику Китая ко временам домонетной торговли на товаро-деньги. Были объявлены монетой раковины каури, а кроме них еще черепашьи панцири. Серебро и золото в слитках принимались на вес. Но все же от принудительного курса денег правительство не отказывалось. Были монеты-ножи в 100 и 1000 шу. Все эти мероприятия не только не оздоровили рынок, а привели к расстройству обращение и торговлю. Тогда правитель проводит третий тур своих опытов, на этот раз более осторожных. Он выпускает новые монеты-мотыги с надписями «обменная мотыга». Они были того же размера, что мотыги по 1000 шу, но номинал их был в 40 раз меньше — всего 25 шу. Затем были выпущены монеты круглой традиционной формы с квадратным отверстием, которые, однако, назывались «монеты-мотыги». Они стоили и весили 5 шу, и тем самым была восстановлена популярная и привычная дореформенная монета. Были отлиты другие монеты тоже в 5 шу с надписью «источник товаров». Восстановление старой монеты пробуждало доверие и к «обменным мотыгам» с принудительным, но сравнительно небольшим курсом — в 25 шу. Но в конце концов, видимо, перешли к монете «источник товаров».

Идея принудительного курса монет была в Китае доведена до своего логического конца, до бумажных денег, т. е. полного условного знака стоимости. Впервые они были отпечатаны в городе Чаньань в начале IX века. Это были государственные чеки, на которые можно было обменять монеты и которые тоже по идее можно было вернуть и получить за них монеты. Эти «фэй цянь» — «летающие монеты» — печатались с медных досок — клише. Власти сразу увидели выгоду этих денег, особенно при погашении государственных долгов, выплате жалованья и т. п., и стали злоупотреблять ими. В XIII—XIV веках при монгольских правителях Китай был наводнен этими ассигнациями, они упали в цене, их отказывались брать, наступила инфляция и губительная дороговизна всех товаров. Серебро и золото должны были сдавать в казну, в обращение они не пускались. Металлические деньги исчезли, так как народ не хотел обменивать их на эти «чао» — так называли бумажные ассигнации. Кое-где в Средней Азии и Иране после монгольского завоевания тоже появились эти «чао» и тоже привели к кризису денежного обращения.

Идея бумажных денег или других немонетных знаков стоимости

возникала самостоятельно у многих правителей. Ведь от порчи монет до знака стоимости был лишь шаг. В Арабском халифате один эмир приказал «написать на черепке и на коже свое имя и отдать кое-кому в руки с тем, чтобы они покупали на то пищу и одежду, и не нашлось человека, который бы воспротивился тому...», записал восточный хронист X века.

Но все же бумажные деньги в средневековье не смогли стать основой денежного обращения.

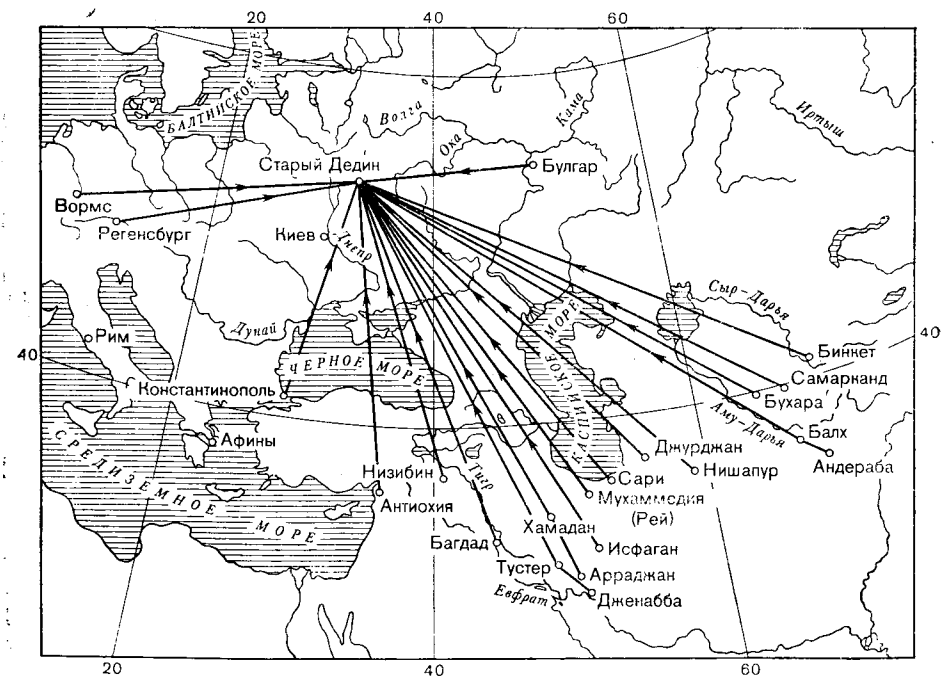
В Европе о бумажных деньгах впервые узнали в XIII веке от Марко Поло. Вернувшись в Венецию из своего великого путешествия на Восток, он рассказывал о том, что монгольский хан Хубилай выпускает бумажные деньги, на которые свободно обменивают золото. Марко не поверили или поверили так же мало, как рассказам об островах, заселенных песьеголовыми людьми.

Глава 4

НА РУСИ

АРАБСКИЕ МОНЕТЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Киевская Русь знала обращение монет. Это были арабские серебряные монеты — куфические дирхемы, о которых рассказано в предыдущей главе. В нашей земле когда-то были зарыты тысячи кладов этих монет. В 1785 году знаменитый путешественник по России Паллас сообщил о кладе куфических монет, найденном под Смоленском. Это было началом регистрации в России кладов арабских дирхемов. Х. М. Френ первый составил сводку таких находок. Он указал примерно 40 кладов. Выводы его сводились к следующему.



Карта монетных центров, представленных в монетном кладе X века, у д. Старый Дедин.
Киевская Русь знала обращение монет, но не своих, а чужих.

Арабские монеты, полагал Френ, поступали в Киевскую Русь главным образом благодаря торговле, которая шла через Каспийское море по Волге, через Волжскую Болгарию. Купцы доходили до Прибалтики и Скандинавии, завозили дирхем и туда. Этим Френ объяснял обилие кладов арабских монет в Прибалтийских странах. Часть куфических монет привезена была самими русами, которые время от времени совершали походы на Каспийское море. Монеты, чеканенные мусульманскими правителями в Испании и Африке, принесены были на Русь, вероятно, норманнами-викингами, возвращавшимися из своих дальних экспедиций, во время которых они грабили страны Средиземного моря.

В 1846 году ученик Френа П. С. Савельев выпустил книгу «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории». На титульном листе книги красовался саманидский дирхем — наиболее частая находка в кладах. На приложенной карте красные точки — места обнаружения кладов — покрывали почти все побережье Балтики (кроме Ботнического залива), территорию Киевской Руси и район слияния Волги и Камы — земли волжских болгар. Клады объявлялись памятником торговли Восточной Европы с арабским миром.

В 1910 году хранитель восточных монет Эрмитажа А. К. Марков издал новую сводку кладов куфических монет. К арабским монетам были добавлены и сасанидские, чеканенные в Иране до арабов. Из этой книги можно было узнать о кладах в одну, две, три тысячи монет и больше. Клад, найденный близ Великих Лук, даже после потери части монет весил более центнера. Под № 28 значился такой гигант, как Муромский клад 1868 года. Этот клад был в двух сосудах. В одном оказалось 11 077 целых монет, в другом — до 14 фунтов (больше пяти с половиной килограммов) обрезков. Из этого клада полторы тысячи дирхемов были отобраны для герцогского минцкабинета в г. Иене в Германии, для Эрмитажа, для Академии наук, для Русского археологического общества, для Владимирского публичного музея (все-таки клад нашли во Владимирской губернии), для Казанского университета, для какого-то симбирского коллекционера. Остальные пошли на переплавку. От клада осталась краткая опись: какими династиями и в каких городах были чеканены эти дирхемы.

Всего для России в книге А. К. Маркова было указано 329 случаев находок восточных монет VII—XI веков. Стоило собрать эти сведения вместе, и сразу же бросилось в глаза, как много утрачено ценнейших источников о прошлом. Так же, как обошлись с Муромским кладом, Императорская Археологическая комиссия поступала и с другими. А только сохранение и изучение кладов как целых комплексов монет могло приблизить к разрешению спора, который возник еще в XIX веке и не затих до сих пор. Вопрос был принципиально важный для истории Руси.

Он заключался в следующем: была ли Русь только передатчиком серебра между мусульманским Востоком и Скандинавско-Прибалтийским севером, и клады на ее территории случайно зарыты везшими серебро купцами, или же на Руси была своя торговля, свое денежное обращение, и памятниками этого обращения являются клады.

Шведский нумизмат Булен уже в наши дни разработал, казалось бы, стройную и красивую теорию. Он считал, что серебряные монеты

с Востока транзитом шли в Скандинавию и Прибалтику, не задерживаясь ни на Руси, ни в Волжской Болгарии. Он не видел разницы между кладами Балтийского района и кладами, зарытыми на территории Восточной Европы. Купцы везли серебро, и, когда на них нападали разбойники, или в минуту какой-либо другой опасности, они зарывали его. В Скандинавии же серебро скапливалось в больших количествах, и варяги-викинги на своих ладьях по рекам и морям везли его в Западную Европу, где оно попадало на монетные дворы и превращалось в западноевропейские серебряные монеты — денарии. Теория Булена была окрашена в романтические тона. Он назвал свою статью именами трех исторических фигур раннего средневековья, которые как бы символизировали мусульманский Восток, христианский Запад и языческую Русь: «Мухаммед, Карл Великий и Рюрик».

Булен, излагая свою теорию, ссылался на состав монет в кладах. Изучить состав клада — это значит распределить входящие в него монеты по времени и месту чеканки. Но именно этот состав при внимательном и детальном изучении опровергал выводы шведского ученого.

Только в XX веке нумизматика пришла к пониманию того, как важно изучить всю совокупность монет клада. Первым, кто взглянул на куфические клады как на закономерно образовавшиеся комплексы монет, а не как на случайные собрания, был Р. Р. Фасмер, к которому перешли обязанности А. К. Маркова по хранению огромной коллекции восточных монет в Эрмитаже. Фасмер собирал сведения о находках куфических монет, составлял сводки и публиковал их. Он определял монеты из кладов и печатал отдельные исследования, обращая внимание на редкие монеты, на дирхемы представителей мусульманских династий, от которых почти не осталось других свидетельств, кроме монет. Но не это было для него главным. Он хотел создать полную топографию находок куфических монет. В Эрмитаже есть огромный его архив, где хранятся в отдельных для каждого района папках материалы к этой топографии. Но успел Фасмер напечатать только маленькую статью-введение к своей работе. В ней он изложил выводы, к которым пришел за долгие годы поисков по всей стране кладов куфических монет.

Ученый утверждал, что все эти клады делятся на четыре группы. С конца VIII века и всю первую четверть IX века зарывались клады, в которых большую часть составляли монеты из Африки. В середине IX и до начала X века преобладают монеты, чеканенные Аббасидами в Азии — в Багдаде, Куфе, Басре и других главных городах Халифата. В кладах середины X века безраздельно господствуют монеты династии Саманидов, чеканенные в Самарканде, Шаше, Бухаре, т. е. среднеазиатского производства. И наконец, последний период, с 60-х годов X века и до 20-х годов XI века, в клады зарывают по-прежнему большей частью саманидские дирхемы, но со значительной примесью дирхемов эмиров Зиярядов и Бувейхидов, чеканенных в городах Ирана и Месопотамии.

Из беспорядочной массы монет клад становился источником, отражающим определенные закономерности. Открывалась возможность научно исследовать клад: как он накапливался, при каких обстоятель-

ствах был зарыт. Монеты группировали по десятилетиям их чеканки и подсчитывали, сколько таких монет зарыто в кладе. Если на одной оси графика отложить отрезки времени, а на другой — число монет в кладе, чеканенных именно в эти хронологические отрезки, то получится ломаная линия, характеризующая клад. Для какого-то десятилетия число монет оказывалось максимальным — в этом месте «характеристическая линия» клада имела пик. Встречались клады с двумя или тремя пиками на этой линии. У других кладов кривые оказывались с одним симметричным пиком, то с плавной, то с острой вершиной. Когда тот или иной состав кладов повторялся, «характеристические линии» оказывались сходными. В этих повторениях чувствовалась какая-то закономерность.

Дата зарытия клада определяется по году выпуска младшей монеты — той, которая чеканена позднее всех других. Изучая клады по их «характеристическим линиям», исследователи обратили внимание на то, что у некоторых кладов пики — наибольшие скопления монет — приходились на то же десятилетие, к которому принадлежала младшая монета, т. е. примерно на те же годы, когда был сокрыт клад. У других кладов пик на графике оказывался сдвинутым намного влево, т. е. основная масса монет оказывалась чеканенной на десятилетие раньше, чем младшая монета. Наконец, встречались и такие клады, у которых было много монет, далеко отстоящих от момента сокрытия клада.

Можно представить себе, что первые клады образовались из того потока серебряной монеты, который только что поступил с Востока и еще не успел как следует смешаться с массой монет, уже имевшихся на руках у населения Восточной Европы. Или сам купец зарыл клад, или кто-то приобрел эти монеты, спрятал их и по какой-то причине не вернулся за своим мешочком денег. Другие клады — это монеты из того же потока серебра с Востока, но смешанные с некоторым количеством старых дирхемов, оставшихся у населения Восточной Европы от предшествующих поступлений серебра. Наконец, третья разновидность кладов — это монеты, уже давно поступившие на Русь, ходившие здесь из рук в руки, участвовавшие в денежном обращении. По каким-то причинам нового серебра не поступило в достаточном количестве в те земли, где был зарыт клад, и были спрятаны монеты более раннего завоза.

Такой анализ кладов провел недавно А. В. Фомин. Он показал, что серебряные дирхемы задерживались на Руси, что они вливались в местное денежное обращение. Сама повторяемость состава кладов давала ответ на вопрос о собственном денежном обращении на Руси в те времена. Оно существовало и поглощало часть поступавших с Востока дирхемов. Если монеты в кладах дают повторяемые сочетания, значит клады образовались не случайно, значит они отражают массу обращающихся монет, т. е. денежное обращение, в котором они перемешивались, множество раз переходя из рук в руки. Клады — как бы снимки с денежного обращения. И чем быстрее была собрана зарываемая в клад сумма денег (идеальный случай, если она изъята единовременно), тем точнее этот клад отражает денежное обращение, тем более верным получается снимок. Если же клад накапливался в течение долгого времени, составлялся из разновременных «взносов»,

то, как при фотографировании движущегося объекта с большой выдержкой, снимок получится не резким, смазанным.

Расположим клады по дате выпуска младшей монеты. Оказывается, что клады с примерно одновременными младшими монетами образуют одну или несколько групп похожих друг на друга по своим «характеристическим линиям». Некоторые группы таких кладов содержат много старых монет, но это зависит не от длительности их накопления, а от того, как сформировалось денежное обращение в данном районе в определенный период. Не может же быть так, что в одни периоды и в одном месте все накапливали бы монеты длительное время, а в другое время и в другом месте все люди зарывали бы клады сразу, как только в их руках окажутся деньги. Сила, которая делала состав кладов сравнимым, сходным между собой, была нивелирующая сила денежного обращения.

Клады почти всегда попадаются случайно. Очень редко они обнаруживаются при археологических раскопках, и эти находки особенно интересны. В Новгороде был открыт клад в берестяном туеске, который был спрятан либо в избе в подпечном срубе, либо на чердаке. Младшая монета оказалась чеканенной в 971—972 годах. Эта находка была сделана в 27-м строительном ярусе, т. е. в культурном слое, отложившимся тогда, когда был построен двадцать седьмой (если считать сверху) настил мостовой на улице. Изучая годичные кольца на бревнах, ученые точно установили, что мостовая двадцать седьмого яруса была построена в 972 году, а следующая — в 989 году. Вскоре при тех же раскопках был найден второй клад. Он оказался в том же ярусе. Дата его младшей монеты была 974—975 годы.

Всякая теория ищет подкрепления фактами. И два новгородских клада с младшими монетами 972—975 годов оказались в слое, который «зажат» между двумя мостовыми, построенными первая в 972, вторая — в 989 году. Это подтвердило вывод о том, что младшая монета должна примерно соответствовать моменту зарытия клада.

Состав монет в кладах говорит о наличии денежного обращения на Руси в IX—XI веках. Но вместе с тем и о слабом развитии этого обращения, о недостаточной «перемешанности» монет в нем. Поток серебра был неравномерным, он шел импульсами, волнами из разных стран Халифата. Иногда привозили большие массы монет, и они, не расходясь по рынкам, сразу зарывались в сокровища, образуя совершенно особую группу кладов. В какие-то земли Древней Руси поступали массы восточной монеты непрерывно в течение длительного времени, а в другие — со значительными перерывами. То наводнение куфическими дирхемами, то серебряный голод — так получалась пестрота в составе кладов, но мы все же видим, как в ней прокладывает себе путь общая закономерность.

Кроме средств обращения монеты играли в Древней Руси и другую роль — сокровищ. В раннефеодальном обществе торговля, тем более внутренняя, не могла быть развита в такой степени, чтобы денежное обращение поглотило все эти миллионы дирхемов, доставляемые с Востока. Князья и дружинники, купцы и духовенство стремились к обладанию сокровищами и хранили их в земле. В них была сила и мощь, которая дополняла силу оружия. Деньги несли свою особую

службу сеньору, удовлетворяя его страсть к власти, господству, помогая ему чувствовать себя уверенно, обеспечивая его средствами быть щедрым с верной дружиной, быть гостеприимным, устраивать пиры и охоты. Аристократия искала серебро для престижности, для великолепия — символа власти, но власти не денежной, не экономической, а непосредственной власти прямого подчинения. Серебро шло на бесчисленные украшения и утварь, которыми увешивали себя и обставляли свой быт князья и их дружинники.

Изредка находят на территории Древней Руси серебряные вещи IX—XI веков, но их мало. А монетного серебра много. Очевидно, дело в том, что серебряные вещи всегда были на виду, и если их зарывали, то в минуту опасности, а монеты всегда хранили в земле, и часто этот «банкир» не возвращал деньги, когда владелец уезжал, умирал или просто не находил старое место, где он когда-то зарыл монеты. Там, где к серебряным сосудам с Востока было особое отношение, где они были объектами поклонения или приношениями божеству, они сохранились до наших дней в изобилии — у северных прикамских народностей (так называемое «Закамское серебро»). А на Руси большая часть древних серебряных предметов, а также много монет были переплавлены в слитки, в украшения, в новые кубки и блюда. Когда столетия спустя татары вынуждали Русь платить дань серебром, то в этом «выходе» была значительная доля того куфического серебра, которое поступило на Русь в IX—XI веках. В те века были сделаны такие запасы серебра, что долго еще Русь жила ими, черпая из своих хранилищ и в час нужды, и в час достатка.

Прячут клады в минуту опасности, зарывают их и потому, что просто нужно хранить деньги, потом достают их из земли, как из естественного и наиболее удобного хранилища, а иногда и не достают... Но были клады, которые зарывались в ритуальных целях. Богатство понадобится на том свете. Герой исландских саг Скаллагрим запрятал сундук с серебром в болоте, т. е. попросту утопил его — спрятал свой клад навечно. Сделал он это перед смертью. Исландский скальд Эгилл два сундука с серебром отвез с двумя рабами в лес и зарыл, а чтобы клад был надежно спрятан, убил рабов. Он сделал это тоже перед смертью. Как клали на погребальный костер рабыню, коня, вещи, так зарывали в землю монетный клад — не в могилу, а в землю, так как он должен был остаться в магическом посмертном обладании не только владельца, но и всего его рода. Иногда монеты клали в могилу. Казалось бы, такие сокровища должны были накапливаться всю жизнь и быть ярко выраженными кладами длительного накопления. Но таких кладов нет или они редки и по своему составу неопознаваемы. В другие времена клады долгого накопления бывали. А в эту раннюю эпоху истории Руси их почти нет. Быть знатным князем, держать дружину — это значило быть щедрым, гостеприимным. Поражать всех роскошью и пышностью пиров, дворца, одежды — это был почти общественный долг князя. Скопидомство не было социальной добродетелью верхов, наоборот, расточительность была их непременной обязанностью перед обществом. Если надо было зарыть перед смертью клад, то серебряные монеты добывались за один или два приема — полюдье, большая торговая операция, грабительский поход...

Итак, клады купцов, клады князей, клады просто богатых людей, клады людей среднего достатка, зарытые в землю, как спрятанные в сейф. Владельцы монет оставили на некоторых из них свои следы — процарапанные зачем-то рисунки: ладья, знамя, оружие, иногда скандинавские ритуальные ножи — «скрамасаксы» или молоточки бога Тора, иногда древнерусские княжеские знаки — трезубцы и двузубцы. Клады монет, клады монет и вещей — все это яркое историческое явление, характерное для раннего средневековья, поражавшее не раз историков, археологов и нумизматов.

В 921 году из Багдада выехало посольство в Волжскую Болгарию. Секретарь посольства Ибн-Фадлан, ставший потом знаменитым благодаря своим запискам об этом путешествии, рассказывал, что он видел святилище, к которому подходят купцы-русы и, принося дары длинному врытому в землю бревну с человеческой личиной, взывают к небесным силам, молят богов: «О мой господь; я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то и соболей столько-то и столько-то... и я пришел к тебе с тем даром, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем».

Бесчисленные караваны везли мешки с серебряными монетами на север, их перекладывали на ладьи и снова везли по морям и рекам, перетаскивали волоками, грузили на телеги и арбы или в переметные сумки лошадей, покупали на них товары. Другие купцы дальше везли эти монеты через степи и леса к далеким северным морям, так не похожим на теплые воды, знакомые арабам. Значительная часть монет на этом пути пускалась в оборот, на них торговали, и они попадали в места, далекие от торговых путей. Их снова скапливали и снова перевозили на новые места. И на всех этих этапах часть монет попадала в землю.

В обмен на серебро шли продукты северного ремесла и промыслов. Восточные авторы говорят о пушнине, воске, меде, коже, рыбном клее, которые везли на Восток.

Но неужели так много нужно было там этих продуктов, чтобы для этого работали день и ночь огромные монетные дворы и серебряные рудники, работали так интенсивно, что в XI веке оказались почти полностью истощенными? Видимо, был другой товар, о котором восточные писатели говорят как-то приглушенно. Это был живой товар — рабы.

Киевская Русь была раннефеодальным государством. Главное направление его общественного развития заключалось в постепенном закабалении общинников и превращении их в зависимое крестьянство. Но было много челяди — рабов. И поскольку рабский труд не был основным в этом государстве, их охотно продавали. Рабы поступали из числа военнопленных. Это были те же славяне, захваченные князьями и их дружинниками при подчинении и усмирении вятичей, древлян, радимичей... Это были также люди, попавшие в долговое рабство. Князья с дружиной и прислугой медленно объезжали подвластные земли, «кормились» там за счет общинников и собирали дань продуктами,

медом, пушниной. Не последнее место среди этих сборов занимали рабы. И, вернувшись из полюдья, грузили все это на ладьи и отвозили на продажу в места крупных международных торжищ. Славянских рабов можно было встретить и в Византии, и на рынках Халифата, от Андалузии до Багдада и Средней Азии. Вместе с тюрками славянские невольники были главной массой рабов в мусульманских странах. «Сакалиба», арабское наименование славян, стало означать и рабов.

В Палермо два городских квартала и даже мечеть в X веке назывались славянскими, а в том же веке какой-то беглый славянский раб по имени Сареб во главе нескольких кораблей, на которых матросы были тоже славянами, пиратствовал у берегов Африки. В Венеции перед дворцом Дожей есть набережная Скьявони, от арабского «сакалиба». Это «невольничья набережная» — здесь торговали рабами и грузили ими суда.

Зачем русским купцам и князьям нужно было так много серебряных монет? Нужды рынка и торговли удовлетворялись бы значительно меньшим количеством денег. Зачем в Халифате нужно было так много рабов?

В ту эпоху на севере мы застаем неразвитое общество раннего средневековья с его тягой к сокровищам. На юге — тоже неразвитый феодализм, но по-другому, в нем значительную роль играет рабский труд. Когда-то ислам вел завоевательные войны и в Халифат стекались тысячи пленников, их превращали в рабов. Когда же внешние границы стабилизировались, этот военный источник невольников иссяк. Тогда-то расцветает торговля с северными странами, с Восточной Европой, и главным образом с Русью. Вместо военнопленных теперь поступали тюркские и славянские рабы. Платить за них надо было серебром.

Но почему не везли на север серебро в слитках или изделиях, а непременно нужна была чеканенная монета? Здесь, вероятно, дело было в том, что государство тоже хотело получить выгоду от этой караванной торговли с севером. Оно не желало упускать источник дохода и передавать его всецело в руки купеческих товариществ. И в руках государства было мощное средство извлечения такого дохода — монополия на чеканку монет, право монетной регалии. Государство бросало в торговлю массы серебра из своих запасов и из государственных серебряных рудников, пропустив их через монетный двор. А раз серебро покрыто монетным штемпелем, оно шло с некоторой наценкой, по более высокому курсу, чем просто металл на рынках.

Серебряная монета в Халифате в это столетие почти не задерживалась. Нумизматику Халифата, его серебряный чекан лучше всего изучать не в богатейших музеях Каира или Багдада, а в Ленинграде, Москве, Стокгольме, Упсале, где хранятся монеты из кладов куфических монет, завезенных на Север.

Когда разразился «серебряный кризис» и в странах мусульманского Востока исчезла серебряная монета, когда не стало больше дирхемов, чтобы везти их на Русь, тогда кончился и приток больших масс рабов из Восточной Европы. Уже в конце X века в Средней Азии чувствуется дефицит на невольничий труд. Запрещают вывоз рабов,

резко растут цены на них. А в XI веке наступает кризис общественной системы и бурное развитие собственно феодальных общественных форм, хотя пережитки рабовладения в мусульманском мире не исчезли.

ЗАПАДНЫЕ МОНЕТЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

С 60—70-х годов X века начинается массовое проникновение западноевропейской серебряной монеты в Восточную Европу, прежде всего в земли Северо-Западной Руси, Прибалтики и в соседние территории. Встречаются клады, в которых куфические дирхемы смешаны с западноевропейскими денариями. Позже стали зарывать клады только из денариев.

И среди кладов западноевропейских монет на Руси были свои гиганты: около деревни Вихмясь у Старой Ладоги найден в старом гнилом пне клад, в котором было 13 тысяч монет и серебряный слиток. Это сокровище было спрятано, очевидно, в дупле большого многовекового дуба.

Но все же поток западноевропейского серебра был более скудным, чем восточного, и, дойдя до земель Восточной Европы, он разлился на значительно меньшей территории. К середине XII века он почти совсем иссяк.

Какие же монеты, из каких стран шли в земли Прибалтики и Северо-Западной Руси? Было немного монет далекой Англии, последних англосаксских королей, некоторые из которых были датскими правителями. Есть монеты первых нормандских королей, завоевавших Англию и правивших ею после битвы при Гастингсе в 1066 году. Многие английские монеты в качестве дани выплачивались Дании и уже оттуда вместе с датскими монетами вывозились в Восточную Европу. Датские монеты чеканились от имени тех же королей, но есть на них и некоторые другие имена: много монет короля Магнуса Доброго, жившего в молодости на Руси, Свена Эстридсена, чья племянница была женой Владимира Мономаха. Вот монеты шведского короля Олафа Шетконунга, чья дочь вышла замуж за Ярослава Мудрого. Вот монеты норвежского короля Гаральда III, который женился на дочери Ярослава Мудрого.

Все эти короли, родственными и политическими узами тесно связанные с Русью, были первыми среди предводителей викингов. Они играли в жизни всей Европы IX—XI веков важную роль. Норманны-викинги основали колонии во многих прибрежных частях материка: они доходили до Константинополя, где составили мощные дружины на императорской службе, основали в Сицилии собственное королевство. Яркие и бурные сами по себе события, связанные с походами викингов, были еще больше расцвечены романтическими красками в европейской, главным образом скандинавской, историографии. Возникли теории, согласно которым не только некоторые государства, такие, как Русь, своим образованием обязаны норманнам, но и вся экономическая жизнь Европы, вся ее торговля, циркуляция товаров и серебра

зависели от купцов-викингов. IX—X века даже называли иногда «эпохой викингов». В каждом кладе западноевропейских, а иногда и куфических монет видели имущество воинов-купцов из Скандинавии, зарытое во время путешествий, полных опасностей, приключений и стычек, которые предпринимали эти белокурые герои со своей преданной, вооруженной до зубов, необузданной и жадной дружиной.

Норманская теория в отношении европейских кладов монет XI века не замечала (так же, как и теория о транзитном характере торговли на Руси, о провозе через ее земли куфического серебра) или не хотела замечать различий в составе кладов из разных территорий и закономерного характера этих различий.

Важным промежуточным пунктом на путях движения серебра — и восточного и западноевропейского — был остров Готланд. Более 350 кладов и отдельных находок куфических, свыше 100 кладов западноевропейских монет и множество вещевых кладов найдено там. До сих пор неясно, почему так много кладов зарыто на этом маленьком клочке суши, брошенном среди сумрачных вод Балтики. Современный шведский археолог и нумизмат М. Стенбергер выпустил двухтомное исследование о кладах этого «острова сокровищ». Вот классический пример норманской теории: Киевская Русь — это плод деятельности варягов; легенда о призвании варягов славянами, уставшими от собственных беспорядков, — неоспоримый факт. Само имя «Русь» тоже варяжское. А клады — это имущества купцов и предводителей варягов. Клады Прибалтики, Руси, острова Готланда и Скандинавии примерно одинаковы по своему составу — таков вывод автора. Но он сделан наспех, без подробного рассмотрения состава кладов, может быть, специально без него.

А если бы Стенбергер подсчитал долю тех или иных монет в кладах на Руси, в Прибалтике, Северной Германии, Польше, то он увидел четкую картину, которая противоречит его выводам о характере торговли, занесшей западноевропейские монеты в Древнюю Русь.

Действительно, в кладах денариев XI века, найденных на Готланде, в Швеции, Норвегии и Дании, монеты, чеканенные в Англии, составляют около трети. А в кладах Древней Руси и земель между Лабой и Одрой (Эльбой и Одером), в Поморье их только 2—6%. Германских монет в кладах Швеции содержится 60%, Дании — менее 30, Норвегии — около 30, зато в кладах Польши, Поморья, территории между Лабой и Одрой, на Руси их 88—95%. На Готланде монет из Германии тоже много. Налицо существенные различия в составе кладов в Скандинавии, с одной стороны, и на Руси, в Южной Прибалтике — там, где жили западные славяне, — с другой.

Очевидно, кроме пути через Скандинавию и Готланд, по которому шли западноевропейские монеты на Русь, были и другие пути: из Германии — на побережье Южной Балтики и также через Готланд на Русь. И этот путь из Германии нес намного больше серебряной монеты, чем из Скандинавии. Если и остается место викингам в этой торговле серебром в XI веке, то совсем незначительное, далекое от романтически-националистических представлений.

Итак, не монеты скандинавских королей, а денарии баварских, фризских, саксонских городов, составляющие больше 90% западноев-

ропейских монет, завезенных на Русь. Особенно много монет чеканено во фризских городах. Иногда они составляют почти весь клад, при этом нередко он оказывался компактной массой монет одного или нескольких центров. В изобилии встречаются денарии епископов и герцогов Трира, Утрехта, Гронингена, Кельна, Магдебурга, Майнца, Вермса, Регенсбурга, других германских городов. Вот монеты Оттона I, разгромившего венгров, ходившего походами на западных славян, провозгласившего себя королем Лангобардии, взявшего Рим и восстановившего, как ему казалось, империю Карла Великого, которая стала называться теперь «Священной Римской империей германской нации». Вот денарии Конрада II и Генриха III — могущественных императоров, которые, опираясь на города, вели борьбу с феодальной усобицей. Вот загадочные монеты с именами Оттона и Адельгейды. До сих пор неясно, кто они. Одни утверждают, что это тот же Оттон I, а Адельгейда — его жена и что чеканились эти денарии после 952 года, когда Адельгейда торжественно въехала в недавно отстроенный город Магдебург (вспомним юбилейный талер Магдебурга XVII века с изображением Оттона I). Другие считают, что это внук Оттона I Оттон III и его бабка и опекунша та же самая Адельгейда, а монеты чеканились в 991—995 годах (химический анализ их как будто бы подтвердил последнюю догадку, так как показал, что серебро этих денариев происходит из рудников Рамельсберга, которые начали работать только после 968 года).

Германские денарии вовлекаются в X—XI веках в торговлю с западнославянскими племенами и тысячами уходят на берега Балтики, на остров Готланд, но они почти не проникают в расположенные по соседству Францию и Италию. Здесь действуют какие-то экономические и исторические факторы, неясные нам сейчас. На Руси из-за сокращения, а потом из-за полного прекращения поступлений с Востока дирхемов чувствуется монетный голод. На место дирхема приходит серебро из Германии и Южной Балтики. Почему только Северо-Западная Русь впитывает эти первые поступления монет с Запада? А район Киева, земли северян и вятичей в Волго-Окском междуречье почти лишены находок западноевропейского серебра, хотя торговые пути из германских городов, например из Регенсбурга через Прагу на Киев, действовали и в это время. Киевщина почему-то оказалась в стороне от основного потока денариев. Но ясно одно, что не варяжские полуторговцы-полуграбители, а «гости» из прибалтийских портовых городов в западнославянских землях были главными партнерами русских купцов из Новгорода, Пскова.

Так же, как при изучении кладов куфических монет, при исследовании кладов западноевропейских денариев встает вопрос: были ли они только имуществом купцов, или же монеты рассредоточивались по селам и городам, вливаясь в денежное обращение? Решение следует искать также в составе кладов, отражающих какие-то закономерности, которые могут быть только закономерностями денежного обращения.

Большую помощь может оказать картографирование находок монет. Нанеся на карту находки денариев, мы увидим, что они повторяют большие скопления археологических памятников — городищ, селищ,

могильников, отдельных курганов, т. е. мест, где люди в те века жили наиболее плотно. И мало кладов на больших торговых реках, где, казалось бы, торговцы должны были их зарывать особенно часто. Нет кладов на Неве. На Волхове находки сосредоточиваются либо у Старой Ладоги, либо у Новгорода, а на всем остальном протяжении этого важного отрезка пути «из варяг в греки» находок нет совсем. (Выводы, изложенные в этой главе, получены нумизматом В. М. Потиным).

ДРЕВНЕРУССКАЯ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВАЯ СИСТЕМА

Давно замечено, что в кладах IX—XI веков много обрезков и обломков монет, иногда совсем маленьких. Есть клады, которые почти целиком состоят из обрезков. Иногда на такие кусочки монет попадет обрывок легенды, в котором читается имя правителя или дата чеканки. Тогда можно определить этот обрезок. Бóльшая же их часть подобных сведений не содержит, однако и их можно определить, хотя это очень трудно. В больших коллекциях монет, таких, как в Эрмитаже или Историческом музее в Москве, подобраны почти все разновидности восточных монет, встречающихся в Восточной Европе. Просмотрите их все, сличая с обломком дирхема, который у вас в руках, и если найдете такую монету, участок которой полностью совпадет с этим обломком, то вы определите его. А ведь клад содержит сотни и тысячи обрезков! Поэтому эта часть клада обычно остается неизученной и описанной только приблизительно.

Когда монеты имеют определенный вес, тогда, принимая какое-то количество денег и сосчитав их, продавец точно знает, сколько серебра он получает. Весы нужны ему только для проверки. Но когда на рынке ходят монеты, разные по весу, тогда весы становятся необходимы продавцу каждую минуту. Он принимает деньги по весу. Тут-то и появляются обрезки. Ими дополняют какую-то сумму монет до требуемого веса.

Резались монеты и на Востоке, часть серебра поступала на Русь уже в виде обрезков. Но в основном монеты резали на Руси. В кладах иногда находят спутника монетных обрезков — монетные весы и разновески.

Обращение арабской серебряной монеты на Руси осуществлялось и поштучно, и по весу. Разные виды арабских монет имели свой собственный, обычно довольно строгий нормативный вес. Но на Руси были свои денежно-весовые единицы. Когда дирхемы по весу совпадали с нормативным весом арабских монет, тогда прием монет осуществлялся поштучно, конечно, с контрольным взвешиванием. И в кладах тогда мы находим по преимуществу целые монеты. Но новая волна серебра с Востока могла принести дирхемы с другой весовой нормой. В такие периоды серебряные монеты принимали по весу и часто резали их на половинки, четвертушки, осьмушки и т. п. В землю зарывались клады с огромным количеством обломков и обрезков монет.

Давно стояла перед нумизматической наукой задача определить денежно-весовой счет и весовые нормы в Древней Руси. Решить ее можно было, только идя по двум путям: первый — изучая письменные источники, в которых говорится о различных денежных единицах и их соотношении, и второй — исследуя клады монет и сами монеты. В точке пересечения этих двух путей лежало решение загадки древнерусской денежно-весовой системы.

Обломок куфической монеты (увеличено). Обрезками дополняли какую-то сумму денег до определенного веса.

В «Русской Правде» — древнейшем своде русских законов — почти за все нарушения и преступления указан определенный денежный штраф. За кражу коня полагались 2 гривны, за кобылу — 60 резан, за вола — гривну, за корову — 40 резан, за третьяка (трехлетнего бычка) — 15 кун, за «лоньщину» (животное прошлогоднего приплода) — половину гривны, за теленка — 5 резан, за яра или за барана — ногату и так далее. Что такое ногата, гривна, куна, резана?

Конь дороже барана, а кобыла дороже коровы. В приведенной статье «Русской Правды» цены на скот расположены в порядке от более дорогого вида к более дешевому. Следовательно, 2 гривны больше 60 резан, 60 резан больше гривны, гривна больше 40 резан и больше 15 кун, 15 кун больше половины гривны, половина гривны больше 5 резан, резана больше ногаты.

Трудно предположить, что гривна равнялась бы 27 ногатам или 17 кунам. Скорее всего, она содержала круглое число кун или ногат.

Так как гривна меньше 60 и больше 40 резан, то логичнее всего предположить, что гривна равнялась 50 резанам. Мы получаем первое четкое соотношение в этой путанице денежных названий: 1 гривна равна 50 резанам.

Одна гривна больше 15 кун, но меньше 30 кун. Значит, гривна равна 20 или 25 кунам. Сравнивая с другими указаниями на цены в Древней Руси, удалось установить, что гривна равна 25 кунам.

Одна ногата меньше 5 резан. А так как резана — это 1/50 гривны, то значит 1 ногата меньше 1/10 гривны, или 1 гривна больше 10 ногат. Из других сопоставлений удалось получить, что гривна равнялась 20 ногатам.

Окончательно древнерусский денежный счет получается таким: 1 гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам. Этот результат был получен еще в прошлом столетии. Но вопрос заключается не только в том, чтобы выяснить денежный счет, его систему, но и в том, чтобы реконструировать денежно-весовую систему, узнать, сколько весили эти единицы, сколько серебра приходилось на гривну и ее доли.

Но были ли куна и ногата монетами, металлическими деньгами? Может быть, куна — это шкура куницы, а ногата — нога, лапка какого-либо пушного зверя? Известны ведь были еще векши-веверицы,

а это, вероятно, беличьи шкурки. В некоторых славянских языках куна означает куницу. Но все же более правдоподобной казалась гипотеза о том, что куна, ногата и резана — это монеты. Ногата, может, это от знакомого уже нам арабского слова «накад», в значении «отбирать хорошие монеты», а резана — от русского «резать», т. е. разрезать монеты? А если это монеты, то какие? Ответ мог быть только один — арабские дирхемы, тысячами обращавшиеся в то время на Руси.

Спор о древнерусской куне, ногате и резане в русской науке стал принципиальным. В нем столкнулись сторонники восточного и западного происхождения древнерусской денежно-весовой системы. Последние исходили из теории норманизма, которая достижения древнерусской государственности объясняла деятельностью на Руси варягов.

Чтобы восстановить древнерусскую денежно-весовую систему, нужно было прежде всего выяснить вес древнейшей гривны. Самые ранние упоминания о ней содержатся в договорах русских с греками X века. В них указано, что 12 гривен были равны 5 литрам. Византийская литра хорошо известна. Она равнялась 327,456 г. Тогда получается, что гривна весила 136,44 г, куна — 5,45, ногата — 6,82, резана — 2,48 г.

Но такие монеты на территории Древней Руси неизвестны. Значит, в расчете есть какая-то ошибка. И действительно, оказалось, что кроме византийской литры в 327,456 г была известна другая, более привычная для Древней Руси, равная половине этой тяжелой византийской литры, т. е. 163,728 г. Тогда получаем, что гривна весила 68,22 г, куна — 2,73, ногата — 3,41, резана — 1,36 г. Чтобы проверить эти теоретические выкладки, нужно браться за весы. И вот после тысяч взвешиваний оказалось, что одни монеты, которые обращались на территории Древней Руси в IX и X веках, по своим весам концентрируются вокруг веса 2,7—2,8, другие — около 3,4—3,5 г.

Нетрудно в первой группе монет увидеть куны, теоретический вес которых равен 2,73 г, а во второй группе монет — ногаты, теоретический вес которых был 3,41 г. Эти результаты по реконструкции древнерусских денежно-весовых единиц были получены В. Л. Яниным.

Основной метод исследования — сопоставление теоретически полученных соотношений денежно-весовых единиц с реальным весом самих монет. И этим способом удалось реконструировать и более поздние системы на Руси. Оказалось, что их уже в конце X—XI веке было две — северная и южная. При образовании северной системы большую роль сыграли западные монеты, обращавшиеся здесь в изобилии.

Для этой древней истории денежного дела, когда почти нет подробных письменных документов, только нумизматика может выяснить, когда и как развивались монетное обращение и торговля. И это нумизматическое исследование освещает существенные стороны древнерусской истории. Мы убеждаемся в том, о чем говорят сами монеты: если на Руси выработалась такая сложная денежно-весовая система, то это значит, что там с IX века существовало денежное обращение. Восточные монеты шли через Русь в Прибалтику, Скандинавию, Польшу. Но Русь была не только промежуточным районом торговли Азии с Европой. Главная масса восточных монет оседала на территории Древней Руси, поглощалась ее собственным денежным обращением.

Более того, выясняется, что денежно-весовая система Древней Руси — явление самостоятельное и не заимствовано ни с Востока, ни с Запада. Хотя оно включало весовые единицы других систем и учитывало весовые стандарты привозимых денег, сама эта система и счет на ногаты, куны, резаны и другие единицы были собственными, древнерусскими.

Так же, как государство Карла Великого, Киевская Русь распалась на несколько княжеств. Децентрализация и феодальная раздробленность были неизбежны при феодальном общественном устройстве. Местные экономические связи оказывались более существенными, чем торговые связи общегосударственного масштаба. Расчленение прежде единой древнерусской денежно-весовой системы на две локальных — северную и южную — явление, весьма характерное для распадающейся «империи Рюриковичей».

СВОИ ДРЕВНЕЙШИЕ МОНЕТЫ

Итак, торговля в Древней Руси питалась чужеземной монетой, сначала восточной, потом западноевропейской. И тех и других было очень много. Среди этого океана дирхемов и денариев встречаются, как величайшая редкость, монеты самих князей Рюриковичей, свои русские монеты. Первая такая монета была найдена в 1792 году среди привесок к иконе в одной из киевских церквей. Еще одна — золотая, князя Владимира, хранилась у казака, которому ее подарила, прощаясь и благословляя, мать. Ее купили и вскоре потеряли.

Но вот стали попадаться в кладах новые серебряные и золотые монеты русских князей. Они были несколько аляповаты и казались какими-то грубыми подражаниями византийским. В XIX веке эти монеты вызывают уже серьезный интерес и споры: одни объявляли их сербскими, другие — болгарскими и т. п. В 1852 году на Украине у Нежина нашли клад, в котором было примерно 200 таких монет. После этой находки русское их происхождение стало общепризнанным фактом.

Драгоценных памятников первого, собственно русского денежного чекана мало — ученые знают всего 11 золотых и примерно 330 серебряных монет. По сравнению с арабскими дирхемами и западноевропейскими денариями это такое незначительное количество, что говорить о какой-либо их существенной роли в денежном обращении не приходится. Выпуск их — политическая акция, провозглашение русского суверенитета. На этих монетах есть все, чего следовало бы ждать от правителя государства, вступившего на путь самостоятельного развития, — портрет князя с крестом в руке, его родовой знак, легенда с его именем и верховный покровитель — Христос-Вседержитель. Имена — Владимир, Святополк и Ярослав. Их мы хорошо знаем по летописям: Владимир Святославич, введший христианство, Ярослав Мудрый, Святополк Окаянный — один из первых, кто поднял на Руси феодальную смуту. Торжественная надпись на монетах дополняет имена: «Владимир на столе (т. е. на престоле), а се его сребро». Или

короче: «Владимир, а се его сребро (или злато)», или просто: «Владимир на столе». Вот самые ранние серебряные и золотые монеты Владимира с «Вседержителем». Еще помнили киевляне, как бурно веселился в своем тереме князь-язычник и как потом, после его похода на Корсунь, сломали и кинули в реку деревянного Перуна, и как стояли они на берегу Днепра, кричали ему и ждали, где он выплывет; еще свежи были в памяти первые принудительные крещения, только что стали строить Десятинную церковь — первый большой собор в Киеве, а на монетах уже появился сам герой — с усами, в короне с какими-то подвесками на висках, в парадной одежде на византийский лад, с торжественной надписью вокруг и со знаком своей династии сбоку.

Изображение бога впоследствии исчезает. Нимб «надевают» на священную особу князя. Князя обычно изображают теперь «на столе» (троне). Место Христа занимает родовой знак. По поводу этих знаков было много споров — какой вариант трезубца или двузубца какому князю отнести. На монетах Ярослава написано «Ярославле сребро» и помещен покровитель князя Святой Георгий (Ярослав имел второе христианское имя Георгий). Монеты Ярослава относят к тому периоду, когда он сидел в Новгороде под властью своего отца Владимира. На его монетах нет упоминания, что он «на столе», т. е. занимает верховный пост, к тому же его изображают погрудно, а Владимира и Святополка — на троне.

Еще один князь сумел отчеканить немного монет со своим именем. Это был тмутараканский князь Олег, по-христиански называвшийся Михаилом. Его монеты, битые в 1070-х годах, находят на Тамани — там, где стоял на берегу далекого моря этот дальний таинственный русский город, отделенный от Руси чужими кочевыми степями. На этих монетах тоже святой покровитель — Михаил и надпись «Господи помоги Михаилу».

Русские златники и сребреники таят много загадок, хотя ими занималось несколько поколений нумизматов. Есть на них ясно читаемые имена, например «Петрос» и «Петор». Это христианское имя Святополка. Но иногда надписи на сребрениках бывают так искажены, что один ученый-нумизмат XIX века даже прочел одну такую легенду, искаженное «Ярославле сребро», как латинскую надпись. Были неудачные попытки открыть в легендах на этих монетах новый вид русской письменности, которая предшествовала кириллице и глаголице. До сих пор непонятно, почему в двух кладах — в Нежинском 1852 года и Киевском 1876 года — были только одни русские сребреники, совсем без примеси арабских монет, а в других кладах, зарытых в то же время, древнейшие русские монеты почти не встречаются, а если встречаются, то как малая примесь к западноевропейским денариям или восточным дирхемам. Может быть, в двух кладах специально подбирали только русские монеты — тогда что это за «коллекционер-патриот» жил на Руси в XI веке? Может быть, это монеты, еще не выпущенные в обращение из монетной мастерской? Так можно еще думать о Киевском кладе, состоявшем только из однотипных монет Владимира, но никак не о Нежинском кладе, где были монеты Владимира разных типов, а также Святополка. Замечено, что в таких «чистых» кладах сребреники

Древнейшие русские монеты.
Хотя и напоминают они византийские, но на них есть все, что следовало бы ждать от правителя самостоятельного государства.

большей частью низкопробные, а в кладах с дирхемами и динарами — высокопробные. Дело осложняется тем, что многие монеты Нежинского клада и все монеты Киевского разошлись по рукам, и до сих пор ведутся поиски этих экземпляров среди бывших частных коллекций.

Может быть, среди чужих монет с непонятными арабскими надписями или латинскими буквами изображения князя воспринимались как маленькие образки-иконки? В Могилевской области на берегу Днепра в XIX веке было раскопано древнерусское погребение, и на костяке найдено ожерелье из 4 сребреников Владимира и только одного восточного дирхема. Здесь кто-то специально подобрал сребреники для ожерелья: все-таки монеты с понятным изображением. То же — в курганах у села Митьковки в Брянской области, где в 1950 году было найдено 13 сребреников и 8 дирхемов.

Сами по себе монеты Владимира, Святополка и Ярослава мало говорят о своем времени, но все же, хотя глухо и малопонятно, кое-что говорят. Почти 900 лет, огромную толщу времени, должен пробить слабый голос этих свидетелей первых веков русской истории. Но не только время его заглушает. Многие древнерусские монеты, найденные еще сравнительно недавно, были снова утеряны, расхищены, попали к коллекционерам, оказались спутанными. Пинский клад 1804 года, в котором найдены драгоценнейшие для русской истории златники Владимира, был растащен, и только часть его сохранилась и была поднесена одним польским шляхтичем царю, а потом передана в Эрмитаж. Но и там она не сохранилась как единый комплекс, и можно только догадываться, что 6 златников, которые хранятся в Эрмитаже, именно из этого клада.

Романтические реликвии старины, современники первых русских князей, не оставляли равнодушными никого, и коллекционеры страстно стремились стать обладателями сребреников.

Один из сребреников поступил в Петербург к знаменитому археологу и нумизмату-востоковеду В. Г. Тизенгаузену. Его прислал коллекционер Е. Е. Люценко. Тизенгаузен ответил ему стихами:

Но в Питере совсем не то:
Нева хоть наша величава,
Как нимфа древних хороша;
Но не найти здесь «Ярослава»,
Ни новгородского гроша.
. . . . . .
От дружеских твоих щедрот
Принял я «Ярослава» ныне
И удивляюсь благостыне
Твоей, о русский патриот...

Но восхищаться-то «Владимирами» и «Ярославами» все восхищались — и в холодных кабинетах Петербурга, и в барских особняках Москвы. А лучше было бы научно регистрировать эти находки. Между прочим, В. Г. Тизенгаузен, когда писал: «но не найти здесь «Ярослава», жаловался напрасно. В 1895 году в Санкт-Петербургской губернии был все же найден «Ярослав» — монета с именем этого князя. Вспомним, что Ярослав чеканил свои монеты в Новгороде, совсем рядом с Невой, а некоторые его выпуски предназначались для варяжских наемников

и все ушли на Север. Сейчас к древнейшим русским монетам отношение в высшей степени бережное. Хотя очень редко, но все же иногда находят новые экземпляры. На Стугне в Приднепровье, там, где была крепость Владимира Святославича, в башне этой крепости при раскопках был найден сребреник Владимира. Находка подтвердила то, что эти монеты принадлежат именно Владимиру I, а не Владимиру Мономаху (правившему примерно на сто лет позднее), как думали некоторые ученые, и даже такой знаменитый и опытный нумизмат, как А. В. Орешников.

В 1877 году девятнадцатилетний И. И. Толстой, будущий крупный собиратель и исследователь русских и византийских монет, начал составлять сводку древнейших русских монет. В 1882 году он напечатал книгу, в которой дал их классификацию. И. И. Толстой сумел установить хронологию этих монет. Он убедительно приписал монеты Владимиру Ярославичу, Ярославу Мудрому и Святополку Окаянному. Сейчас, сто лет спустя, М. П. Сотниковой и И. Г. Спасским издан новый свод всех древнейших русских монет.

Конец X — начало XI века было временем, когда началась собственная чеканка денег во многих европейских государствах: в Дании — при короле Свене I Твескеге в 990-х годах, в Англии — при Этельреде II в те же годы, в Норвегии — во времена Олафа Трюгвесона, между 995 и 1000 годами, в Швеции — при Олафе Шётконунге между 994 и 1022 годами, в Польше — при Мешко в 980-х годах, в Венгрии — при Стефане I между 1000 и 1038 годами.

В ряде стран на это же время приходятся религиозные реформы — принятие христианства в Норвегии, Польше, Венгрии. Так же было и на Руси.

Между этими событиями прямой связи нет. Невозможно предположить, что религиозный порыв толкал короля или князя на немедленный выпуск своей монеты. Дело было в общем экономическом подъеме в эти годы, в росте городов, торговли и ремесел.

Но была и другая связь. Принятие христианства укрепляло государственную власть, ведь оно провозглашало, что «власть от бога». Монета для государства — это средство пропаганды, важный для его престижа атрибут, а кроме того, если она массовая, источник дохода.

Восточный сосед Руси — Волжская Болгария в этом отношении не составляла исключения. Монеты там появились раньше, чем на Руси, но были также малочисленны и незаметны среди тысяч куфических дирхемов. При болгарском правителе Алмуше в начале X века произошло принятие мусульманства. И вскоре начинается чеканка болгарских монет с именем Джаффара ибн Абдаллаха — мусульманское имя Алмуша. Монеты эти были подражаниями восточным дирхемам. Но имя болгарского царя стоит на них в том месте, где полагалось быть именам правящих эмиров.

БЕЗ МОНЕТ

В течение XII, XIII веков и почти до конца XIV века на Руси длился странный и до сих пор полностью не понятный ученым безмо-

нетный период. Парадоксальность его заключалась в том, что при развитии городов, ремесел, торговли количество денег в монетной форме не только не увеличивалось а, наоборот, резко и быстро сокращалось. В XII веке монеты с русских рынков исчезли совсем.

Многое в этом «темном периоде» истории русского денежного обращения загадочно. Нумизматика пока не в силах ответить исчерпывающе и ясно на вопросы, которые возникают сразу же, как только мы знакомимся, пусть даже поверхностно, с этим явлением.

Почему прекращается приток восточных монет?

Некоторые ученые объясняют это истощением серебряных рудников на мусульманском Востоке и прекращением там собственной чеканки дирхема в XI веке. Но в XIII—XIV веках серебряная чеканка возобновляется в Иране и в Средней Азии. Она не могла базироваться только на привозном серебре. Значит, рудники не были истощены полностью.

Почему в XI веке выпадают из денежного обращения обширные земли Киевщины и вообще почти всей Южной Руси? Сюда перестали поступать дирхемы, но по оживленным торговым путям из Центральной Европы могли бы приходить западноевропейские денарии, которых чеканилось много, но которые почему-то уходили только на Север, в прибалтийские славянские земли и Северо-Западную Русь.

Почему прекращается приток денариев в XII веке? Среди всех кладов германских монет XI века только небольшая часть (6%) зарыта в Германии, остальные найдены за ее пределами, главным образом на Руси. А в XII веке монеты перестали вывозить из тех стран, где они чеканились. Германские денарии идут в местное денежное обращение, накапливаются в местных кладах, служат своей торговле и рынкам. Что-то произошло в XII веке.

Хотя серебряная монета в Германии продолжала чеканиться, монетные дворы теперь стали собственностью мелких сеньоров. А те беззастенчиво извлекали доходы из своего права чеканить, из монетной регалии. Мы видели, как это делалось: добавляли к серебру лигатуры, уменьшали вес монеты, перечеканивали старые монеты на новые. Порча монет была и раньше, но в XII веке она перешла какую-то грань. Так же как низкопробные монеты Востока, такие денарии со значительным превышением номинальной стоимости над реальной стоимостью металла не могли уйти далеко за пределы того округа, где они чеканились. Но все же это не ответ на все загадки безмонетного периода.

Если можно как-то понять и объяснить, почему перестало поступать сначала восточное, а потом и западноевропейское серебро в виде монет, то совсем не ясно, почему сами русские князья перестали чеканить свою монету. Ведь серебро продолжало ввозиться с Запада на Русь в XII—XIII веках в виде слитков и изделий. Да и у самой Руси, хотя своих рудников не было, сохранялись старые запасы серебра — в слитках, в утвари и украшениях. А вот собственной чеканки, столь престижной и, казалось, необходимой для развивающегося ремесла и торговли, не было. Даже те попытки наладить ее, которые имели место при Владимире и Ярославе, были в XII—XIII веках оставлены и

забыты совершенно. Что же мешало русской монетной чеканке? Может быть, раздробленность, при которой не могли образоваться крупные запасы серебра, необходимые для монетного производства? Но и в Западной Европе монетное дело было крайне раздроблено и попало в руки самостоятельных или полусамостоятельных сеньоров — феодалов, графов и герцогов. Видимо, важную роль на Руси играло отсутствие традиций денежного дела. Слабые монетные эмиссии X—XI веков не смогли такую традицию создать. Но этим также невозможно объяснить такое важное, длительно и четко выраженное историческое явление, как безмонетный период.

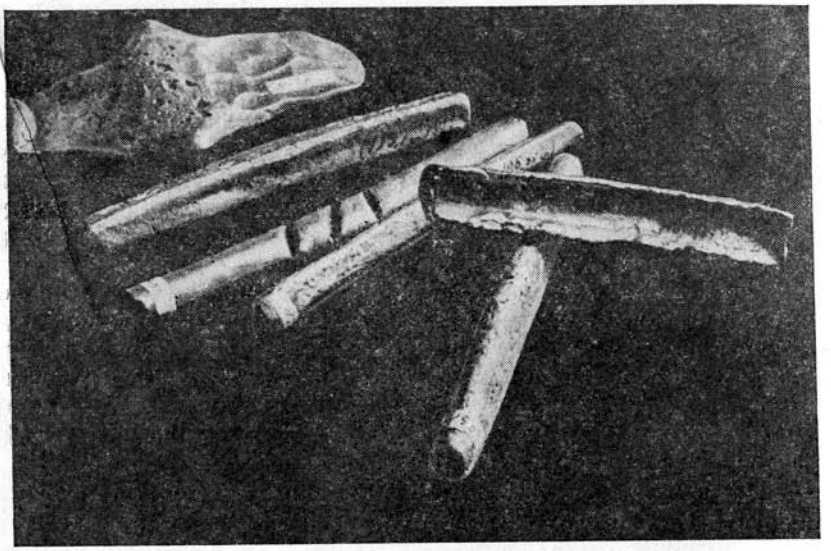
Быть может, дело здесь в том, что в IX—XI веках, когда поступала иностранная монета, на Руси привыкли относиться к ней прежде всего как к металлу. Монеты сбрасывали «национальный мундир» сразу, как попадали на рынки чужого государства. Серебро только одето было в форму монеты, снабжено восточными или латинскими надписями, символами мусульманства или христианства. Не было значительного превышения стоимости серебра в монете над стоимостью такого же количества серебра. А на Востоке и на Западе в XII—XIII веках монета постепенно приобретает существенный элемент принудительного курса, и это превышение становится все более ощутимым. На Руси отсутствовал стимул, толкающий власти к выпуску монеты, — эксплуатация монетной регалии, т. е. извлечение дохода за счет той наценки, которую давал серебряному кружку покрывающий его монетный штемпель. Рынок на Руси в эти века не мог принять такую монету.

Итак, монеты исчезли. Обращалось серебро просто как металл, т. е. в виде слитков. Это было характерно и для Европы, хотя там не прекращалась чеканка и обращение монет. Например, епископ швабский, отправляясь в Италию в 1203 году, берет в дорогу слитки серебра и обменивает их всюду на местную монету. В Германии и Скандинавии, на том же «острове сокровищ» Готланде, где так много в свое время ушло в землю монет Востока и Запада, с конца XI и до XIV века зарывают клады серебряных слитков в форме плоских лепешек.

Серебро везут на Русь теперь не в виде монет: высокопробных монет ни на Западе, ни на Востоке уже нет, а в слитках или изделиях. Но и эти слитки, а быть может, и какое-то количество монет и серебряных изделий — все это тут же попадало в горны ливцов и превращалось в слитки собственной русской формы и весовых стандартов.

Были так называемые киевские слитки в виде шестиугольных литых брусков около 160 г весом, в половину известной уже нам византийской большой литры. Их находят иногда сотнями в кладах из Южной Руси. В северных землях хождение имели палочковидные бруски весом около 196 г. Распространяются так называемые ладьевидные слитки. Есть слитки, получившие название черниговских, — по форме они похожи на киевские (только с расплюснутыми концами), а по весу близки северным. Есть палочковидные, особые по весу — литовские. На слитки шло и привозное серебро и серебро из запасов и хранилищ бояр и князей. В 1288 году волынский князь Владимир Василькович распорядился перелить в слитки серебряные сосуды из своей сокровищницы, чтобы иметь средство для торговли, но на чеканку серебря-

ной монеты он не решился. А предположим, он все-таки пошел бы на это. Его постигла бы неудача — монеты, выпущенные им, полностью растворились бы в пустом безмонетном пространстве русских рынков.



Древнерусские слитки.
В XII веке монеты исчезли. Обращалось серебро в виде слитков.

Он мог бы чеканить только для своей отчины низкопробные монеты с принудительным курсом, но на Руси к такой монете не привыкли и ее вряд ли приняли бы на рынке.

Слитки, ходившие на севере, лились в два приема. Было замечено, что многие из них, особенно ладьевидные, имеют продольный шов, а металл с двух сторон этого шва разный по пробе. Иногда эти слитки даже раскалываются по шву. Сначала в форму, открытую сверху, заливали металл одной пробы, затем, когда он застынет, доливали металл другой пробы, более высокой.

Со слитками связана история, произошедшая в Новгороде в 1447 году. На Руси тогда уже снова чеканились монеты. В этом году новгородцы стали «хулить» серебряные деньги, и администрация была вынуждена приступить к чеканке новых. Было замечено, что и слитки плохие, и это тоже вызвало возмущение. Тогда привлекли к ответу «ливца» и «весца», т. е. мастера, который отвешивал серебро и лил слитки, некоего Федора Жеребца. Вызвали его на вече, напоили и стали допытывать, «на кого он лил рубли плохие», т. е. в чью пользу он изготавливал слитки с плохим серебром. Федор Жеребец оговорил 18 человек. Тех, не долго думая, сбросили с моста в Волхов, а дома некоторых из них разорили. Когда Федор протрезвел, он спокойно и твердо сказал, что ни в чем не виновен и что так льют слитки на всей земле. Но это не помогло, его все же предали смерти, а в городе был

такой мятеж великий, что сам новгородский посадник разболелся и умер.

Маловероятно, что двойное литье было тайной фальсификацией слитка. Слишком это заметно. Федор Жеребец злоупотребил этим способом литья, добавив чересчур много низкопробного металла, и поплатился за это жизнью.

Через сто лет после разоблачения Федора Жеребца, при Иване Грозном, в Новгородской Софии был найден клад, представлявший казну, спрятанную в стене собора: великое сокровище древних слитков «в гривну, в полтину и в рубль». Их насыпали на возы и послали в Москву, где они попали в царскую казну и, наверно, пошли на монетный двор. Казна Святой Софии, спрятанная в стене и найденная в середине XVI века, состояла из трех типов слитков: гривны, рубля и полтины. Это были палочковидные длинные слитки около 200 г серебра — они обозначались старым словом «гривна» или «гривна серебра»; более короткие двойного литья — «рубли новгородские» и, наконец, рубленые пополам — «полтины».

Еще в XIII веке появляется рубль, основа будущего русского денежного счета. Это название обычно выводят от глагола «рубить», «разрубать», но как раз рубленые-то слитки назывались полтиной: еще одна загадка безмонетного периода.

Так обстояло дело с крупными средствами платежа — серебряными слитками. Но как обходились русские люди без монет, продавая и покупая на рынках недорогие предметы питания и утвари, как рассчитывались они при мелких повседневных платежах? Была меновая торговля. Продукты прямо обменивали друг на друга. Но этот архаический способ не мог быть единственным средством функционирования мелкого рыночного торга. На Руси в XII—XIV веках были какие-то заменители металлических денег. Может быть, ими были пряслица, изготовлявшиеся из розового шифера, добываемого на Волыни, и служившие для прядения. Такими заменителями монет могли быть бусы, раковины каури, которые во многих странах Азии и Африки играли роль денег.

Ходили в обращении и служили для счета какие-то «мордки» или «морд куней», «мордки куньи». Были еще векши (белки). Существуют веские основания полагать, что в обращении вместо монеты использовали шкурки пушных зверей. Такие «меховые деньги», имевшие свою систему номиналов, хорошо известны, например, у коми. А на Руси хождение шкурок в качестве денег зафиксировано, как будто, сообщениями письменных источников, миниатюрами и иконами. Например, летописец сообщает о начале чеканки в Новгороде своей монеты в 1410 году и замечает, что новгородцы стали торговать между собой на литовские и немецкие монеты, а «куны» (они же «мордки куньи») отложили. Что это такое — куны? Когда-то так называли арабские дирхемы, но их в эти годы давно уже не было. Западный путешественник де Лануа, побывавший в Новгороде в те же годы, записал, что торгуют на головки куниц и белок. Это, наверное, и есть «куны», причем не обязательно головки — вообще шкурки.

Имеется миниатюра, иллюстрирующая как раз эту запись лето-

писца. В центре изображена группа новгородцев — это бояре, посадские и тысяцкие. Они ведут переговоры с какими-то людьми, которые протягивают им круглые чеканенные монеты — «гроши» и «артуги». В глубине три фигуры — это официальные лица. Они принимают от граждан шкурки и платят за них новой монетой.

Вот другая миниатюра. Она относится к событиям 1422 года, когда, повествует летописец, псковичи начеканили новые собственные монеты, а «мордки» оставили. Наверху рисунка — вече на площади города, внизу — чеканка монет. Рядом с ковачем-чеканщиком стоит человек, который принимает готовые монеты и складывает их в ящик, а сзади — горожанин протягивает шкурку, такую же, как новгородская. Это в данном случае, судя по словам летописца, «мордка». За нее псковитянин рассчитывает получить чеканенные серебряные деньги. Тут же лежит целая стопка этих шкур с хвостиками.

Но все же нельзя окончательно утверждать, что «куны» и «мордки» были в то время именно «меховыми деньгами». Весьма авторитетными учеными высказаны соображения против этого. Спор идет уже более ста лет. Нет прямых доказательств, нет ясных и точных свидетельств современников. Кроме того, даже современникам не всегда можно верить. Ведь они могли сообщить о деньгах-мехах по слухам, могли принять какой-нибудь частный, действительно где-то когда-то имевший место случай, поразивший их, за всеобщее явление. Миниатюристы создавали свои иллюстрации к летописным рассказам о XV веке сто с лишним лет спустя, когда уже никаких «меховых денег» не было. Так же как мы, они строили догадки о том, что это за «мордки», и решив этот вопрос в пользу «меховой» теории, так и изобразили их в виде шкурок.

Кроме того, создана еще теория «кожаных денег». Она тоже имеет противников, и нет возможности ни опровергнуть, ни доказать ее полностью. По этой теории «кожаные деньги» якобы были кредитными деньгами, наподобие известных кожаных жеребьев с клеймами, которые кое-где ходили на Руси в начале царствования Петра I. В пользу существования этих денег есть одно очень важное, веское и подробное свидетельство андалузского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, побывавшего на Руси в XII веке. Он записал, что русские между собой производят расчеты на старые шкурки белок, на которых нет уже шерсти и которые ни на что не годятся. Такие шкурки могут служить деньгами, если у них сохраняется голова (вспомним «мердки», «мордки кун») и две лапки. Шкурки идут по 18 штук за дирхем, их собирают и связывают в пачку и опечатывают пломбами. На эти шкурки покупают самые разные вещи. Краюха хлеба стоит одну шкурку. На шкурки же покупают рабов и рабынь, серебро, золото. Абу Хамид замечает, что в другой стране на эти шкурки ничего нельзя купить. Значит, это условные деньги, род знаков стоимости, как бумажные деньги.

Когда-то Русь, как огромная губка, впитывала поступающую с Востока и Запада серебряную монету. В XIII—XIV веках после двухвекового безмонетного периода на рынках и в торговле сложилось такое положение, что Русь отвергает иноземную монету. Наоборот, налоговый пресс золотоордынских ханов выдавливает из этой «губки» серебро. В конце XIII—XIV веке все Поволжье, южнорусские степи,

Крым, Северный Кавказ были наводнены огромным количеством серебряной золотоордынской монеты. Но на Русь она почти не проникала. Только земли русских княжеств по Верхнему Дону и Северскому Донцу, рязанские земли да южные районы Нижегородского княжества знали обращение золотоордынского дирхема. В Западной Руси обращались пражские гроши, а центральные русские княжества — Московское, Тверское, большая часть Нижегородского, Новгородские и Псковские земли не знают до конца XIV века массового обращения монет ни своих, ни золотоордынских, ни западных.

РУСЬ ВОССТАНАВЛИВАЕТ МОНЕТНОЕ ДЕЛО

Первые русские монеты после длительного безмонетного периода стали чеканиться в 1380-х годах в Москве при великом князе Московском Дмитрии Ивановиче Донском и в Нижегородском княжестве при другом великом князе, Нижегородском — Дмитрии Константиновиче. Нужно представить себе драматическую ситуацию того времени, чтобы понять все значение собственной чеканки.

Только что отгремела Куликовская битва, и Мамай, как раненый зверь, ушел в степь со своей ордой, с телегами, груженными скарбом, женами, детьми, слугами и остатками войска. То, что так долго ждали русские люди, свершилось.

Но на место Мамая пришел новый и более опасный враг — хан Токтамыш. Он захватил власть во всей Орде, привел с собой новые силы, новых царевичей и найонов и сумел объединить распадающееся татарское государство. В 1382 году он осадил и взял Москву и вернул к покорности Дмитрия.

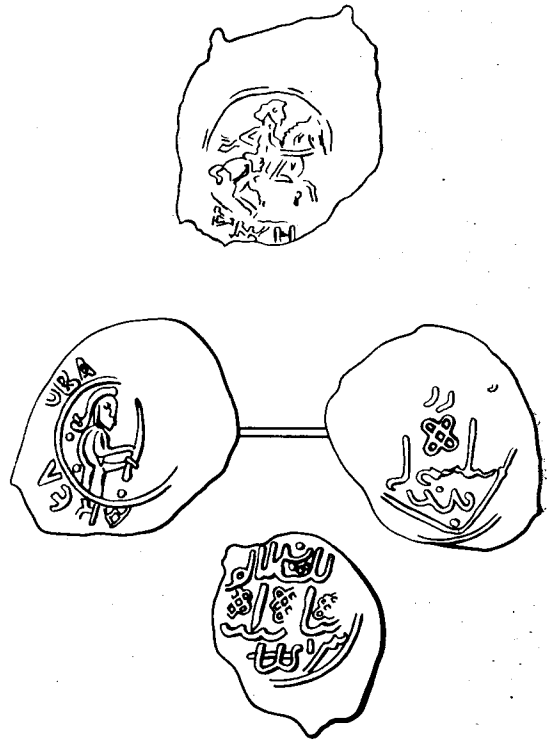
Между Дмитрием Ивановичем Московским и Дмитрием Константиновичем Нижегородским еще до Куликовской битвы шла острая борьба за главенство среди русских князей, за титул великого князя Владимирского. Реально княжества такого уже не было, но иметь это звание означало для великих князей быть первым, старшим в огромном семействе потомков великих Владимирских князей XII—XIII веков. Титул утверждал золотоордынский хан в Орде. Он стремился использовать свое право, право завоевателя, чтобы вбить клин между русскими князьями, претендующими на главенство.

Еще в 60-х годах нижегородский Дмитрий получил от хана ярлык на великое княжение Владимирское. Но из-за внутренней смуты он предпочел остаться великим князем только Нижегородским, не претендуя на положение лидера всей Руси, отдал титул великого князя Владимирского Дмитрию Московскому, а взамен получил его поддержку в борьбе со своим братом Борисом. Союз нижегородского и московского Дмитриев под патронатом Москвы был скреплен династическим браком.

После того как Токтамыш взял Москву, Дмитрий Иванович послал к хану своего сына Василия в качестве заложника, надеясь через него хоть как-то воздействовать на политику Орды. Москва стремилась

помешать тверскому князю Михаилу, который после поражения Дмитрия в 1382 году стал претендовать на звание великого князя Владимирского. Дипломатия Донского победила, и это звание осталось за ним. Таким образом, хотя Москва после 1382 года и была возвращена к покорности, ее правитель добился положения главного князя среди русских земель, закрепил его за собой и своими потомками. И как раз в это время, после перерыва в 300 с лишним лет Москва возобновляет русскую монетную чеканку.

Огромный морально-политический успех Москвы, заключавшийся в победе над татарами в 1380 году, отразился в самом факте выпуска монет с русскими легендами — сначала без имени князя, только с его титулом, потом с титулом и именем — «Великий князь Дмитрий», иногда с отчеством «Иванович». Русь считалась улусом Орды. В Золотой Орде чеканили монету во многих городах, но везде это были монеты, выпущенные от имени хана, потомка Джучи, основателя государства, старшего сына Чингизхана. А здесь, на монетах Москвы, появляется имя данника хана, его вассала, написанное не арабскими, а русскими буквами! «Русский улус» был особым улусом в системе Золотой Орды, и чеканкой монет со своим именем и титулом великий князь Дмитрий недвусмысленно заявил об этом.



Монеты Москвы конца XIV века (увеличено). Москва, добившись права чеканить свои монеты, должна была помещать на обороте имя и титул Токтамыша.

Но, с другой стороны, он все же оставался ханским вассалом. И это тоже отразили монеты. Дмитрий обязан был в знак зависимости от Орды на другой стороне своих денег помещать имя хана Токтамыша с его титулом «султан», и к тому же еще русские монетчики должны были в подражание золотоордынским монетам писать благопожелание хану — «Да продлится его царствие», в то время как всей душой они жаждали скорейшей гибели этому проклятому завоевателю, молили бога об этом, надеясь на перемены и облегчение татарского гнета. «А переменит бог Орду», — как затаенная надежда всей Руси звучат эти слова в княжеских договорах.

Но после 1382 года нечего было делать, Дмитрий должен был пойти на компромисс и, добившись права на выпуск монет со своим титулом и именем, вынужден был помещать на деньгах также имя и титул Токтамыша.

Того же добился и Дмитрий Константинович Нижегородский. Но на его монетах знак зависимости от Орды другой — не читаемое ясно «Султан Токтамыш», а неразборчивое подражание золотоордынской монете, неважно какой, неважно какого хана, лишь бы оно имело общее сходство с ордынской монетой. Это не было выражением персонифицированного вассалитета, как на московских монетах. Это был общий символ зависимости от Орды. Именно первого русского князя Дмитрия Московского, главы общерусского движения за независимость, претендующего быть князем «всея Руси», великого князя Владимирского заставил Токтамыш помещать наиболее тяжелый и унизительный знак вассального положения — свое Токтамышево имя. А великий князь «второго ранга», нижегородский Дмитрий Константинович, мог ограничиться более «легким» знаком вассалитета — простым подражанием татарским легендам, нечитаемым и неопределенным. Таким образом, имя Токтамыша на первых монетах Москвы — это как бы негативное признание ее главенства среди русских земель. И начинается упорная борьба русских князей за то, чтобы на своих монетах как можно больше «замазать», уменьшить, стушевать выражение ордынской зависимости и как можно сильнее «выпятить», подчеркнуть знаки собственного суверенитета.

Иногда монетчики поступали так: имя хана они писали вокруг изображения головы человека. Или эту голову вставляли среди арабских букв имени Токтамыша, и каждый раз это делалось так, что если голову поставить правильно, то строчки с именем хана окажутся «вверх ногами». Мы должны перенестись мысленно в ту эпоху и осознать, что в денежном деле, на монетах, таком важном пропагандистском и прокламативном государственном средстве, все детали и мелочи были очень важны и не могли остаться незамеченными. Тогда мы поймем, какой выпад против джучидского властелина допускали русские монетчики.

В конце XIV века наступает такой политический момент, когда великий князь Московский решается на разрыв с Токтамышем. В 1399 году Токтамыш с литовским князем Витовтом потерпели сокрушительное поражение от другого золотоордынского хана. Уже в 1395—1396 годах, после того как в центральных землях Орды похозяйничали войска среднеазиатского завоевателя Тимура, власть хана ослабела настолько, что Москва могла не считаться с ним. Тем более могла она почувствовать себя свободнее после битвы 1399 года. Открылась возможность полностью отказаться на монетах от выражения вассалитета по отношению к Орде. Но сделать это сразу было бы рискованно. Государственная мудрость подсказала князю Василию, сыну Дмитрия Донского, ряд промежуточных шагов в оформлении своих монет.

В это время, видимо, Василий Дмитриевич стал чеканить монеты с нечитаемыми знаками, подражающими арабским буквам, — этим более легким и не таким обидным, как бы абстрактным знаком ордынской

власти. Монетчики, заменив имя Токтамыша нечитаемым подражанием золотоордынским дирхемам, сделали существенный шаг. Им хотелось идти дальше в этом направлении, но отказаться сразу и совсем от какого-либо «ордынского» элемента на монетах они не решались. И вот они предпринимают ряд полумер. Сначала монетчики как бы нейтрализуют этот «ордынский» элемент на московских деньгах тем, что среди линий, долженствующих изображать нечто, напоминающее золотоордынскую монету, помещают русскую букву — отчетливую, ясную, русскую. Затем делается следующий шаг — на одной стороне монет помещают в четырех строках титул «Великий князь» и имя «Василий». Никакого изображения, только имя и титул — это выглядело более убедительно и весомо, чем плохо видная надпись по краю монеты, часто стертая или плохо оттиснутая при чеканке. Такие строчные надписи — существенная заявка князя Василия на более высокую ступень своего суверенитета, на независимость Москвы.

Но так просто оставить эту торжественную надпись на монетах было нельзя. На другой стороне монет помещают имя Токтамыша — князь как бы заглаживает свой дерзкий поступок перед Ордой. Сделав в одном огромный шаг вперед, Василий из политической предосторожности должен был сделать шаг назад в другом. Но длилось это недолго. Василий упорно продвигается на своем пути к выпуску монеты, полностью лишенной знаков вассалитета. Имя Токтамыша заменяется на анонимную надпись — просто «Султан высочайший». Это еще один шаг вперед, к цели: самого существенного, имени хана, уже нет. По всем канонам восточного денежного дела это следует расценивать как резкий выпад против верховной власти Орды. А вместе с тем все соблюдено — ордынский элемент наличествует. Затем новый шаг — вместо титула помещают нечитаемое подражание. А на другой стороне все это время сохраняется броская выразительная легенда в центре поля с именем «Василий» и титулом «Великий князь».

Вскоре оказалось возможным совсем освободиться от «ордынских» элементов. Сбывается мечта князя и народа — на московских монетах нет больше признаков татарской зависимости. На одной их стороне в строчной легенде имя князя и его титул «Великий князь», на другой — изображение всадника без надписи. Но и это еще не все. Максимального выражения русского суверенитета московский князь достиг на монетах следующих выпусков. На них на одной стороне полный титул и имя — «Великий князь Всея Руси Василий Дмитриевич» в строчках, и на другой — круговая надпись «Великий князь Василий Дмитриевич» и изображение зверя в центре. Зверь этот — лев или барс — был гербом, эмблемой Владимирского княжества. Василий подчеркивает, что он великий князь всея Руси и преемник великих князей Владимирских, стоявших некогда во главе всего русского Северо-Востока.

На этом Василий ставит точку и несколько лет чеканит монеты в таком именно оформлении.

Монеты показывают нам, как тяжело было русским высвободиться от ордынского ига, какую напряженную борьбу не только на ратном поле, но и в дипломатической сфере, и в области монетного чекана вели они с ханами. Шаг за шагом, то отступая, когда этого требовали

ухудшившиеся обстоятельства, то напористо и стремительно наступая, шли они к независимости. В трудных условиях феодальной раздробленности, оскудения и разрухи, связанных с татарскими погромами и сбором дани, при дефиците на серебро, шла Москва к самостоятельной чеканке, к своей монете, выражающей полностью русский суверенитет, к монете, такой нужной и для экономики государства, и для самосознания русского народа. И хотя потом русским монетчикам снова пришлось вернуться к имени Токтамыша и к подражаниям ордынской монете, все же этот независимый чекан первого десятиления XV века, этот «великолепный» чекан Василия не был забыт народом. Он остался замечательным памятником истории.

В трудных экономических условиях велась эта работа. И русская земля, и Москва были измучены ордынским игом, истощены данями. Правительство московских князей не могло не использовать обычный для средних веков способ извлечения доходов из монетной чеканки. Оно уменьшало вес деньги и выпускало ее по той же номинальной стоимости. Изучая клады того времени, легко заметить, что более легкие монеты обращаются вместе со старыми, более тяжелыми. Но это снижение веса производилось в Москве медленно и постепенно. В течение 1390—1400-х годов, снижая количество серебра по одной-двум сотым грамма на каждую монету, московское правительство сумело сохранить в порядке денежное дело.

Чекан Василия Дмитриевича Московского с эмблемой Владимирского великого княжения в виде барса, с двойным упоминанием его имени «Василий» и титулов «Великий князь» и «Великий князь Всея Руси» продолжался примерно 10 лет, с 1399 по 1408 год. Но Орда не была еще сокрушена, и Русь не вышла из-под ее власти.

Независимая политика Василия вызвала гнев ордынского правителя Едигея. Сохранился пересказ письма Едигея к Василию Дмитриевичу. Претензии Едигея сводились к следующему. Василий, дескать, поднимал на смех и обижал ханских послов из Орды, а сам в Орду ни сыновей, ни бояр не посылал, «выход» (т. е. дань в виде серебра) хану не поставлял. Если сопоставить эти акты непокорности с независимой чеканкой Василия, то гнев ордынского временщика станет понятен. И в 1408 году Едигей собирает мощные силы и идет походом на Москву. Эта война Едигея против Москвы нанесла Руси тяжелый удар.

После едигеевского нашествия Москва должна была резко снизить политический статус монетного дела. Полностью пропадают в титуловании князя слова «всея Руси», а на оборотной стороне монет вновь появляются «ордынские» элементы. Исчезает и владимирская эмблема — барс, которая была свидетельством особой роли московского князя.

Но и в этот тяжелый период Москва на сложном и условном языке монетных символов продолжает политическую борьбу с ордынской властью. На «жесткое», видимо, требование Орды вернуться к чеканке монет с символом ордынской зависимости московские денежники отвечают очень своеобразно.

Давно обратили внимание на монеты Василия с надписью «РАРАЙ». Что это за слово? Строились самые разные предположения.

Считали. что это имя монетчика. Непонятным оставалось, почему имя денежника есть только на этих монетах, а на других нет. Была даже такая теория: «Рарай» происходит от слова «Рарашек», имени древнеславянского бога бури и вихря и бога, приносящего счастье в игре и метании жребия. За малый рост этого бога считали возможным поместить в карман или кошелек, и он якобы стал олицетворением денег и монет. Фантастическое объяснение!

Правдоподобнее выглядит другое предположение. «Рарай» — это тайнопись. Наиболее простой вид тайнописи заключался в следующем. Гласные оставляются на месте, а согласные заменяются по такому принципу: они все выстраиваются в два ряда сверху до «н», снизу — в обратном порядке, начиная с «п». Буквы, попавшие в пару одна под другой, взаимозаменяются. При таком способе тайнописи «м» должна быть заменена на «р». Таким образом, «Рарай» — это зашифрованное «Мамай» — имя золотоордынского темника, того самого, которого разбил Дмитрий на Куликовом поле. «Ордынский» элемент на этих монетах формально присутствует, но это имя давно умершего Мамая, написанное к тому же тайнописью, русскими буквами. Может быть, русские так называли Едигея, который, как и Мамай, правил в Орде от имени ханов-марионеток. Мамая и Едигея объединяло то, что оба не были Джучидами и не имели прав на ханский престол, фактически же оба достигли высшей власти в Орде. Называя Едигея именем Мамая, не намекали ли русские на печальную участь последнего?

Те представители ордынской власти, которые должны были следить за деятельностью князей «Русского улуса» и которые, наверное, понимали русский язык и русские надписи, так же как русские княжеские чиновники обычно знали татарский, должны были довольствоваться этим полупризнанием ордынского суверенитета на русских монетах. Понимали ли они этот намек?

Можно привести еще один пример, говорящий о том, как московские чеканщики вкладывали в «ордынский» элемент антиордынский смысл. В 1412 году хан Золотой Орды, враг Едигея, Джелал-ад-Дин вызвал к себе группу русских князей, в числе которых был и Василий Дмитриевич Московский. Это было своего рода демонстрацией ордынской власти над Русью и Москвой.

Видимо, именно в это время русские были вынуждены выпускать монеты с ордынскими подражаниями. Но что это за подражания? В числе других монет в Москве чеканились такие, на которых легко угадывается искаженно написанное арабскими буквами «Хорезм», название монетного центра Золотой Орды. Но на той же стороне (уже не как подражание, а как новый, сознательно помещенный элемент) арабскими цифрами вырезана дата — 815 год хиджры (1412 г.).

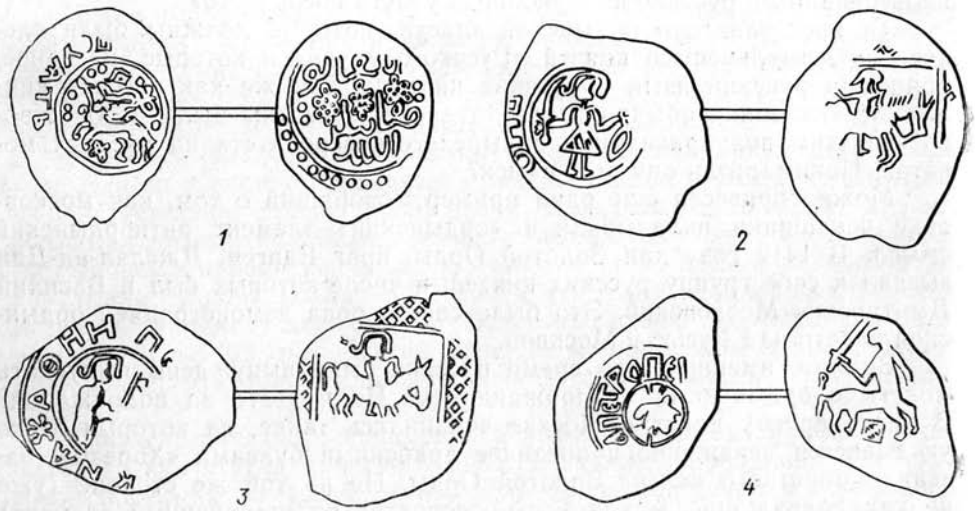
Этот год был малоприятным для ордынского хана: эмиры, посланные Джелал-ад-Дином для захвата Хорезма, где сидел в осаде Едигей, не только не завершили осады, но и потерпели поражение. Никогда до этого и многие годы спустя на русских монетах не помещают никаких дат. А тут вдруг четкая дата цифрами, да еще в годах хиджры. Это был довольно прозрачный и малоприятный для Джелал-ад-Дина намек. Русский князь едет к нему в Орду, а на своих монетах приказывает выбить название города и дату, напоминающие о позоре Дже-

лал-ад-Дина и косвенно говорящие о Едигее. Может быть, проедигеевская позиция Москвы, выраженная на этих монетах намеком, заставила Джелал-ад-Дина вызвать к себе на поклон русских князей?

«Ордынский» элемент в руках русских монетчиков превращался в инструмент антиордынской пропаганды и политической борьбы. А позднее на монетах Ивана III «ордынский» элемент — арабские буквы и надписи — совсем утратили свой первоначальный смысл и приобрели противоположный. Вот монеты с надписью арабскими буквами «Иван», т. е. Иван. Вот монеты с легендой тоже арабскими буквами «Деньга Московская». Это уже не выражение вассалитета. Это — провозглашение на понятном татарам языке и понятными им буквами суверенитета «Белого царя» Ивана III.

МОНЕТЫ КНЯЗЕЙ «ВЕЛИКИХ» И «МОЛОДШИХ»

Монеты Руси XIV—XV веков чеканились в столицах великих княжеств — Московского, Тверского, Нижегородского, Рязанского, в великих городах-республиках Новгороде и Пскове. Но внутри больших княжеств были центры уделов — владений мелких, «молодших» кня-



Монеты московских уделов начала XV века (увеличено): 1 — Серпухов, 2—3 — Можайск, 4 — Дмитров.
Не потребности денежного обращения, а доход от монетной регалии и престижные соображения заставляли удельных князей реализовывать свое право выпуска монет.

зей, родственников великого. Они тоже чеканили свои монеты. Не потребности денежного обращения, которые удовлетворялись великокняжеской чеканкой, а доход от монетной регалии и часто только престижные соображения, амбиции, гордость, спесь заставляли удель-

ных князей реализовать свое право выпускать монеты. Как характерно это было для эпохи феодальной раздробленности, как характерно это было для Руси, изнывающей под бременем татарского ига и раздираемой усобицами великих и малых князей, мелочно считавших свои владельческие права, ведших войны, заключавших друг с другом договоры, претендовавшими на роль главного представителя перед Ордой всей русской земли! Московский великий князь был главой целого дома, члены которого владели уделами в Серпухове, Можайске, Дмитрове, Звенигороде и Галиче. Тверской великий князь объединял уделы в Кашине, Городенске, Микулинске, Нижегородский верховенствовал над удельными владениями в Суздале и Городце, но часто только формально. Порой он с трудом сдерживал притязания своих младших князей.

В руках монетчиков был чуткий инструмент, при помощи которого они выражали все оттенки борьбы за власть и место князей в этой иерархии, мелочно рассчитанной, меняющейся от реального соотношения сил, восходящей к старым традициям и счету родства.

Чтобы выразить межкняжеские отношения, монетчики использовали и надписи и изображения.

Великие князья имеют титул «Великий», только к титулу Московского великого князя добавляют «Всея Руси». Удельные именуются просто «князь». Самостоятельные же князья Ярославские и Ростовские, называемые в летописях «великими», на монетах могли помещать только простой титул «князь», иначе бы они в этой монетной иерархии, в этом монетном «местничестве» оказались бы рядом с великими князьями Московским, Нижегородским, Тверским.

Имело значение все. Важно было, написано ли имя князя полностью, с отчеством или без него, а то и сокращенно или обозначено только первыми буквами. В Москве старались полностью написать имя Дмитрия и Василия, иногда с отчествами. В круговой легенде не хватало места, и имя иногда переносили на другую сторону монеты. Отказались от слова «печать» (т. е. «чеканка», синоним слову «монета») в легенде и просто писали «Князь Великий Василий Дм...», чтобы уместить имя по возможности полнее. Ведь речь шла о первом среди великих князей. А имена великих князей Нижегородских можно было (а может быть, и нужно было) писать сокращенно. Поэтому на нижегородских монетах обычно есть слово «печать»: места хватало. Второй после Москвы ранг нижегородской чеканки проявляется в такой, казалось бы, мелочи, но это мелочь с нашей точки зрения, а для древних людей, современников князей, она была важнейшей деталью: монеты были почти единственным официальным средством массовой пропаганды.

Изображения на русских монетах той поры до сих пор загадочны. Вот перед нами дракон, вот кентавр-китоврас, то вдруг появляются всадники с птицами — соколиная охота, то с копьем, то с мечом, под ногами коня иногда голова. Вот на монете два человека с кинжалами друг против друга или два человека держат какую-то палку между ними; мы видим то человека с лошадью, то погрудное изображение воина в шлеме с мечом, то воина с мечом и щитом. Неограниченное поле для фантазии нумизмата. Некоторые объяснения весьма правдо-

подобны. Например, на тверских деньгах изображена чеканка монеты — нагнувшись над наковальней, ковач стучит по ней молотком (табл. XII). Всадник — это, наверное, изображение князя. Этот «ездец» потом стал единственным рисунком на монетах. При Иване IV, пока князь был молод, всадника изображали без бороды, а как состарился Грозный, и всадник на монетах состарился — появилась борода. Не лучшее ли это свидетельство, что всадник — это князь?

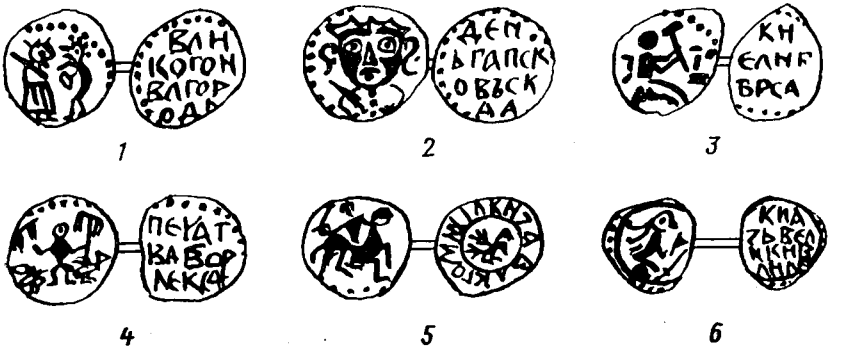
Ростов в древности делился на две части — Сретенскую и Борисоглебскую. В 1328 году произошел раздел владений в семье Ростовских князей. Одной ветви досталась Сретенская, а другой — Борисоглебская сторона. При Иване Калите Москва захватила Сретенскую сторону то ли полностью, то ли частично. Ростовским князьям обеих ветвей пришлось потесниться: наверное, они разделили между собой оставшуюся часть города. Борисоглебские князья усилились и вытеснили на некоторое время Сретенского князя из города. Но тот, опираясь на московскую поддержку, снова утвердился в Ростове. С конца XIV века в городе правят два князя — Андрей Федорович из Сретенской и Александр Константинович из Борисоглебской ветви. И монеты они чеканят с двумя именами. Их наследники тоже чеканят монеты от имени двух князей, и на каждой стороне ростовской деньги вместе с именем соответствующего князя той или иной ветви княжеского дома помещается типичное для этой стороны города изображение.

На «сретенской» стороне ростовских монет чаще других изображалась композиция, которая вызывает споры и дает почву для разных толкований: человек с секирой около дерева, на нем, чтобы показать, что это действительно дерево, птичка, за деревом голова. Сверху над деревом иногда помещается еще одна голова. Это наказывают фальшивомонетчика — долгое время почти единогласно считали нумизматы. Отрубили ему голову и повесили ее на дерево. Но подобное толкование опирается только на предположение, что такой сюжет был бы для монет подходящим. Есть другое объяснение. На иконах часто изображали Иоанна Крестителя перед деревом. Около дерева лежит секира. Это напоминание о проповеди этого святого, о «гласе вопиющего в пустыне»: «Уже и секира при корне дерева лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». А отрубленная голова часто сопровождает Иоанна: ведь ему по прихоти жены Ирода отрубили голову, и Соломея, дочь царя, плясала с ней на пиру. На монетах Ростова все совпадает с иконной схемой, только секира переместилась со своего места у корня дерева в руки Иоанна.

Но почему именно Иоанн? И это находит объяснение: такая схема с Иоанном и «деревом пустыни» помещается на ростовских монетах только на той стороне, где есть имя Сретенского князя. А ведь Сретенская сторона отошла к Ивану Калите, и именно Сретенского князя поддержала Москва, когда он боролся с Борисоглебским князем за отведенную ему часть города. Святым патронимом-покровителем Ивана Калиты среди многих святых Иоаннов был именно Иоанн Предтеча, Креститель.

Самая большая слабость Руси, которая мешала полностью сбросить золотоордынский гнет, препятствовала возрождению русского народа как великой мировой исторической силы, была раздробленность

на несколько княжеств, независимых друг от друга. Эту разробленность прекрасно отразили монеты. Не только свои изображения в каждом центре чеканки, но и свои системы денежных номиналов. В Москве XIV—XV веков рубль приравнивался к 200 деньгам, одна деньга — к двум полуденьгам и к какому-то количеству пулов — медных монет. Шесть денег составляли алтын. Алтын, деньга и пуло — названия, заимствованные из татарской денежной системы: деньга от «даника», алтын от «алтуна» — золотоордынского динара, пуло от «пула» — мед-



Русские деньги XV века: 1 — новгородская, 2 — псковская, 3—5 — тверские, 6 — московская.
Монеты отразили раздробленность Руси.

ной золотоордынской монеты. Но система рубля, равного 200 деньгам, и весовые нормы монет самостоятельны в русской денежно-весовой системе, восходят к древности и были независимы от татарского денежного дела. Считали, что татарские элементы, подражания золотоордынскому дирхему на русских монетах — это как бы способ «приладить» русские монеты к золотоордынскому денежному обращению, чтобы русские монеты ходили наряду с татарскими. Полагали также, что на русских монетах потому изображали подражания золотоордынским, что ими платили дань татарам. Думали, кроме того, что если вся система номиналов татарская, способ чеканки тоже золотоордынский, то и сама организация денежного дела берет начало из Орды. Другими словами, русские должны были благодарить Орду, что она устроила на Руси денежное дело.

Все обстоит как раз наоборот. Вопреки, а не благодаря татарам было восстановлено при Дмитрии Донском денежное дело: ордынский «выход» шел в виде слитков, а не монет — их не находят совсем на территории Золотой Орды; ордынские монеты не обращались на территории главных центральных земель Руси, и русским монетам не нужно было «подлаживаться» под ордынские, потому что обращались они вместе только в окраинных пограничных районах. Ордынский элемент на русских деньгах не был следствием экономической зависимости русской чеканки от ордынской. Он выражал политическую зависимость от Орды. И хотя некоторые названия денежных единиц действительно ордынские, их соотношение с главной единицей — рублем (кстати, на-

звание рубль из ордынской денежной системы никак не выводится) — собственно русское, оригинальное. Для платежа дани татарам была учреждена на Руси жесткая система сбора серебра. Младшие князья обязаны были поставлять его великому князю, и тот отправлял «выход» в Орду. Эта централизация и строгий учет драгоценного металла создали благоприятные условия для начала денежного дела. Мало было серебра, его явно не хватало, его выкачивал жестокий поработитель, но его запасы все же имелись и были централизованы в казне и сокровищницах князей. Потому-то и смог Дмитрий Донской воспользоваться благоприятной обстановкой после Куликовской победы и начать собственную чеканку.

Но тут заговорили местническое честолюбие, политические претензии и жажда показать свои владельческие права десятка других князей, великих и малых. Вся первая половина XV века — это история централизации Русского государства вокруг Москвы. Одновременно идет централизация денежного дела в Москве, постепенно затухает местная чеканка. Процесс этот шел медленно, часто поворачивал вспять. В 1420—1440-х годах разгорелась феодальная борьба между Московским князем Василием II Темным и его соперниками — Галицкими князьями Юрием и Дмитрием Шемякой. Монеты тоже показывают эту борьбу и ярче всего монеты Дмитрия Шемяки, занявшего в 1446 г. Москву и отчеканившего великокняжеские монеты со своим именем. Только при Иване III было окончательно запрещено «деньги делать по уделам».

ДЕНЕЖНЫЙ МАСТЕР ИВАН ФРЯЗИН И ОДНА РЕДКАЯ ЗОЛОТАЯ МОНЕТА ЭРМИТАЖА

Побывавший в России в первой четверти XVI века австрийский посол барон Герберштейн писал: «Едва есть сто лет, как в Московии стали употреблять серебряную монету, особенно чеканенную дома». Чеканенную дома? Что имел он в виду?

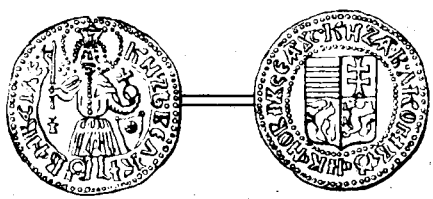
Разъяснение можно найти в другом источнике — завещании великого князя Ивана III. В нем говорится: «А деньги велит делать сын мой Василий на Москве и в Твери, как было при мне. А откуп ведает сын мой Василий, а в откуп у него мои дети Юрий с братьями не вступаются». Во-первых, здесь говорится о достигнутой при Иване III централизации денежного дела — все оно поручается Василию, наследнику великого князя. Во-вторых, источник свидетельствует о том, что в Московском государстве при Иване III был откуп монетного дела — получали частные лица у великого князя за определенную плату право чеканить монету и извлекать из этого доход. Конечно, эта чеканка велась под строгим наблюдением властей, но все же денежники изготавливали монету не на княжеском монетном дворе, а «дома».

В 1460-х годах в Москве работал один такой денежник-откупщик

Иван Фрязин. Фрязином могли звать только иностранца. Действительно, он был итальянец, но достаточно долго жил в России, чтобы не только хорошо говорить по-русски, но и знать все тайны политической жизни Москвы, все «ходы и выходы» во дворце великого князя. Ивану Фрязину доводилось ссуживать деньгами бояр и князей под приличные заклады.

С денежником Иваном Фрязином связана интереснейшая страница русской истории и одна уникальная золотая монета, хранящаяся в Эрмитаже.

После падения Византии брат последнего императора, деспот Мореи Фома, захватив на всякий случай священную реликвию — голову апостола Андрея, прибыл в Италию. Его дети, последние Палеологи, обосновались в Риме под покровительством папы и под наблюдением кардинала Виссариона — ярого приверженца так называемой Флорентийской унии 1439 года, которая провозгласила объединение православной и католической церквей под главенством Рима. Принцесса Зоя стала невестой «номер один» в тогдашней Европе. За нее дважды сватался кипрский король Яков II Лузиньян, но Зоя не стала новой Венерой Кипридой. Она вышла замуж за одного итальянского герцога, но вскоре то ли овдовела, то ли разошлась. К 1469 году она снова была невестой.



Золотая монета Ивана III и его сына Ивана Ивановича «Молодого». Эта золотая монета была отчеканена по образцу «угорских» дукатов, видимо, итальянским мастером на московской службе Иваном Фрязином.

Европа искала в те годы средства для борьбы с Турцией, угрожавшей итальянской торговле и дунайским государствам. Строились новые планы объединения церквей под эгидой Рима. Провозглашен был очередной крестовый поход против «неверных». В этих военных и дипломатических планах важную роль отводили новому браку Зои Палеолог, на этот раз с далеким северным князем — Иваном Васильевичем Московским. Этим хотели привлечь Русь к унии церквей и антитурецкой борьбе.

В 1469 году из Рима было направлено посольство в Москву с предложением князю Ивану жениться на Зое. Один из инициаторов этого брака кардинал Виссарион, расхваливая «товар» и явно греша против истины, писал, что за Зою сватались и король французский, и герцог миланский, но Зоя не хочет «латинства», т. е. католичества. Посольство остановилось в Москве у некоего Джана Баттисты дела Вольпе, родом из Виченцы. В составе посольства оказались его родственники: брат Карло и племянник Антон Джислярди. Этот Вольпе и был тем московским денежником, которого в русской столице знали под именем Ивана Фрязина. Он имел влияние при московском дворе, и послы папы надеялись на его помощь в порученном им деле.

Ивану III понравилась идея брака с византийской принцессой. Этот брак делал бы Москву наследницей Византии, укрепил бы московского князя в борьбе за централизацию страны и поднял бы его авторитет на международной арене. И хотя решение о женитьбе на Зое Палеолог стоило, видимо, некоторой борьбы с группой бояр и духовенства, недовольных сближением с «латинянами», Иван отправил в Рим свое посольство, чтобы посмотреть невесту и сообщить о согласии.

Для этой деликатной миссии был выбран Иван Фрязин-Вольпе. Поручение великого князя открывало ему путь для блестящей карьеры в Москве.

Вольпе съездил в Рим и привез князю предложение папы прислать за невестой представительное боярское посольство. В январе 1472 года новое посольство, и с ним, конечно, Иван Фрязин, едет в Рим. В дороге узнали, что папа умер, пришлось вычищать и исправлять имя в грамотах, которые везли послы. Но вот, наконец, в мае 1472 года послы в Риме. Новый папа Сикст IV принимает их, и бояре дарят ему от имени великого князя-жениха шубу и 70 соболей. В присутствии послов — неаполитанского, феррарского, венецианского, миланского, флорентийского — папа выражает удовлетворение, что московский князь браком с Зоей Палеолог показал свое уважение к католичеству. Ее же он называл «дочерью апостольского престола». Папа явно делал вид, что Москва принимает унию Флорентийского собора об объединении церквей. Но русский князь и не думал об этой унии, которая поставила бы русскую церковь в зависимость от папы.

1 октября 1472 года, с утра благословив знамена крестоносцев, собиравшихся в поход против турецкого султана, а потом посетив церемонию отправки галер на ту же войну, папа Сикст IV отправился в ватиканскую базилику Петра и Павла, где должен был заочно венчать Зою и Ивана. Не обошлось без неприятных мелочей — у Вольпе не оказалось кольца для невесты, он отговорился тем, что этот обычай на Руси не принят. На следующий день раздраженный папа жаловался в консистории на Вольпе и говорил о его ненадежности как проводника римской политики в Москве. Но невесту он обласкал, снабдил ее деньгами и рекомендательными письмами и в сопровождении пышной свиты отправил в путь. Знаменитым банкирам-правителям Флоренции Медичи было послано распоряжение выдать принцессе из хранившихся у них папских средств 4 тысячи дукатов. В этом платежном поручении Зоя называлась «королевой русской».

Путь Зои лежал через Сиену, Флоренцию, Болонью — всюду пышные приемы, всюду она появляется, сверкая камнями и золотом, всюду самые знатные юноши добиваются чести держать ее лошадь во время торжественных въездов в город. В родном городе Вольпе Виченце ее ждал особенно пышный прием и ослепительные празднества. Затем через снежные Альпы на Аугсбург, а потом в Нюренберг. На всем пути Вольпе создает вокруг будущей великой княгини, а заодно и вокруг себя соответствующую атмосферу. В Виченце Вольпе знают как «секретаря и казначея московского короля». В Нюрнберге Зою чтут как будущую жену могущественного московского правителя,

на голову которого, вместе с Зоей, папский легат должен возложить корону.

Затем — ганзейский Любек. Здесь Зою величают «дочерью византийского императора». После Любека — путешествие морем в Ревель. И наконец, Дерпт, где ее встречает посланный Иваном III боярин. Чем ближе к Москве, тем больше умная Зоя — на Руси ее будут звать Софьей — забывает свое католическое прошлое и ведет себя как истинная дочь православия. И вот ее возок въезжает в Москву, убеленную первым ноябрьским снегом. В Кремле ее благословляет митрополит, и, наконец, она видит своего мужа, того самого Ивана, от чьего грозного взгляда, как рассказывали, «женщины падают в обморок».

Сыграли новую свадьбу по-русски, и все вроде бы вошло в колею. Но Ивану III предстояло платить по политическим векселям. С Зоей-Софьей прибыл папский легат и потребовал той самой платы за принцессу, которой ждал папа — каких-либо уступок в пользу западной церкви в религиозной политике Москвы. Еще при въезде в Москву он пытался поднять латинский крест, но его принудили не делать этого. Легату устроили диспут с православным духовенством, и он потерпел поражение, был сокрушен «страстным говорением» русских духовных чинов. Через 11 недель он уехал ни с чем, увезя только богатые княжеские подарки.

Но неожиданно Ивана Фрязина, который мог ждать от князя только милостей за удачно выполненное деликатнейшее поручение, того самого Фрязина-Вольпе, который так долго работал монетчиком и проявил себя искусным дипломатом, постиг гнев самого Ивана III. В декабре 1472 года или в январе 1473 года его в оковах ссылают в Коломну, а дом его предают разграблению. Джан Баттиста дела Вольпе потерпел в Москве полный жизненный крах. В чем тут дело?

Сохранился замечательный нумизматический памятник этих лет, связанный и с Иваном Фрязином, и с Зоей-Софьей Палеолог, и с Иваном Васильевичем — великим князем Московским и с его сыном от первого брака, объявленным наследником, Иваном Ивановичем «Молодым». Эта единственная в своем роде золотая монета, уникум, хранящийся в Эрмитаже, выбита от имени этих двух князей. Оба названы великими князьями. Так величать Ивана Ивановича стали только после 1471 года. Видимо, перед новым браком, чтобы успокоить противников этого союза, Иван III объявил своего сына от покойной великой княгини Марии Тверской официальным наследником. А золотой был отчеканен в честь и в память этого события, как подтверждение и прокламация княжеского указа. Так делали еще римские кесари, так делали арабские халифы — на монетах объявляли имя своего наследника, подтверждали и закрепляли его права.

Чеканить этот золотой было поручено Ивану Фрязину. Вот его знак на монете — маленькая буква і, незаметная, но увиденная нумизматами. Когда же он ее чеканил? Великим князем Ивана Ивановича стали называть только в 1471 году. А уже в январе 1472 года Иван Фрязин уехал в Рим. Вернулся он в Москву в ноябре того же года, а через несколько недель был сослан.

Наверное, золотая монета была отчеканена в 1471 году. В 1472 го-

ду после возвращения из Рима у Ивана-Вольпе не было времени, да и суета, связанная с женитьбой князя, вряд ли позволила бы ему сделать тонкие и сложные штемпеля и оборудовать приспособления для чеканки круглых, правильной формы золотых монет, которых раньше денежное дело на Руси не знало. К тому же после приезда Зои-Софьи, после того как ее только что объявили великой княгиней, как-то неудобно было подчеркивать, что наследником будет ее пасынок, а не ее будущий сын (который, кстати сказать, все-таки оказался наследником).

Но золотая монета — не только прокламация, не только подарок и награда. Она еще и «визитная карточка» князя. И это хорошо понимал Иван Фрязин. Действительно, не мог же он, Вольпе из Виченцы, приехать в Италию в качестве посла московского государя и показать там русские деньги, сделанные на проволоке. Он хорошо знал, что покажут ему в ответ — венецианские цехины с тонким изображением дожа, флорины с изящным цветком лилии...

Мы не знаем, в какой степени Вольпе участвовал в принятии правительством решения о чеканке золотой монеты типа дукатов с именами двух великих князей Иванов, отца и сына. Но то обстоятельство, что именно Вольпе, уже втянутый в переговоры о браке князя с Зоей Палеолог, изготовил их, кажется нам не случайным. Вольпе отправился с тонкой дипломатической миссией в Рим, где предстояло не только высоко держать престиж Московского государства, но и уладить деликатное дело религиозного характера, связанное с желанием папы видеть Ивана III примкнувшим к унии церквей. Трудно поверить, что Вольпе не взял с собой хоть один золотой из той партии монет, которую совсем недавно он сам отчеканил. Ведь какие-то золотые деньги он должен был взять с собой, чтобы расплачиваться в пути.

Но какое касательство имеет этот золотой дукат Ивана III к высылке Ивана Фрязина-Вольпе из Москвы? К этому наказанию вела другая линия событий, связанная с усилиями Ивана Фрязина на почве матримониальных предприятий его патрона — московского князя. Исполняя официальное поручение Москвы, он плел одновременно тонкую и сложную международную интригу.

Вольпе мог забыть обручальное кольцо для невесты — это касалось князя. Но он не мог забыть золотой, им самим изготовленный, потому что это касалось прежде всего его самого, и вот каким образом.

Еще во время первого посольства Рима в Москву в 1469 году в нем участвовал племянник Вольпе — Антон Джислярди. По поручению Вольпе и по своей охоте он явился в 1470 году в Венецию, где сделал предложение, которым венецианский Совет и дож не могли не заинтересоваться. Дело шло о создании венецианско-ордынской коалиции для борьбы с османами, об одновременном нападении на них с Востока и Запада. Могущественной некогда Золотой Орды уже не было, но осталось несколько татарских государств. Политическим преемником ее считал себя хан Большой Орды Ахмат. Вольпе недаром несколько лет прожил в Орде. Теперь он брался помочь Венеции установить договорные отношения с Ахматом.

После долгих обсуждений осторожный Сенат послал в Москву секретаря Тревизана, чтобы тот, используя содействие Вольпе и уточнив с ним все детали предприятия, отправился бы в Орду. Сеньория даже выделила 69 дукатов для подарка ордынскому хану. С Тревизаном снова ехал в Москву Джислярди, везя подорожные папы для того самого посольства князя, которое должно было приехать за Зоей в Рим. Но когда осенью 1471 года они прибыли в Москву и хотели по своей неопытности «бить челом» великому князю о своем деле в Орде, Вольпе отговорил их. Он обещал все устроить с ордынским «царем» помимо князя. Он явно не хотел ставить князя Ивана в известность о готовящемся союзе Венеции с Ордой, понимая, что это ничего, кроме подозрений и недовольства у князя не вызовет. Иван III, как правильно рассудил итальянец, увидит в этом деле попытки за его спиной договориться с его врагом.

Так крутился между двух огней Иван Фрязин, он же Вольпе. Но вскоре ему пришлось оставить Тревизана и уехать в Рим за Зоей Палеолог.

На пути в Рим Вольпе избегает Венеции, где были недовольны тем, что он бросил Тревизана, и где уже приняли решение отозвать секретаря из Москвы.

Но если Вольпе удалось уклониться от объяснений во дворце Дожей, то он не мог их избежать в Ватикане. И на другой день после заочного венчания Зои ему пришлось говорить на эту тему с папой. И тут-то Вольпе выложил свой «козырь» — он-де ведет торговые дела с Ордой и договорился с татарами, что они нападут на турок со стороны Венгрии, если только хан будет уверен в выплате ему ежемесячно 10 тысяч дукатов.

Но папа мог усомниться в том, что венгерский король пропустит Орду через свои земли и тем самым навлечет на себя гнев и месть османского султана. И Вольпе не зря беспокоился. Папа не поверил ему и отказался участвовать в этом ненадежном и дорогостоящем деле, учитывая также, что Вольпе уже подвел Венецию.

В качестве сильнейшего аргумента Вольпе мог извлечь и продемонстрировать папе Сиксту IV венгерский дукат с именами московских великих князей, прекрасный дукат с известным всей Европе изображением святого Владислава. Эта монета как бы говорила, что договоренность с Венгрией достигнута, если венгерский король чеканит совместные монеты с русским князем.

Конечно, все это предположение, но оно не лишено резона. Что могло бы подтвердить его? Сохранились описания разговора папы с Вольпе, но безнадежно было бы искать в них такой детали, как демонстрация золотой монеты. Но откуда у Вольпе в сложной системе убеждения итальянских правителей и выманивания у них денег появился новый мотив — венгерский король? Раньше ничего о Венгрии не говорилось. Не золотой ли дукат с именами московских князей и венгерским гербом, появившийся на свет перед самым отъездом Вольпе из Москвы и оказавшийся под рукой, вызвал его к жизни?

Но почему все-таки золотой Ивана III, отчеканенный Вольпе перед его поездкой в Рим, оказался подражанием венгерскому дукату?

Венгерские («угорские») дукаты были очень хорошо знакомы русским людям. Своего золота на Руси не было. Для оформления памятной золотой монеты было избрано подражание этой известной на Руси золотой европейской монете. Все это так.

Но «угорские» дукаты были не единственными золотыми монетами, завозимыми на Русь. Хорошо знали здесь и венецианские дукаты, и более крупные английские нобли с уже знакомым нам изображением корабля — «корабельники». В те же годы другой какой-то денежник, тоже, наверное, иностранец, изготовил дарственный золотой с теми же именами и титулами князей, но подражающий не «угорскому» дукату, а «корабельнику», т. е. сделал русский «корабельник» (он тоже хранится в Эрмитаже).

И соблазнительно думать, что Иван Фрязин-Вольпе, готовясь к своему путешествию в Рим, где он официально открыто должен был оформить все дела с замужеством Зои Палеолог, а тайно — убедить папу в осуществимости договора с Ордой и даже получить на это предприятие какие-то деньги, соблазнительно думать, что Иван Фрязин как-то «подтолкнул» правительство, чтобы ему был заказан именно дукат с «угорским» рисунком, а не «корабельник». Такой золотой очень много мог дать в его тайных переговорах с папой. И вместе с тем ни к чему не придерешься — что было естественней в глазах русского человека того времени, чем золотые монеты, подражающие «угорскому» дукату.

Так связывается золотой дукат Ивана III с политической авантюрой Ивана Фрязина, которая и привела его к гибели.

Летом 1472 года, еще до женитьбы на Зое-Софье Иван III должен был совершить поход против Ахмата. Отогнав его от русской границы, князь вернулся в Москву. Встреча невесты, переговоры с папским легатом заняли его. Но вдруг в одном из разговоров с легатом, который был генуэзцем и потому ненавидел Венецию и рад был всегда тайно «подложить свинью» венецианцу, Иван узнал, что Тревизан, посол дожа и Сената Венеции, вместе с его монетчиком Иваном Фрязином вели и ведут какие-то тайные переговоры о союзе с Ахматом, переговоры весьма двусмысленного свойства. Гнев князя был ужасен. Вольпе в цепях был сослан, а Тревизан приговорен к смерти. И только вмешательство легата и заступничество дожа спасли дипломата.

Так кончилось предприятие Вольпе, стоившее ему карьеры при московском дворе. А «угорский» золотой, его изделие, стал памятником событий 1471—1472 годов. Союз Рима и Венеции с ордынским ханом против турок не получился.

Тревизан был освобожден. Он ездил в Орду, потом вел переговоры в Польше, участвуя в зарождении польско-татарского союза. В 1480 году Москва разорвала все эти плетущиеся вокруг нее дипломатические сети и сбросила окончательно золотоордынское иго. Итальянцы продолжали ездить в Москву, и не только дипломаты, а мастера, архитекторы, ремесленники — на постоянную работу. Среди них был Аристотель Фиораванти, строитель Московского Кремля. В Италии его обвиняли в изготовлении фальшивых монет. Еще до приезда в Москву он жил в Венгрии, где был монетчиком. Вероятно, это занятие

он продолжил и в России. Сохранились серебряные деньги с легендой латинскими буквами «Орнистотелес». Некоторые нумизматы склонны считать, что эти монеты изготовлены Аристотелем Фиораванти.

Тот факт, что на монетах появляются знаки или имена денежников, хорошо подтверждает сообщения о монетном откупе во второй половине XV века. Вот еще одна серебряная деньга времени Ивана III — на ней русская надпись «мастер Александро». Итальянское окончание — может быть, это след еще одного итальянца в России?

ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ ТЕХНИКУ МОНЕТНОГО ДЕЛА

Часто трудно определить место и время чеканки русских средневековых монет. На них почти никогда не ставились название города и дата. Помещались только имя и титул князя. Причем и эти надписи оказываются порой загадкой. Иногда резчик писал на штемпеле буквы так, как следовало их читать на монете, а поэтому на самой деньге получался зеркальный отпечаток. Есть анонимные монеты, часто встречаются такие, где линии плохо видны, имя недописано и его трудно разгадать. Так как монеты были маленькие, весь штемпель на них не помещался.

Большие трудности при определении древнерусских монет возникают от неразборчивости и сокращенности легенд. В XVIII веке многие древнерусские деньги приписывались какому-то Игорю. А это были копейки Ивана Грозного с надписью «князь великий и государь». Часть этой легенды — сокращенное «и государь» — читали как «Игорь». До сих пор в музеи приходят письма с рисунками таких монет и просьбами сказать, какой Игорь чеканил эти деньги.

Монеты разных русских городов и княжеств конца XIV — начала XV века очень сильно различаются между собой. Каждое княжество было как бы полунезависимым государством и чеканило монету по-своему. Это помогает разобраться, где какая монета была выпущена. Но чем прочнее объединялись русские земли вокруг Москвы, тем больше нивелировалось денежное дело. Монеты принимают твердо установленный единообразный облик. Различить их почти невозможно. Например, начиная с 30-х годов XVI века и в течение всего XVII века внешнее оформление русской копейки почти не менялось. Нельзя просто так отличить монеты, чеканенные, скажем, в начале правления царя Михаила Федоровича, от монет, чеканенных в конце его правления. Для этого нужно проводить долгое, трудное и кропотливое исследование. «Скучный» период в русской нумизматике, период XVI—XVII веков долгое время не находил себе исследователя. Клады русских копеек этих столетий Императорская Археологическая комиссия отправляла на переплавку.

В современной нумизматике существуют разные методы определения таких монет, и они тесно связаны с изучением техники чеканки.

В Древней Руси делали монетные заготовки из проволоки. Кусочек серебряной проволоки сначала расплющивали, а потом помеща-

ли между штемпелями. Русская монета XVI—XVII веков имеет форму овала, на краях которого видны следы отрезанных концов проволоки.

Чем шире развивалась торговля, тем больше денег требовал рынок. Чтобы облегчить изготовление большого числа штемпелей, на Руси в XV веке стали делать специальный «штемпель для штемпелей», т. е. маточник. На железном стержне вырезалось необходимое изображение, на другом — надпись. При оттискивании они переносились на рабочие концы штемпелей, которыми чеканили монету. Таким способом одним или двумя маточниками изготовляли сразу несколько одинаковых чеканов.

Ни одного старинного маточника не сохранилось. Догадаться об их существовании можно только по самим монетам.

Перед нами серия монет Василия Дмитриевича Московского с барсом и титулом «Великий князь Всея Руси». Они выбиты в первом десятилетии XV века. Те их стороны, которые имеют барса, полностью одинаковы, каждая черточка на них совпадает. Значит, они отчеканены одним штемпелем. Но, приглядевшись, замечаем, что хоть барс одинаков и буквы круговой легенды тоже совершенно одинаковы, их взаиморасположение разное. На одних монетах, скажем, буква «к» от слова «князь» приходится на то место, где кончается хвост барса, а у других монет в этой точке круговой легенды оказывается буква «В» от имени «Василий». Как это могло получиться? Только в том случае, если штемпели разные. Но монетчик не мог вырезать два штемпеля с совершенно одинаковым рисунком барса и начертанием букв, только с разным расположением одного по отношению к другому. Остается заключить, что штемпеля изготовлены оттискиванием на торце металлического стержня изображений двух маточников: на одном была вырезана фигура барса, на другом — круговая легенда. Каждый раз, изготавливая штемпеля, маточники помещали поразному один по отношению к другому. Это был первый опыт применения «штемпелей для штемпелей», и мало удачный. Среди монет Василия Дмитриевича эти монеты, и именно сторона с барсом и круговой легендой, отличаются нечеткими оттисками плохих, видимо, штемпелей. Техника маточников была еще в новинку, и штемпеля с них получались еще некачественными.

Потом при Василии Темном маточники широко вошли в обиход денежных мастеров. Они овладели этой техникой и стали изготовлять хорошие штемпеля, с которых получали четкие монеты.

Русские монеты XVI—XVII веков с именами царей. Это крохотные пластинки серебра. На некоторых есть знаки монетного двора в виде букв, но почти на всех монетах нет даты. Мы можем сказать только, в период какого царствования они появились. А царствование могло быть довольно длительным, и могли произойти важные изменения, в том числе и в монетном деле. Как их уловить, если мы не знаем, какие копейки отчеканены раньше, какие позже... Наконец, некоторые из них не имеют букв, обозначающих монетный двор. Где же они чеканились?

Сравнивая монеты друг с другом, нумизматы обнаружили, что иногда две монеты с одинаковыми оборотными сторонами имеют раз-

ные лицевые стороны и наоборот. Оказывается, штемпеля изнашиваются не одновременно. По верхнему бьют все время молотком, ставят его на монетный кружок не всегда точно, а иногда даже наклонно. От этого штемпель изнашивается быстрее, края его клейма уже не оттискиваются на монете. Приходится его заменять. А нижний штемпель еще служит. Наконец, и он сносился и нуждается в замене. Но верхний штемпель, недавно пущенный в работу, еще в хорошем состоянии. Им продолжают пользоваться при чеканке на новом нижнем штемпеле...

Таким образом, получается цепь монет. Вот чеканка, выполненная верхним и нижним штемпелями (обозначим их соответственно *а, А*). С ней связана монета, чеканенная тем же нижним (*А*), но другим верхним штемпелем (*б*). Далее идет монета, чеканенная опять другим верхним (*в*), но все на том же нижнем штемпеле (*А*). Наконец, оттискивается монета, чеканенная на новом нижнем штемпеле (*Б*), но тем же верхним (*в*). Затем следуют другие сочетания при новых заменах (*Б* нижнего и *г* верхнего, *Б* нижнего и *е* верхнего, *В* нижнего и *ж* верхнего штемпелей и т. д.).

Получив такую цепь монет, мы сразу же можем сказать, что все эти монеты чеканили в одном месте. Чеканы очень редко перевозили с места на место. Их хранили на монетном дворе. А теперь предположим, что одну из многих связанных друг с другом такой цепью монет все-таки можно определить по месту чеканки. Длительный труд нумизмата, сидевшего месяцами над кучей слепых, темных, ничего не говорящих монет, наконец, вознаграждается.

Иногда удается монеты этой цепочки расположить в хронологическом порядке. При работе штемпели изнашиваются неравномерно. Прежде всего стираются наиболее тонкие, хрупкие части рельефа. Они постепенно уничтожаются на маточниках, а следовательно, пропадают и на штемпелях и на самих монетах. Допустим, мы имеем две монеты с одинаковой лицевой стороной, но с разными оборотными. Другими словами, перед нами тот случай, когда штемпель оборотной стороны вышел из употребления и был заменен новым. Старый штемпель лицевой стороны остался в производстве. Нужно решить, какой из двух представленных на монетах штемпелей оборотных сторон старше. На помощь приходит сравнение одинаковых, чеканенных одним штемпелем лицевых сторон монеты. Оказывается, что у первой монеты все детали хорошо видны, значит, штемпель был еще новый, незасоренный. На другой монете оттиск того же штемпеля плохо виден, рельеф расплывчатый: она бита изношенным штемпелем. Теперь можно сказать, что оборотный штемпель второй монеты моложе первого, что он сменил лицевой штемпель первой монеты, а не наоборот.

Эти наблюдения, повторенные множество раз, дают нам возможность построить цепь монет, связанных штемпелями, в том порядке, в каком они действительно сменяли друг друга. Мешает то, что при чеканке монет иногда использовались старые, уже давно вышедшие из употребления штемпеля, почему-то снова пущенные в производство. Вводят в заблуждение и другие причины, например чистка, подновление маточников и штемпелей. Но все же можно добиться успеха и

разложить груду монет какого-либо царствования на группы, чеканенные в определенные периоды, и таким образом провести хронологическое определение монет. Такая методика была разработана И. Г. Спасским.

Помогают при этом также наблюдения за кладами. Например, в одном кладе встречены монеты, чеканенные всеми штемпелями царя Михаила Федоровича. А в другом их неполный набор. Становится очевидным, что первый («полный») клад зарыт в конце правления этого царя, а второй («неполный») — в начале, когда еще не все штемпеля были изготовлены на монетном дворе. Значит, монеты второго, «неполного» клада относятся к начальному периоду правления Михаила, а в «полном» кладе монеты, битые теми штемпелями, которые в «неполном» не встречаются, чеканены во второй период правления царя. А так как кладов много, то подобного рода наблюдения, наложенные одно на другое, дают также хронологию денежной чеканки царя Михаила. Но каждый клад нужно разобрать по штемпелям, т. е. произвести десятки тысяч сравнений маленьких слепых монеток, которые в руке-то держать трудно. Недаром Кильбургер, член шведского посольства в Москве в 1664 году, сказал о русских копейках: «С ними обращаться неприятно, так как они маленькие, скользкие и легко падают через пальцы...».

ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ И ПОСЛЕ...

На миниатюре из русской летописи XVI века изображено, как печатают монеты. Плавят в тигле серебро и тут же чеканят, держа в щипцах серебряный кружочек. Не показано, как волочат проволоку, как ее режут, как расплющивают, чтобы получить заготовки. Это казалось художнику несущественным. Важнее было другое: вверху нарисован малолетний царь Иван без каких-либо намеков на бороду, рядом его мать — правительница Елена Глинская. Бояре преподносят им на блюде новые, только что отчеканенные монеты. Текст, который сопровождает миниатюру, рассказывает, что вскоре после смерти великого князя Василия III, Иван Васильевич великий князь всея Руси и его мать великая княгиня Елена велели переделывать старые деньги на новые. Среди старых денег было много обрезанных и испорченных, и от этого «всему христианству» была великая тягость.

До реформы чеканили два вида денег — московскую и вдвое более тяжелую новгородскую деньгу. Рубль равнялся 200 московским или 100 новгородским деньгам. Правительство Елены Глинской распорядилось, сообщает летописец, чтобы из гривенки серебра (примерно 204 г) стали делать 3 рубля (300 новых денег весом около 0,67—0,68 г), а раньше чеканили только 2,6 рубля (260 старых новгородских денег). Новая монета получалась более легкой, чем старая новгородская деньга, но за ней сохранялось название «новгородская деньга», или просто «новгородка». «Новгородки» теперь чеканились на всех денежных дворах России, но осталось таких дворов только три — в

Москве, Пскове и Новгороде. Немного монет время от времени выпускала Тверь, однако существенного значения эти выпуски не имели.

Эта «новгородка» стала называться копейкой, так как на ней изображен был всадник с копьем. Начался длительный период единой серебряной копейки на Руси. В этом значение реформы 1535 года.

Руки отсекали, олово в горло лили и до реформы. При Василии III пытались наладить расшатавшееся денежное хозяйство. Главная беда его была в том, что срезали серебро с монет и выдавали обрезанные деньги за полновесные. Сохранился даже клад обрезков серебра с монет — наверное, его хозяин попался и был, мягко говоря, «наказан» и потому не сумел воспользоваться плодами своего мошенничества. Новое правительство тоже грозило казнями, и вскоре они затмили все, что Русь видывала прежде. И денежное дело стабилизировалось.

Изображение реформы 1535—1538 годов на миниатюре XVI века.
Молодой царь Иван и его мать Елена Глинская принимают от бояр новые монеты.

В единой устойчивой монете остро нуждались все слои населения. В XVI веке в денежную торговлю втянулись и крестьяне, и посадские люди, и землевладельцы. Иногда можно догадываться, что именно крестьянам принадлежали скромные клады копеек на 3—9 рублей, в изобилии сохранившиеся от XVI века.

Чеканили и деньгу «московку», вдвое меньшую по весу, чем «новгородка»-копейка. На деньге-московке изображали всадника с мечом. Ее назвали «сабельницей», но это название не удержалось. И наконец, выпускали, хотя и в малых количествах, полушку в четверть копейки или в половину деньги. На ней была птичка. Выпускали и золотые «новгородки», отчеканенные штемпелями сереб-

ряных копеек. Они предназначались для особых царских наград и подарков.

Хотя реформа унифицировала выпуск денег в Русском государстве, при Иване Грозном в денежном деле все еще сохранялись пережитки былой раздробленности. Но при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове они были преодолены, и русская серебряная копейка вступила в период своего «расцвета», в свой классический период. Только она чеканилась в России, притом в больших количествах и единообразного типа. Все монетные дворы были объединены под управлением московской денежной администрации. Деньги и полушки исчезли, хотя считать продолжали по привычке не на копейки, а по две деньги.

Уже в XIV веке на Руси считали на алтын, что составляло 6 денег. Он сохранился и в эти времена, только стал стоить 3 копейки, то есть 3 пары денег-московок. Денежный счет был очень архаичным, традиционным. Вес копейки оказался устойчивым, пережил и самого Ивана, и его сына Федора, и Бориса Годунова, и даже Лжедмитрия I. Такая стабильность веса представлялась необходимой для того, чтобы привлечь к монетному производству серебро частных лиц.

Как было организовано денежное дело в Москве в XVI веке? Герберштейн писал о чеканке монет «на дому». Во второй половине XV — начале XVI столетия действовала система откупа. Герберштейн сообщил кое-что о том, что серебро для чеканки приносят частные лица: «Почти все московские золотых дел мастера чеканят монету, и если кто приносит чистые серебряные слитки и желает иметь монету, то они взвешивают деньги и серебро и выплачивают потом тем же весом. Кроме того, существует небольшая и условная плата, которую надо отдать сверх равного веса золотых дел мастерам, в общем, дешево продающим свой труд». Другими словами, чеканили монету откупщики так же, как когда-то Иван Фрязин, и за свой труд брали определенное количество серебра. Часть этой платы оставляли себе, часть отдавали государству как откуп. Но во времена Ивана Васильевича государство прибрало денежное дело к рукам, и вместо откупной системы были учреждены государевы монетные дворы. Но они чеканили деньги из приносимого частными лицами серебра.

Своих источников природного серебра в России тогда не было. Делались попытки разведать залежи серебряных руд на Урале, на Северо-Востоке, но это было только начало. Монеты чеканили из привозного серебра, которое поступало в виде слитков, утвари, а с XVI века главным образом в виде иностранной монеты — талеров. Талеры на Руси называли ефимками — по первой части названия деревни в Чехии, где располагались знаменитые серебряные рудники «Иоахимшталь»: Иоахим=Ефим. В обращение талеры-ефимки не допускались, хотя и просачивались иногда. Они служили только источником сырья для чеканки копеек.

Привозного серебра не хватало, государство запрещало вывозить серебро из Руси. Но строго постоянный вес копейки привлекал на монетные дворы серебро, находившееся в частных руках, и баланс поступавшего туда серебра и выход его в виде монет, как и все денежное дело в целом, оставались стабильными.

И везли в Россию в течение XVI и XVII веков на кораблях и

телегах, упакованные обычно в бочонки, бесчисленные ефимки: и старые добрые полновесные германские талеры, которые часто называли «любскими» по городу Любеку, и более легкие, но высокопробные «италийские», и так называемые «новые», более легкие и худшие по качеству серебра, и нидерландские ефимки, которые называли «альбертусталерами», или «патагонами», с косым брабантским крестом, за что на Руси их звали «крестовыми», или «крыжаками», и талеры из Тосканы, и «одноногие» талеры-ефимки с изображением человека в профиль, так что видна была только одна нога. Встречались и «свицкие плешивцы» из Швеции, считавшиеся наихудшими по своему серебру и по весу, это были, наверное, шведские талеры с королем без короны, или монеты герцога Седерманландского, на которых этот благородный сеньор действительно показан лысым. Низко котировались голландские талеры с изображением льва («левендалеры»), которые на Руси называли «левковое серебро».

Раньше ввозили серебряные слитки, в XVI веке — крупную чеканенную монету. Серебро теперь расфасовано и как бы завернуто в «специальную упаковку» (по меткому выражению И. Г. Спасского) — отпечаток монетного штемпеля. И в этом виде оно шло в монетный передел. Через талеры дошла до Московии и «революция цен», вызванная в Западной Европе притоком дешевого золота и серебра из Америки. В течение всего XVI века цены на продукты, на хлеб неудержимо росли.

Талерами брали пошлины со всех ввозимых в Московию товаров. Но, кроме того, этот поток талеров стимулировался тем, что курс их на Руси оказывался выше, чем в Европе. Было выгодно везти талеры в Московию, а привезя, выгоднее было сдать в казну на монетный двор, чем просто реализовать на рынке: казна за сданный талер платила обычно больше. Да и рынок был так архаичен и неразвит еще, что часто заморскую монету просто не брали и не разменивали. Кроме того, правительство старалось не пускать талеры на рынок, а прямо выкупать их у заморских купцов. Оно стремилось монополизировать всю торговлю серебром, не допустить контрабандного ввоза ефимков и свободной торговли на них. Конечно, и частные лица, и купеческие компании, уплатив пошлины, продавали свои товары иноземным «гостям» за талеры, и часть их оседала у них. Вот свидетельство шведского дипломата начала XVII века Петра Петрея: «Купец берет деньги и, сосчитав, держит их во рту до тех пор, пока не отдаст товара покупателю, и не найдет времени спрятать их: часто бывает у них во рту до четырех или до пяти талеров, когда они продают или покупают, однако и разговаривают между собой без всякого затруднения для языка и не роняют изо рта денег до тех пор, пока не захотят их выронить нарочно». Кроме яркой картинки нравов на базаре швед заметил, что на рынках в Московии все же встречаются талеры. Но тем не менее большую часть этих монет сносили в казну, чтобы получить за них серебряные копейки. И казне была выгодна эта перечеканка, так как за каждый сданный талер она платила меньше, чем из него получалось монет.

Для каждого сорта ефимков было известно, как они очищаются при переплавке и сколько копеек можно из них получить. Учиты-

вался угар, то есть потери серебра при переплавке, низкопробное серебро давало больше угара. Велся тщательный учет серебра на каждом монетном дворе. Сохранились три книги Новгородского монетного двора 1610—1611 годов. Первая была озаглавлена так: «Лета 7119 (1610 г.) октября 1 числа на государевом денежном дворе у голов Василия Офонасьева сына Вышеславцева, да у Давида Исакова сына Бобровника, что в проносе у плавеж у торговых людей серебра, и что с плавежу сошло и что на плавежу платежу и что взято плавильной пошлины, и тому книга». Вторая книга: «...Что взято в казну серебра у торговых людей и что с того серебра взято золотничной пошлины и что ис тое золотничной пошлины на сливаньи угорело серебра в горшках, и тому книга». Третья книга называлась не менее длинно и сложно: «Что отдано денежным мастерам серебра, и что за то серебра за дело из золотничной пошлины денежным мастерам дано и что за дачею золотничной пошлины состанется, и тому книга».

В этих труднопонятных сейчас заглавиях учетных книг Новгородского монетного двора раскрывается организация самого главного дела в таком заведении — учета. Сначала принимали у заказчика серебро: лом, ефимки, слитки и т. п. и переплавляли, очевидно, в его присутствии. Плавка могла вестись несколько раз. Учитывались потери при переплавке (угар) и взималась плата. Все это записывалось в первую книгу. Серебро все еще оставалось собственностью заказчика. Затем оно принималось уже в казну для перечеканки в монеты. С заказчика удерживалась золотничная пошлина. Теперь делались записи во второй книге. Пока это были взаимоотношения монетного двора с частными лицами. А в третью книгу записывались отношения государства и монетного двора с монетчиками: сколько им выдано металла для изготовления монет, сколько монетчиками заплачено за «денежный передел», т. е. за чеканку, и т. п.

В трагические годы польско-шведской интервенции (1607—1612) и без того напряженные финансы России расстроились. Впервые со времен реформы 1535—1538 годов вес копейки понизился.

Методами сравнения штемпелей и изучения состава кладов советские нумизматы И. Г. Спасский и А. С. Мельникова выяснили многие подробности истории денежного дела той эпохи.

Василий Шуйский, отчаянно искавший выхода из создавшегося трудного положения, когда у Москвы стоял в Тушине Лжедмитрий II, обратился к шведам. Те требовали платы, и это создавало новые финансовые осложнения. Шведы изменили царю и отступили в Финляндию. Правительство Шуйского решило, чтобы выйти из денежных затруднений, выпускать золотые монеты и ими расплачиваться, так как серебра не хватало. Переливали золотые предметы в слитки для чеканки монет. Шуйский велел переделать в монеты золотые статуи 12 апостолов, которые хранились в Московской казне. «Святые пошли в народ», — сказал бы Христиан Брауншвейгский, который, как мы уже знаем, проделал ту же святотатственную операцию спустя 12 лет. Катастрофическое положение финансов заставило уменьшить вес серебряных копеек.

Понижение веса копейки осуществили польские интервенты в Мо-

скве в 1610—1612 годах. Они стали чеканить легковесные копейки с именем польского короля. Понизили вес копейки и шведы в Новгороде в 1611 году. Они скупали всю старую монету, переливали ее и выпускали легковесные монеты, битые старыми штемпелями копеек Василия Шуйского. Потом они стали эти легкие копейки чеканить фальшивыми штемпелями с именем нового царя Михаила Романова.

Один шведский нумизмат, обидевшись на эти исследования советских ученых, подверг их сомнению: как это шведы могли пойти на такие дела. Но оказалось, что сам король Густав-Адольф в 1615 году, стоя лагерем под Псковом, написал письма-распоряжения, чтобы в оккупированном шведами Новгороде снова стали чеканить русские копейки, на этот раз из талеров. На полученные при этом дополнительные средства предполагалось вести войну. Шведского короля разоблачили его же письма. «Мы не хотим, — писал он, — чтобы купцы и другие причастные лица что-нибудь знали, и должно быть скрыто вышеуказанное (т. е. закупка и доставка сотен тысяч талеров в Новгород. — *Г. Ф.-Д.*), что это требуется для чеканки монет». Шведский король приказал тайно чеканить русскую копейку. Даже если бы ее чеканили, как он велел, не хуже московской, все равно это было бы присвоением себе русской монетной регалии и принесло бы большой доход. Методом сравнения штемпелей выявлена группа монет, которые, видимо, и были отчеканены в Новгороде после этого письма короля, и они оказались все с заниженным весом.

Везти талеры в Россию было выгодно: сдав их в перечеканку и уплатив пошлины на границе и монетному двору, на полученные от каждого талера копейки можно было купить товаров больше, чем на этот талер на Западе. Еще выгоднее было привезти талеры и из них беспошлинно отчеканить копейки. В XVI веке такое право имела некоторое время английская торговая купеческая компания, но потом лишилась его. Еще выгоднее было отчеканить копейки за границей и потом, контрабандно провезя их в Россию, накупить на них товары. И так делали не только шведы в Новгороде. Есть подозрение, что, лишившись права беспошлинно чеканить копейки на русских монетных дворах, английское купеческое товарищество пошло на воровской путь — чеканили подделки за границей. И хотя эти «западные» копейки были не хуже настоящих русских, незаконный ввоз их приносил большую прибыль. Такими же делами занимались в начале XVII века датчане — сначала они делали копейки с именем датского короля, а потом с именами русских царей. Два монетчика Иоганн Пост и Альберт Дионис специализировались на такого рода подделке русской копейки. Эти датские монетчики не удержались и, стремясь получить больше прибыли, снижали вес копейки, полностью оправдав свою репутацию фальшивомонетчиков. В эту малопочтенную компанию попадает и шведский король Густав-Адольф.

В борьбе с польской оккупацией создалось нижегородское ополчение. Руководители его выпускали свою монету на временном монетном дворе в Ярославле. Там приняли легкий вес копейки, поскольку она была уже испорчена поляками и шведами. Монеты Ярославского монетного двора, чеканенные во время остановки там Ниже-

городского ополчения, были выявлены после сличения десятков штемпелей и изучения их соотношений. В мае 1613 года некий Максим Юрьев подал челобитную о предоставлении ему работы на Московском монетном дворе. Он писал, что раньше работал на Ярославском дворе, до перевода его в Москву. Этот документ сохранился. Так стало известно о деятельности Ярославского монетного двора до 1613 года. Было предположено, что монеты с буквами С/Яр — это и есть копейки, выпущенные в Ярославле. Но оборотная сторона их имеет имя царя Федора Ивановича, давно умершего, когда ополчение чеканило монету в Ярославле. Чье-то царское имя нужно же было чеканить и выбрали имя Федора — нейтральное и вместе с тем принадлежащее к древней царской династии, не узурпатора — Годунова, не выборного царя — Шуйского. Соотношения штемпелей показали, что те чеканы, которыми биты оборотные стороны ярославских монет, не связаны со штемпелями монет царя Федора, более тяжелых и действительно чеканенных в его царствование. Другими словами, не нашлось монет, у которых одна сторона была бы оттиснута чеканами с ярославской монограммой, а другая — штемпелем подлинных монет Федора. Наоборот, чеканы с монограммой С/Яр связаны со штемпелями монет Михаила, так как они были привезены в Москву, когда монетный двор в Ярославле был ликвидирован и переведен в столицу, о чем и писал в своей челобитной Максим Юрьев.

В XVII ВЕКЕ...

В XVII веке кончилась такая организация денежного дела, при которой частные лица свободно несли серебро на монетные дворы. Государство забирает в свои руки все обороты с серебром и снабжение сырьем монетных дворов. И вес копейки потерял стабильность. Из гривенки серебра (204 г) в XVI веке чеканили 300 копеек, в 1613 году — 400 копеек, в 1628 году — 425 копеек, в 1648 году стали выпускать, видимо, копейку из более плохого серебра, хотя и того же веса.

Неустойчивость веса копейки оживила деятельность фальшивомонетчиков. Вот одно из тысяч дел о «воровских деньгах» середины XVII века. У мальчика Ивашки Данилова сына Шатилова нашли на торгу фальшивые копейки. Мальчишка в сыскной избе признался, что «те воровские деньги дала ему мать Онтонида». И мать и отец Ивашки были немедленно арестованы. Отец, Данилка Шатилов, признался, что делал «воровские деньги», и не один, а с «боярскими детьми» Гришкою Куребоновым и Сенькою Романовым да с «гулящим человеком» неким Кислово. Чекан фальшивомонетчиков был сделан Данилою Шатиловым с Гришкою Куребоновым в кузне у Данилы. При обыске у Данилы был найден и изъят маточник и «денежные снасти». Этот маточник Гришка Куребонов купил 4 года назад у Шацкого посадского человека Бориса Верещагина, а остальные «снасти» купил Данила у боярского сына Жданки Лесунова и его брата Петра.

Шатилов не упускал случая самому продать «воровские» чеканы. Целая организация фальшивомонетчиков, и таких сотни и тысячи.

Денежное дело к середине XVII века вступало в полосу кризиса. Требовались какие-то меры. И в 1654 году правительство царя Алексея Михайловича начало денежную реформу. Нужно было поправить тяжелое экономическое положение России, разоренной войнами. Хотели также как-то модернизировать денежное хозяйство. Хотя у населения и было какое-то количество ефимков-талеров на руках, в денежное обращение они не поступали. Вспомним московский клад в 3398 песо из Ипатьевского переулка. В нем не было ни одной русской копейки. Это не деньги, изъятые из обращения и готовые в случае нужды вновь в него влиться. Это клад сырья, металла, приготовленного для продажи казне.

Но крупная монета была нужна. В это время в Московской Руси складываются значительные купеческие торговые капиталы. Купец Никитников водил свои суда до Астрахани и даже хотел, как говорили, купить у Строгановых вотчину за огромные деньги, а другой купец Воронин имел в Москве три десятка лавок, где торговали сукном и разным другим товаром. До нас дошли клады копеек XVII века на 200—300 рублей — значительные суммы для того времени.

Считать большие суммы мелкими копейками было трудно. Во всей Европе и кое-где на Востоке ходил талер как основная серебряная монета. Обращался он и на только что воссоединенной с Россией Украине. А на Руси — нет.

Копейка считалась по тогдашним ценам крупной единицей и притом неразменной. Покупать ежедневно всякий мелкий товар на рынке было на нее затруднительно.

Требовалось ввести на Руси новый рубль в талер, пригодный для обращения на Украине, но сделать это так, чтобы сохранился старый русский счет на 100 копеек, и при этом казна получила бы как можно больше дохода. Поспешность, неподготовленность предполагаемой реформы погубили благое начинание.

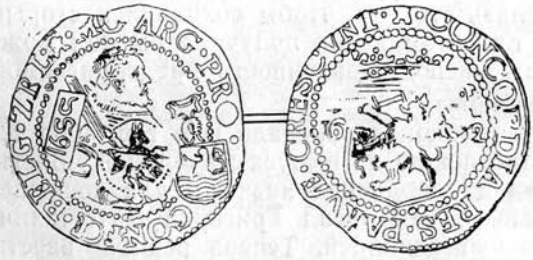
Еще в 1645 году государство монополизировало всю торговлю серебром. В 1654 году правительство пошло на выпуск серебряной монеты с резко повышенным курсом «для пополнения казны и для поспешения ратным людям на жалованье», как писал Григорий Котошихин. Раньше рубль был только счетной единицей. Теперь решили ввести реальную серебряную денежную единицу — рубль, номинально равный 100 старым копейкам, а по весу равный серебряному европейскому талеру-ефимку в 28—29 г. Вес ефимка не был равен 100 серебряным монетам, он весил значительно меньше, около 64 копеек. Тем самым серебряному рублю был придан значительный принудительный курс. Рубль чеканили прямо из привозных талеров, и на них были видны обычно следы прежней чеканки. Кроме того, выпускали медные полтины (1/2 рубля). Им тоже был придан принудительный курс, так как стоимость меди в полтине была не вдвое меньше рубля, а примерно в 60 раз. Выпущены были и серебряные полуполтины, равные четверти рубля, тоже с принудительным курсом в виде четвертушки талера с русским штемпелем. Старые монеты не изыма-

лись из обращения; предполагалось их постепенно выудить у населения налогами, которые, объявлялось, будут брать в старых копейках.

О том, что новый рубль предназначался и для Украины, ярче всего говорил титул царя, помещенный на нем. Алексей Михайлович назывался на монете «царем и великим князем Всея Великия и Малыя России». Штемпелями, приготовленными для рубля, отчеканили золотую монету — подарок Богдану Хмельницкому.

Но не был учтен тот самый закон, по которому монета с меньшим количеством драгоценного металла вытесняет монету того же номинала с бóльшим количеством металла: в новых рублях на копейку приходилось 0,28 г, а в старых копейках было 0,45 г серебра. Население сразу же стало придерживать старую копейку.

Косный, традиционный внутренний рынок Московии не принимал крупной монеты талерного веса, каким был новый рубль. Раньше делалось все, чтобы не допустить талер на рынок, а теперь тот же талер, только с русским штемпелем, навязывали населению, да еще со значительной принудительной надбавкой в курсе. Усилия правительства ввести его в обращение не были достаточно энергичны. Не сумели обеспечить выпуск новых монет в потребном количестве. Введенные в производство новые молотовые снаряды для чеканки ломались; для вырезывания штемпелей имелся только один мастер. Вскоре стало не хватать денег для торговли на рынке и для правительственных платежей. Крестьяне отказывались продавать товары на новые деньги, везти сено и дрова в город. Служилые люди, получив жалованье в новых деньгах, должны были все покупать на них вдвое дороже. Прибыль была от тех денег малая, а смута великая. Нужно было срочно принимать какие-то меры.



Ефимок с «признаком» 1655 года.
Памятник неудавшейся денежной реформы Алексея Михайловича

В 1655 году выпустили большое количество талеров с надчеканками — «признаками» в виде копеечного клейма со всадником и другого клейма с датой «1655». (табл. XIII). Эти талеры приравнивались к 64 старым серебряным копейкам и весили столько же. Правительство отказалось от принудительного курса рубля, чтобы как-то нейтрализовать дурные последствия выпуска рубля в 1654 году. Талер покупался казной у иностранцев за 50 копеек, а надчеканенный талер-ефимок с «признаком» шел по цене 64 копейки. Надчеканка нужна была для того, чтобы ефимок не поступал на рынок, минуя казну, лишая ее тем самым дохода в 14 копеек на каждой монете. Торговать на ефимки без «признака» запрещалось. Большая часть ефимков с «признаком» пошла на выплату жалованья войскам.

Разрезанный на 4 части и снабженный русским штемпелем та-

лер-ефимок продолжали оценивать в полуполтину, т. е. 25 копеек, с превышением номинальной стоимости над реальной.

Осенью 1655 года правительство начало чеканку медной копейки такого же вида, как серебряная. Объявили, что она равноценна серебряной. Серебряная копейка приравнивалась к такой же примерно по весу медной монете, а соотношение цен меди и серебра было совсем иное. Надеялись, что привычного вида копейка, пусть даже медная, будет принята населением и на нее будут торговать. И действительно, в начале народ принял медную копейку. Но не учитывали реальной стоимости меди и придали медным деньгам слишком большой принудительный курс. Это шло вразрез с рыночной ситуацией, нарушало традиции русского денежного дела. И хотя реформа дала царю большие дополнительные средства, последствия ее были катастрофическими. Медную копейку стали чеканить в очень больших количествах. Для ее производства были вновь открыты Псковский и Новгородский монетные дворы, закрытые в первой половине XVII века, когда правительство стало максимально концентрировать в своих руках денежное дело страны. Но курс и покупательная способность медных копеек резко пали вскоре после того, как они появились на рынке. Ходило много фальшивых медных копеек. Налоги продолжали взимать серебром, а народ не хотел его отдавать, так как перестал верить медным монетам и вообще считать их за деньги. Население стало прятать, зарывать в землю старые серебряные деньги, и правительству не удавалось полностью извлечь их из обращения. Вот, например, огромный клад, найденный в Москве на Ильинке (теперь это улица Куйбышева). В нем примерно 22 тысячи серебряных копеек предреформенной чеканки. Это памятник неудавшейся реформы Алексея Михайловича.

В конце концов, через 7 с небольшим лет после начала финансовых мероприятий, реформа привела к грозному восстанию 1662 года. Эти события вошли в историю как «Медный бунт». Он был, конечно, подавлен, но и реформу пришлось отменить. Вернулись к старому положению, т. е. к серебряной копейке. Сочли, и правильно сочли, что так будет безопаснее и благоразумнее.

В 1670 году из медных копеек, которые теперь были не нужны, отлили красивую медную решетку, которую установили в Московском Кремле. И продолжали купцы везти в Россию талеры, и выкупало их правительство, и делало из них серебряные копейки. И оставалась Московия особым миром отсталого ремесла и торговли, редких мануфактур и примитивных финансов, миром архаического обращения копейки, охраняемого государственными таможнями. Талер, свободно обращающийся во всей Европе, не мог в него пробиться.

В. О. Ключевский писал: «Царь Алексей Михайлович... одной ногой еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении... Чтобы не выбирать между стариной и новшествами, он не разрывал с первой и не отворачивался от последних».

Действительно, в решениях московского правительства во время реформы 1654—1655 годов есть что-то похожее на движения человека, балансирующего на одной ноге.

Во второй половине XVII века увеличивался приток фальшивых и низкопробных талеров. Вот история, сохранившаяся среди дел приказа Большой казны.

В 1675 году голландский купец Вахромей Миллер с товарищами принес на Московский монетный двор серебряные талеры-ефимки числом 16 745, выдав их за «любские». Их стали плавить, чтобы перечеканить в русские деньги. Но когда часть серебра была переплавлена, то выяснилось, что талеры содержали очень плохой металл и работать с этим серебром нельзя. Угар оказался слишком велик. «Вахромеевские» ефимки хуже «любских», донесли монетчики в приказ. Но Миллер стоял на своем, утверждая, что его серебро хорошее. Дело дошло до Боярской думы. Царь указал, а бояре приговорили «охульное» миллеровское серебро переплавить, и если получится слишком большой угар, то недостаток серебра взыскать с иностранных купцов хорошими ефимками. На этот раз серебро должны были плавить в присутствии заинтересованных лиц: Вахромея Миллера и его товарищей, некоторых других купцов, мастеров-монетчиков и иноземных серебряных дел мастеров. Люди Миллера для плавки принесли селитру, буру и винный камень. Русские мастера усомнились, что эти добавки поправят дело. Но все же для пробы полпуда серебра решили переплавить. На этот раз плавку произвели иностранные мастера. Снова угар получился очень большим, а серебро в ковку не пошло. К тому же у иностранцев горшок лопнул, и серебро растеклось в горне. Тем временем умер Алексей Михайлович, на престол вступил Федор Алексеевич, но дело о миллеровском «охульном» серебре продолжалось. Иноземцы просили дозволить еще одну пробную плавку, и снова серебро ломалось, при волочении рвалось, для чеканки не годилось. Но правительство не стало штрафовать Миллера за явную попытку обмана и опять стало плавить серебро, на этот раз по русскому способу «на кости», т. е. с добавлением костяного угля. Шел уже май 1676 года, а в июле после ряда проб было подсчитано, что со всего количества миллеровского серебра будет угара свыше двух пудов (примерно 9 процентов). Это заключение монетного двора иностранные гости обжаловали. Они просили произвести новые пробные переплавки их серебра, купить их ефимки и отпустить их по торговым делам в Архангельск. Они заявляли, что такая мера будет способствовать привозу ефимков другими купцами в Русское государство. И снова серебро было признано негодным для чеканки. Но, наконец, в августе того же года вся компания иноземных гостей была отпущена в Архангельск, серебро было признано пригодным для чеканки денег с определением нормы угара, за которую Миллер и его товарищи должны были заплатить. Возможно, голова денежников, который все время противился такому решению, Григорий Шустов, на этот раз дал себя задобрить (вскоре, может быть из-за этого дела, он был смещен со своего поста). Всю партию ефимков переплавили только 26 сентября следующего, 1677 года. Угара получилось примерно столько, сколько было подсчитано раньше: около двух пудов. Серебро на этот раз было, наконец, принято для чеканки копеек.

Реформа Алексея Михайловича не удалась, но дни старой серебряной копейки были уже сочтены. В результате постоянных снижений веса она превратилась в такую маленькую денежную единицу, что на одни подсчеты нужно было тратить очень много времени. Чеканка больших масс монет была трудна при старой технике. И когда Петр взял курс на переустройство всей жизни России на новый лад, он не мог, конечно, оставить эти маленькие копеечки, которые он ненавидел, считал символом старой боярской Руси. Коммерция Российской империи требовала их замены. Перед Петром стояли те же задачи в области денежного хозяйства России, что и перед правительством Алексея Михайловича в 1650-х годах. Нужна была крупная монета общеевропейского типа, пригодная и для Украины, нужна была и мелкая разменная монета мельче копейки. Но требовалось сохранить при этом старый денежный счет на рубли и копейки. И если уж проводить реформу, то следовало это делать так, чтобы извлечь какой-либо дополнительный доход для казны. Но хорошо помнили уроки «Медного бунта» и понимали главную ошибку той реформы—неподготовленность, торопливость, расхождение с традицией.

Только что вернувшийся из-за границы, побывавший там и в минц-кабинетах и на монетных дворах Петр горел нетерпением. Но все же реформу решили проводить в несколько этапов, по возможности тактично, исподволь, постепенно подготавливая население.

Было ясно, что снижение веса копейки население стерпит, а прямое введение рубля с принудительным курсом, как сделало правительство Алексей Михайловича, рынок не примет. И начали с копейки.

В начале 1698 года был снижен вес копейки до 0,28 г. Она весила теперь сотую часть талера. Счетный рубль стал равен по весу талеру. Затем ввели в обращение медные монеты, по своему достоинству представлявшие доли копейки — «деньга» (половина копейки) «полушка» (четверть копейки), «полуполушка» (восьмая часть копейки). Было заверено, что 4 полушки будут равны серебряной копейке. Создавалась видимость того, что серебряная копейка сохранится и ненавистная со времен «медного бунта» медная копейка не будет введена. Понижение же веса серебряной копейки, как и ожидалось, привычное к этой операции население приняло сравнительно спокойно, хотя копейке придавался высокий принудительный курс, и правительство, выдавая 100 новых легких серебряных монет копеек за счетный рубль, получало более 30 копеек прибыли с каждого рубля.

В 1701 году Петр вводит серебряные монеты нового вида в 50 («полтина»), 25 («полуполтина»), 10 («гривенник») и 5 («десять денег») копеек. К этим деньгам впервые в русском языке было применено слово «монета» — когда-то эпитет римской богини, по странной случайности во всем мире закрепившейся в денежном деле.

Эти монеты весили столько, сколько соответствующее их номиналу количество серебряных копеек. Их легко принимали на рынке. Петр сумел наладить массовое производство крупной серебряной монеты, используя новую иностранную технику.

Только после всех этих подготовительных действий в 1704 году Петр I приказал выпустить серебряный рубль и к нему медную копейку стоимостью в 1/100 рубля. Вес рубля был равен счетному рублю в 28 г, т. е. он был равен ста уже обращающимся серебряным копейкам старого облика в 0,28 г. Поэтому новый серебряный рубль не вызвал особого противодействия у населения. Желая показать, что денежный счет на Руси не изменился, выпустили тогда же и серебряный алтын в 3 копейки. Чеканка медных денег с принудительным, по сути дела, курсом (стоимость меди в копейке была не эквивалентна стоимости 0,28 г серебра) давала большой доход.

Для государственных расчетов и внешней торговли тогда же начали чеканить и золотые монеты.

Старые серебряные деньги не изымались из обращения, хотя Петру не терпелось с ними покончить, с этими «старыми вшами», как он их называл. Прекратить их чеканку смогли только в 1718 году. Наконец, все копейки стали делать медными. Постепенно старая серебряная, чеканенная на проволоке копейка, бывшая основной русской монетой в течение XVI и XVII веков, навсегда исчезла с рынков России.

Доход от реформы, вначале громадный, вскоре стал резко сокращаться. В казну поступали подати уже не в виде серебра, а в виде меди, а серебро оседало в клады, оставалось на руках. Правительство стало усиливать прямой налоговый гнет.

Но все же реформа восторжествовала. Она унифицировала денежное обращение во всей стране, дала возможность рынку оперировать с долями копейки, что раньше было очень трудно. Она вывела денежную систему России на просторы мировой торговли, где господствовали монеты талерного веса.

Следует добавить, что петровская денежная реформа создала наиболее простой, рациональный денежный счет, какой только можно себе представить. Рубль относился к копейке как 100 к 1. В Америке система доллара и его сотой части — цента — была введена только в 1792 году. В 1793 году во Франции приняли систему ливра, позднее, с 1795 года — франка, содержащего 100 сантимов, а традиционная Англия перешла к стократной системе только в 1971 году, приравняв свой фунт стерлингов к 100 пенсам.

Петр проводил денежную реформу в тяжелых условиях Северной войны, которая истощала финансы России. При этом он стремился извлечь из монетного дела дополнительные средства. «Деньги — суть жизнь войны», — заметил как-то Петр. Хорошо понимал это и его противник Карл XII. В Швеции в то же примерно время были выпущены так называемые «нотдалеры Герца». Финансовый советник короля барон Герц организовал выпуск медных монет номиналом в 1 серебряный далер. Их пышно украсили фигурами античных богов. Это были деньги с принудительным курсом. Когда война кончилась Ништадтским миром, курс этих медных нотдалеров был снижен до половины серебряного далера, и потом они совсем обесценились и на рынке их никто не принимал.

Экономическую политику европейских монархий XVI—XVII веков обычно называют меркантилизмом. Считалось, что сила и богат-

ство страны — в сбыте товаров, произведенных собственной отечественной промышленностью, и в ввозе металлических денег, серебра и золота. Вывоз благородных металлов рассматривался как ущерб государству. Мы видели, как боролись король и парламент Англии в XVI веке с этим злом.

Русская монархия XVII века тоже проводила политику меркантилизма, но в условиях отсталой экономики. Главными ее рычагами была монополия на внешнюю торговлю. Производство оставалось мелким, ремесленным.

Швед Кильбургер писал, что в Москве XVII века больше лавок, чем в Амстердаме, но «эти лавки малы и ничтожны по своим оборотам и из одной амстердамской лавки можно сделать десять и даже больше московских». И это при зарождении крупных русских торговых капиталов, требовавших совсем другой организации и финансового обеспечения.

Одним из выразителей меркантилизма при Петре I был Посошков. Он сам был «уставным денежного дела мастером». В его книге «О скудости и богатстве» можно найти все, что характерно для этого экономического течения, — и призыв к бережливости, к отказу от ввоза предметов роскоши, за которые надо платить серебром, и заявление, что Россия может обойтись без европейских товаров, а Европа не может без русских. И тут же старая как мир теория денег: обиженный на то, что иноземцы якобы сами устанавливают курс на русские деньги, Посошков пишет: «Деньги нашего великого государя ценят, до чего было им (иноземцам) ни малого дела не надлежало», и далее: «А наш великий император сам собою владеет (т. е. самодержавен), и в своем государстве еще и копейку повелит за гривну имать, то так и может правиться».

За полвека до книги Посошкова уже был сделан опыт «копейку за гривну имать», и кончился он бунтом. Петр I и его правительство были дальновиднее Посошкова, который утверждал, что власть из ничего может делать деньги, стоимость. Петр I использовал всю мощь царской власти, чтобы выжать дополнительные средства из денежного обращения, но он понимал, что выжимает их из народа, и проводил свою реформу с оглядкой на народ, на его привычки и традиции.

Реформа Алексея Михайловича не удалась, так как была попыткой просто так, царевой волей «выдавить» из и без того расстроенного денежного обращения новые доходы. Реформа Петра I оказалась удачной кроме всего прочего еще и потому, что базировалась на широкой программе преобразования всей экономики в стране.

В права вступал XVIII век.

Глава 5

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОНЕТЫ XVIII—XX ВЕКОВ

В новое время монеты перестают быть важным источником по истории экономики. С ними почти всегда все ясно — кем, когда и где они чеканены, по какому случаю. Собственно нумизматических проблем по определению, атрибуции этих монет обычно не возникает, хотя и попадаются иногда головоломки, решить которые очень трудно. Каждая эмиссия каких-либо монет, как правило, документирована архивами Монетного двора, Министерства финансов, правительства. Эти документы — главный источник по истории монет, торговли, финансов.

Кроме того, металлические монеты уступают свою роль бумажным деньгам. Но все же некоторую, а иногда и важную роль в денежном хозяйстве они еще долго играют. Остаются они и мощным пропагандистским средством и потому являются интересными памятниками своей эпохи.

Вот первая официальная монета США. Она из меди, чеканена в 1787 году. Это так называемый «цент фугио». На одной его стороне солнце, солнечные часы и слово «Fugio», что значит по-латински «бегу» — время, мол, летит, бежит, а доллары капают, не упусти их. Основная буржуазная добродетель, по Франклину, — берегите время. И словно в разъяснении этого девиза тут же надпись по-английски: «Mind your business» — «делайте свой бизнес».

Великая французская революция конца XVIII в. Король еще царствует, но одновременно правит Национальное собрание. Обращаются еще монеты старого режима, но они постепенно исчезают. Национальное собрание выпускает ассигнации, бумажные деньги, медные денежные жетоны с принудительным курсом и революционными символами и лозунгами. В 1791 году Собрание принимает закон о новых монетах. На них остается портрет короля. Но теперь он уже не «король Франции», а «король французов». Этому оттенку придавалось большое значение. «Король Франции» — суверенный, богом поставленный над народом монарх; «король французов» — вроде бы первый среди граждан, их правитель. Старая латинская легенда королевских монет: «Sit nomen Domini Beudictnm» заменяется другой: «Царство закона». На обороте медных монет граждане революционной Франции читали: «Нация, закон, король». На золотых и сере-

бряных монетах они видели крылатого гения, который писал на скрижалях слово «Конституция», а рядом — гальского петуха, символ бдительности, и фригийский колпак, символ свободы, над ликторским топором. Ликторский топор — оружие охраны консула в Древнем Риме — обкладывался прутьями, все это туго перевязывалось. Как прутья вокруг топора плотно прилегают один к другому, так должны быть объединены граждане Республики. Дата помещалась двойная — 1792 год и «4-й год свободы».

Резко меняется облик короля на монетах. Теперь это заплывший жиром толстый напыщенный человек, так непохожий на изящный молодой профиль, который помещали на монетах еще в 1789 году (табл. XIII). Но король до конца держался за привилегию изображать себя на монетах. Между прочим, он поплатился за это. Когда он тайком бежал от восставшего народа, его случайно у границы опознали по изображению на монете и вернули в Париж. Эта привилегия буквально стоила французскому королю головы. Еще до казни Людовика XVI его изображение на монетах исчезло, осталась только революционная символика. После уничтожения монархии в 1792 году на монетах появляется дата в новой эре — эре Республики и надпись «Французская Республика».

Металлических монет времен Великой французской революции было мало. Обращались главным образом бумажные деньги с неустойчивым курсом, что вызывало рост цен. Революционное правительство пыталось бороться с этим. Потребность в золоте и серебре заставила пойти в 1793 году на запрещение всякой металлической монеты и конфискацию драгоценных металлов, в том числе золотой и серебряной монет у частных лиц. Такое положение сохранялось до 1795 года. В этом году стал чеканиться серебряный франк, который сделался потом главной монетой Франции и нескольких десятков африканских государств. Когда-то в средние века такой номинал выпускался, но недолго. Теперь он появился вновь в сопровождении эмблем, взятых из древней мифологии: на 5-франковике был Геракл, слева и справа от него — две женские фигуры, означающие свободу и равенство. Буржуазная революция рядилась в античные одежды. Легенда на этих монетах гласила: «Единство и сила».

Монеты чутко воспринимают все перипетии исторической жизни страны. Наполеон одерживает одну из первых своих ослепительных побед при Маренго. И в побежденном Турине в 1800 году чеканят золотые памятные монеты, получившие название в честь этого боя «маренго». На них была такая надпись: «Италия освобождена в Маренго». Наполеон приходит к власти, на монете легенда: «Наполеон — первый консул», а на обороте — «Французская Республика» и год в республиканской эре. В 1804 году появляется новая монета. На ней Наполеон титулуется как «Император», но на обороте остается «Французская Республика» (табл. XIII, XIV).

В 1806 году на монетах перестали помещать республиканские даты — перешли к христианской эре. С 1809 года, когда Наполеон круто меняет свой внутренний и внешний курс и окончательно рвет с традициями революции, он приказывает поместить на монетах титул: «Наполеон Император Империи».

Портрет Наполеона на монетах выполнен в стиле классицизма времен Империи и отличается высоким качеством гравировки и оттиска (для производства монет стали применять теперь паровой пресс). Наполеон — первый консул представлен юным героем, устремленным к славе, к новым победам, которые принесут лавры всей нации. Наполеон-император заметно отяжелел, потолстел. Но вот наступает крах Империи. Гравер Тиолье, который так удачно создал образ Бонапарта на монетах, при Реставрации, еще до знаменитых «ста дней», спешит вырезать, так же старательно и тщательно, бюст Людовика XVIII для монетных чеканов нового режима. Теперь снова «король Франции», а не «французов», красуется на деньгах. Героическая «римская» голова Наполеона сменяется «барочным» профилем толстого Бурбона со сложной прической, с косой, завязанной лентой (табл. XIV). Новый король похож на своего казненного родственника — жирная шея, тяжелый подбородок, горбатый нос. На оборотной стороне монет — три королевских лилии. Все старое, только название монеты — франк — сохранилось от революционной эпохи. Тиолье, вероятно, очень старался угодить новому королю, но после «ста дней» Наполеона он почему-то был отстранен от королевской чеканки.

После революции 1830 года пришел к власти Луи-Филипп, представитель Орлеанской династии, король «денежных мешков». Он стал вначале выдавать себя за сторонника конституции и ставленника всей нации, даже ходил по Парижу в коротком сюртуке и с зонтиком как обыкновенный «человек из народа». Луи-Филипп чеканил монеты с титулом «король французов», вместо «король Франции». При нем вспомнили и о парижском медальере Тиолье, который изготовил для нового короля монетные штемпели, но «забыл» поставить цифру I после его имени. Луи-Филипп усмотрел в этом оскорбительный намек: у всех королей были номера, а у него нет. Были заказаны новые штемпеля другому мастеру.

Разразилась революция 1848 года, и на монетах появляется лозунг «Свобода, равенство, братство» и старый символ — Геракл с двумя женскими фигурами (на монете в 5 франков) (табл. XIV). Вспоминают и другую композицию времен Великой революции — крылатый гений, фригийский колпак и гальский петух (20 франков).

Революция гибнет, приходит к власти Наполеон III. На выпущенных в 1852 году монетах он пока еще Луи-Наполеон Бонапарт. На обороте их надпись: «Французская Республика». Но вскоре появляются деньги, где он уже «Наполеон III Император», а на обороте — «Французская Империя» и зловещий герб: орел, держащий сноп молний.

Падение Наполеона III стало поводом для выпуска сатирических денежных жетонов. Один из них в 10 сантимов изображает бывшего императора с цепью вокруг шеи и надпись «Наполеон-ничтожество», а на оборотной стороне — карикатурный орел и легенда: «французский вампир».

В первые годы Третьей республики во Франции (1870-е годы) чеканили монеты, на которых помещали старые республиканские символы, потом изображения изменились, хотя лозунг «Свобода, равенство, братство» остался. Он так прочно соединился с республикан-

ской Францией, что его нельзя было убрать, хотя буржуазия давно с ним рассталась. Рисунки на монетах этого времени различны: то сеятельница-крестьянка — символ экономического процветания, то голова Виктории — символ военной силы, то гальский петух, означающий бдительность.

Во время второй мировой войны при правительстве Виши великий лозунг Французской революции был все-таки снят, и на монетах появилась такая надпись: «работа, семья, отечество» — не стремись, мол, к свободе, не борись за равенство и братство людей, у тебя есть работа и семья, будь благонамеренным гражданином и тебе будет хорошо — говорили эти монеты маршала Петена. Характерно, что на их оборотной стороне стояло не «Французская Республика», а «Etat Français» — Французское государство».

Таковы монеты Франции нового времени. Их изображения и легенды пронизаны политикой. И они не исключение. Возьмем монеты Германии. Победа над Наполеоном долго тревожила историческое тщеславие князей, королей, а потом кайзеровского правительства. В Ганновере Георг V в 1865 году выпустил памятный талер в честь 50-летия битвы при Ватерлоо. В 1913 году в Германии так же были выпущены монеты в память войны с Наполеоном. На них прусский народ представлен так: солдаты, бюргер, мать с ребенком, офицер — все вокруг прусского короля. Тут же надписи: «Король позвал и все пошли» и «С богом за короля и отечество». На другой стороне — орел и надпись «Германская империя, 1913 г.». Накануне первой мировой войны Германия вспоминала свои прошлые победы, даже войну с Наполеоном, в которой ей, по правде говоря, мало чем было гордиться.

На монетах нового времени мы не найдем той уникальной информации, не содержащейся ни в каких других источниках, какая была на монетах древних и средних веков. Но все же очень интересно и поучительно читать эти надписи, рассматривать изображения и сопоставлять их с историческими событиями.

Монеты XIX—XX веков очень разнообразны. В колониальное время для каждой колонии, как правило, чеканилась особая монета. После того как многие страны Азии и Африки приобрели самостоятельность, это многообразие резко увеличилось. Уже одно перечисление эр, в которых даются даты выпусков на монетах, показывает это довольно убедительно. Сохраняется эра хиджры — мусульманское летосчисление. На Цейлоне, в Таиланде фигурируют даты в буддийской эре. В Таиланде есть еще монеты с датами в бангкокской эре — от основания Бангкока в 1782 году. В императорском Китае на некоторых монетах конца XIX и начала XX века (до 1911 г.) даты обозначали двумя иероглифами: один — номер шестидесятилетнего цикла, другой — год внутри этого цикла. А изображения? Это главным образом гербы, а в странах с монархическим режимом — портреты правителей и обозначения номиналов, которых тоже великое множество.

Но встречаются другие изображения, напоминающие об особых событиях или передающие своеобразие страны. Вот перед нами на королевских монетах Бирмы павлин с роскошным хвостом; два туземца с лодками-пирогами на монетах Британского северного Борнео;

щетинистый изгибающийся дракон на монетах Вьетнама эпохи империи. На деньгах Британской Индии кроме коронованных особ можно найти изображение пантеры, на монетах Бомбея — весы и слово по-арабски «справедливый», т. е. правильный, законный — старинный термин, обозначающий «правильность» металлических денег в мусульманских странах еще со времен средневековья. Священный бык изображен на индийских монетах, чеканенных в провинции Индур. На монетах французских владений в Индии — лилии и гальский петух, во французском Индокитае времен правительства Виши — фригийский колпак. На монетах Нидерландской Индии начала XIX века — романтические парусники, Ирана — лев и восходящее над ним солнце — старинный герб страны. На деньгах Цейлона мы увидим слона, пальму, а на одной крупной монете — целую процессию идущих по кругу животных. На японской монете есть изображение любимой японцами Фудзиямы. На монетах Таиланда — слон, памятники местной архитектуры, религиозные символы. На денежных знаках Ливана, конечно же, ливанский кедр, но также и финикийская ладья.

Очень редко, но все же встречаются деньги, выпущенные не государством, а от имени отдельного лица или фирмы. В XVII—XIX веках в Англии, а в XIX веке в США, Канаде, Австралии и кое-где еще чеканилась частная монета. Например, в XIX веке банкир Бэтсрел изготовил в своих мастерских в Северной Каролине монет на 11 млн. франков золотом. На них он обозначил их вес, свое имя и местожительство.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ДЕНЕЖНОГО ДЕЛА

Русское денежное дело XVIII—XIX веков представляет прекрасные иллюстрации и дополнения к истории Российской империи. После денежной реформы Петра I стали выпускаться серебряные рубли и различные номиналы медных денег (табл. XV). Казна получила громадный доход от проведения этой реформы: в период с 1701 по 1707 год он составил около 4,4 миллиарда рублей!

Денежное дело в России в XVIII веке испытывало недостаток сырья. Не хватало, в частности, меди.

Беспощадно эксплуатировалась монетная регалия в области медной чеканки. Монеты делались все легче и легче. Из пуда меди изготавливали монет: в 1704 году — на 12 рублей 80 копеек, а в 1718 году — на 40 рублей. Стоимость же материала и работы по чеканке составляла примерно 7 рублей. При преемниках Петра I расстройство финансов и денежного дела, проистекавшие от своекорыстия правивших верхов, усилилось и приняло угрожающие размеры.

Накопив резервы меди и серебра, правительство предприняло в 1730 году попытку как-то упорядочить денежное дело, расстроенное порчей монет. Выпустили повышенной пробы серебряную монету. Увеличен был вес медных денег. После 1755 года медь чеканили по 8 руб-

лей из пуда. Старые монеты подлежали изъятию из обращения и обмену на новые. Но у правительства не хватало денежных ресурсов для этого. Пришлось допустить обращение одновременно и старых и новых монет. А это не дало того эффекта оздоровления денежного дела, какое ожидалось, скорее, даже нанесло финансам ущерб. В казну стали поступать легковесные монеты, собираемые в виде налогов, а полновесные население придерживало и прятало.

Огромные траты двора императрицы Елизаветы, война с Пруссией, другие расходы — все это заставило русское правительство в 1756—1758 годах снова резко снизить вес монет. Были выпущены легкие пятаки, двухкопеечные монеты, копейки, деньги и полушки. Новых монет начеканили громадное количество — около 11 миллионов рублей. Это, естественно, принесло большой доход, ведь за более легкими деньгами сохранялось прежнее достоинство по номиналу. А правительство объясняло это заботой о народе, которому торговать нечем и который нужно скорее обеспечить монетой. «...В обращении осталось мало разменной монеты, а по 16 рублей из пуда быстрее начеканить можно, чем по 8 рублей», — говорилось в указе 1756 года с таким глубокомыслием, как будто правительство Елизаветы впервые открыло этот арифметический фокус. В 1761 году было предложено чеканить по 32 рубля из пуда. В монетах, таким образом, все более увеличивался элемент принудительного курса.

Еще во времена злополучной реформы Алексея Михайловича, когда пытались ввести медную копейку, сырье для нее покупали в Швеции. В середине XVIII века все более и более увеличивались размеры медной чеканки. Много меди по-прежнему покупали в Швеции. Там чеканились специальные «платы» — большие пластины меди со штемпелями в центре и по углам, эквивалентные какому-либо серебряному номиналу, например 1 шведскому далеру.

Но в то же время в России интенсивно разрабатывались собственные источники сырья, и уже в 1725—1727 годах на Екатеринбургских горных заводах из уральской меди были отлиты и отчеканены в подражание шведским русские «платы». Соотношение цен металлов было установлено такое: пуд меди стоил 10 рублей серебром.

Медь часто вытесняла другие металлы из обращения. Обилие медных монет — особенность денежного обращения России XVIII века. М. В. Ломоносов в 1748 году был награжден за свою оду двумя тысячами рублей. Награда была выдана в виде медных монет, доставленных ему на квартиру на нескольких телегах.

Перевозка монет, особенно медных, обходилась очень дорого. С 1766 года стали чеканить специальные монеты для Сибири, чтобы избежать этих трат. Чеканка осуществлялась на Колыванском монетном дворе. Выпущенные там монеты имели хождение только за Уралом. На них была надпись «Монета сибирская».

При подготовке мероприятий, связанных с выпуском облегченных медных монет по 32 рубля из пуда, правительство сделало попытку ввести бумажные ассигнации. В 1762 году планировалось учредить Государственный банк с правом выпуска банковских билетов на сумму 5 миллионов рублей. Дворцовый переворот и свержение Петра III пресекли это начинание.

Только в 1769 году правительство Екатерины II ввело бумажные деньги в виде ассигнаций. Мотивировалось это нововведение неудобством пользоваться тяжелой медной монетой, трудностями ее перевозок, но истинные цели заключались в том, чтобы добыть дополнительные денежные средства. Был учрежден ассигнационный банк в Петербурге и Москве с множеством отделений. Размены ассигнаций были обеспечены почти только в медной монете. Чрезмерный выпуск бумажных денег привел к падению их курса и зарытию монет в клады. Резолюция Екатерины II на проекте о введении ассигнаций гласила: «Для начинающейся войны на расходы первой компании учредить бумажные ассигнации, утвердя к ним точно ту доверенность, какая есть к настоящим деньгам». Екатерина не скрывала того, что бумажные деньги вводятся для покрытия чрезвычайных расходов и преодоления финансовых затруднений казны.

В 1771 году был изготовлен штемпель для монеты-великана — медного рубля. Этими рублями должны были обеспечивать ассигнации — для обращения он был не пригоден. Выпускать их предполагалось в Сестрорецке, где при оружейном заводе функционировал в то время монетный двор. Но из-за технических трудностей чеканку сестрорецких рублей наладить не удалось.

Вступивший на престол в 1796 году Павел I попытался оздоровить финансы России и избавиться от ассигнаций. Он велел выкупать их за полноценные золотые и серебряные монеты и демонстративно сжигать. Перед дворцом запылали костры из выкупленных бумажных денег. Но, чтобы полностью изъять их, потребовалась бы огромная сумма почти в 158 миллионов рублей! Сам Павел отказался от этого плана и стал снова выпускать ассигнации.

Появление ассигнаций не только в России, но и во всем мире изменило роль монеты и в торговле, и в денежном обращении. Монеты перестают обслуживать сферу крупной торговли, крупных капиталов. А когда стали ходить мелкие ассигнации, монеты потеряли свои позиции и в розничном денежном обращении. Но серебряная и золотая монеты, однако, сохраняются очень долго, доживая кое-где до сегодняшнего дня.

Памятниками сложной истории России XVIII—XIX веков являются специальные выпуски монет. Один такой выпуск был осуществлен в 1771—1774 годах для Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны. Чтобы эти русские монеты легче обращались и принимались населением, они приравнивались к местным турецким номиналам — парам: например, 3 деньги — 1 пара. Эти монеты чеканились из трофейных турецких пушек.

Желая угодить императрице, Потемкин в 1787 году наладил чеканку серебряной монеты с легендой «Царица Херсонеса Таврического». Так предполагает ученый-нумизмат И. Г. Спасский. Но Екатерине II это не понравилось. Потемкин, видимо, перестарался и выпуск монет приостановился.

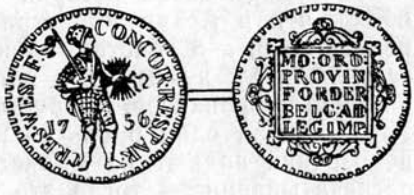
В 1756 году, в период подготовки к Семилетней войне, решено было выпустить так называемые «ливонезы» — русские монеты для Прибалтики. Они чеканились в Москве по талерному счету, имели достоинство 96, 48, 24, 4, и 2 копейки. Позднее чеканили для русских

войск в Пруссии монеты, по весу и номиналу равные частям талера, обращавшиеся там и привычные для местного населения, но с изображением императрицы Елизаветы. При помощи этой чеканки был получен довольно большой доход, но она также свидетельствовала и о политических стремлениях России — императрица мечтала о присоединении Пруссии, вот и появились на «прусских» монетах портреты «веселой» русской царицы.

Чеканились монеты для Грузии — с надписями на грузинском языке, с обозначением местных номиналов в «абазах» и «пули». Чеканка велась на Тифлисском монетном дворе, который работал в помещении старых бань с 1804 по 1833 год.

Интересными монетами в России были так называемые золотые «голландские червонцы». Они в точности походили на голландские дукаты и не уступали им ни в пробе, ни в весе. Их чеканили для заграничных платежей. Но они обращались и внутри России. Чеканка этих монет планировалась в 1768 году (год начала турецкой войны) для того, чтобы снабдить корабли, отправлявшиеся из Кронштадта в Средиземное море для борьбы с турецким флотом. Эта так называемая Архипелагская экспедиция увенчалась славной Чесменской победой. Русские корабли везли «голландские червонцы», тайно отчеканенные в Петербурге, минуя пошлинные и пограничные кордоны. Часть червонцев затонула в Чесменской бухте, часть была употреблена для всякого рода закупок в средиземноморских портах. Ими, наверное, было оплачено и дорогостоящее предприятие в Ливорно, когда искали, а потом заманивали на борт русского корабля известную в те годы авантюристку, претендентку на русский престол, объявлявшую себя «княжной Таракановой», дочерью императрицы Елизаветы.

При Павле I в России эти червонцы не чеканились, но их тип оказал влияние на оформление монет Павла — с них была взята квадратная рамка, но надпись заменили религиозной формулой на русском языке: «Не нам, не нам, а имени твоему». При Александре I голландские червонцы стали чеканить снова. В народе их называли «пучковыми» (по изображению воина с пучком стрел), или еще «лобанчиками» — потому что воина считали солдатом с забритым лбом, или «арапчиками» — воин казался страшным черным «арапом». Выпуск этих монет, видимо, был не совсем корректным по отношению к зарубежной державе финансовым мероприятием, и в официальных документах они поэтому именуются «известная монета». Их перестали чеканить в 1868 году.



Голландский дукат.
По его образцу чеканились «лобанчики».

Очень интересны пробные монеты, выпуск которых по каким-либо причинам не состоялся. Отклонение проекта новых эмиссий связано часто с какими-то важными событиями или резкими изменениями политической ситуации.

Самой знаменитой пробной монетой был константиновский рубль. Начиная с Петра I и до конца правления Екатерины II — почти весь XVIII век — на золотых и крупных серебряных монетах помещался портрет императора или императрицы. Павел I по какой-то не совсем ясной причине заменил портрет монограммой из 4-х крестообразно поставленных букв П. Александр почти все монеты, за редким исключением, превратил из императорских в государственные, лишив их обозначений царствующей особы, а оставив только герб империи. Когда он умер 27 ноября 1825 года, на Петербургском монетном дворе возник замысел нового портретного рубля.

В России смерть императора застала правящую клику врасплох. В те тревожные дни, когда принималась присяга Константину, а в запечатанном пакете лежало его отречение от престола, в те дни, когда созрел заговор декабристов, резчик штемпелей и знаменитый нумизмат-коллекционер Я. Я. Рейхель вырезал штемпели для нового рубля с портретом Константина. Успели отчеканить несколько пробных экземпляров этого рубля, в обращение он не поступил. А когда стало известно, что Константин отказался от престола и на троне будет Николай, и первые дни его правления были омрачены событиями на Сенатской площади, этот «рубль Константина» оказался некстати, его постарались засекретить. Долгое время считали, что пять пробных рублей в запечатанном ящике были вместе со штемпелями сданы в Архив канцелярии министра финансов, где и пролежали нетронутыми и нераспечатанными до 1879 года. Два экземпляра этого рубля, видимо, через руки Я. Я. Рейхеля попали к коллекционерам еще раньше, но известны они стали только после смерти Николая I, в 1857 году. Судьба почти всех экземпляров, переходивших от одного владельца к другому, прослежена вплоть до сегодняшнего дня. Штемпели этой монеты хранятся в Эрмитаже. Много труда, хитроумных догадок и остроумных предположений было сделано по поводу участи каждого экземпляра. Имена многих ничтожных людей, ничем не отличившихся в жизни, кроме того, что имели какое-то отношение к этим монетам, были упомянуты (даже их портреты были опубликованы) в нумизматической литературе.

Совсем недавно историк В. В. Бартошевич документально установил, что в Архив министра финансов было сдано в запечатанном пакете не 5, а 6 константиновских рублей. А первый, кто о них написал, любитель-нумизмат и историк Д. Ф. Кобеко, служивший в Министерстве финансов, сообщил, что в пакете было только 5 монет. Кто-то украл один рубль — или при запечатывании пакета — тогда подозрения падают на министра финансов Е. Ф. Канкрина, или при распечатывании — тогда это был, вероятнее всего, сам Кобеко. История константиновского рубля приобретает остро детективный характер, затрагивая честь высокопоставленных добропорядочных людей, умерших много десятков лет назад. Константиновский рубль — типичный коллекционерский «раритет», редкость.

После истории с рублем Константина были еще попытки возродить монеты с императорским портретом. Николай I, взойдя на престол, решительно отверг проект рубля со своей физиономией. Только в 1886 году снова появились портретные монеты в России.

В 1895 году в связи с финансовой реформой Витте, введшей золотую основу денежного обращения, царское правительство планировало выпустить золотые монеты — «русы». Были даже отчеканены пробные экземпляры. Как и франк во Франции, это название повторяло имя народа. Но дальше проектов и проб дело не пошло.

Последний раз царское правительство России чеканило серебряные рубли с датой 1915 год. Их было изготовлено совсем мало. Золотые монеты исчезли из обращения в первые же дни войны, в 1914 году. Чеканка серебра в 1916—1917 годах была незначительной. Так кончилась императорская монетная чеканка в России.

НАЧАЛО СОВЕТСКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ

Наладить денежное дело в молодой Советской Республике было нелегко. Царила разруха, вызванная гражданской войной. Золото в огромных количествах было вывезено тем или иным путем за границу. Старые чиновники саботировали мероприятия Советской власти. Экспедиция заготовления государственных бумаг, где печатались банкноты, оказалась в руках саботажников. В стране не хватало не только монет, но и бумажных денег. Царские деньги и знаки Временного правительства обесценились. Но все же их хранили некоторое время.

Под Москвой в с. Царицыно в стене недостроенного дворца XVIII века был найден клад в коробочке, состоявший из кредиток 1898 и 1909 годов, «керенок», а также серебряных и медных монет дореволюционных выпусков. Тут же лежала записка: «На, возьми, Боб, от Шарда. Вернусь после войны, 1919 год». Шард ушел воевать и не вернулся, Боб тайник с кладом не нашел. Шард был к тому же коллекционером — в его кладе были монеты XVIII века.

Из-за нехватки средств обращения были выпущены для замены денег почтовые марки, специально отпечатанные старыми клише юбилейной серии «300-летие дома Романовых» на толстой бумаге с типографским текстом на оборотной стороне. Кое-где власти на местах наклеивали почтовые марки на самодельные бумажные деньги и так пускали их в обращение. В Якутии местный нарком финансов писал на винных бутылочных наклейках: на мадере — 1 рубль, на кагоре — 3 рубля и т. д., и эти «деньги» выпускались на рынок.

Развивалась быстрыми темпами жесточайшая инфляция. Росли цены. За спички нужно было платить в 38 тысяч раз больше, чем в довоенное время. Считали на тысячи и миллионы. Ходили купюры по нескольку тысяч рублей, и разменять их было трудно. В провинции выпускали свои денежные знаки, белогвардейские власти — свои. Создавалась страшная путаница, в которой роль денег брали на себя даже книжечки трамвайных билетов.

Денежная реформа, которая должна была навести порядок в области денежного обращения, была задумана уже в начале 1918 года. Но тяжелое военное положение Советской Республики, голод, раз-

вал хозяйства заставили отложить ее. Все же удалось в этом году заменить различные бумажные знаки, ходившие в стране — «керенки», царские деньги, деньги отдельных городов, заводов — едиными денежными знаками РСФСР. Они были бумажными. Но нужны были и металлические монеты.

В апреле 1921 года в связи с переходом к нэпу Совет Труда и Обороны постановил возобновить работу старого монетного двора в Петрограде. Он назывался тогда «Медально-аффинажный завод». Сделать это было не так просто, потому что еще в 1917 году все оборудование его было поломано и растеряно. Но все же в 1921 году был отчеканен серебряный рубль высокой пробы, а также серебряные монеты в 50, 20, 15 и 10 копеек. До 1924 года они в обращение не поступали — нужно было создать запас металлических денег, необходимый для оздоровления финансов. На первом советском рубле была пятиконечная звезда, государственный герб Российской Федерации и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — великий лозунг Маркса.

Несмотря на вполне понятное стремление все менять — имена, названия учреждений, городов, улиц, хотелось поскорее покончить со старым порядком — названия металлических денег не были изменены. Это способствовало их обращению, повышало доверие к ним населения. Но главное было то, что разменная монета приравнивалась и свободно обменивалась на полновесную серебряную монету. Инфляция и падение покупательной способности денег были приостановлены.

Успех мероприятий Советского правительства по стабилизации денежного дела зависел от того, будет ли достаточен фонд драгоценного металла в стране. Предпринимаются меры для увеличения добычи золота. Еще в 1919 году Совнарком подписал соглашение о новых условиях выдачи кредита и функционирования пока еще частного Ленского золотопромышленного товарищества. Вскоре, в том же 1919 году, оно было национализировано.

В 1921 году был издан декрет Совнаркома «О распределении добываемого золота и платины», в котором устанавливался точный учет золота и платины, добываемых в стране, и обязательная их передача в Государственное хранилище ценностей. Устанавливалось, что золото и платина не могут быть предметом скупки, обработки и хранения, распределения и обмена кооперативными организациями и частными лицами, но временно, до конца 1921 года, еще разрешалась частная разработка, разведка и добыча золота. Все это привело к резкому увеличению государственного золотого запаса. 5 ноября 1922 года в интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» В. И. Ленин сказал: «Все лето наш рубль был стабилен. Это явное начало улучшения. Затем оживление производства крестьянского и легкой индустрии несомненно. Тоже улучшение. Наконец, наш Госбанк получил чистого дохода не менее 20 миллионов рублей золотом (это минимум; на деле больше). Мало, но улучшение несомненно. Мало, но начало увеличения фонда на тяжелую индустрию несомненно» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 262).

В. И. Ленин говорил о бумажном рубле, обеспеченном золотом. На очереди был реальный золотой червонец.

В 1922 году Госбанк получил право выпускать бумажные деньги, приравненные к золоту, — бумажные червонцы. Вскоре в 1923 году была выпущена высокопробная золотая монета в один червонец. На ней тоже изображался герб РСФСР и была надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Социалистической революции не требовалось, как когда-то французской буржуазной, рядиться в античные одежды, помещать на своих монетах греческих богов и абстрактные персонификации политических лозунгов. На оборотной стороне золотого червонца изображен крестьянин с лукошком на перевязи через плечо. Это изображение было взято со скульптуры И. Д. Шадра «Сеятель». Тут же — здание фабрики с дымящейся трубой и плуг. Эти изображения символизировали союз рабочего класса и крестьянства, важность возрождения промышленности и смычку города и деревни.

Золотой червонец использовался главным образом для заграничных платежей и расчетов.

Выпуск серебряного рубля нового вида относился к 1924 году. Еще в 1923 году по рисункам В. Корзуна и И. Дубасова был утвержден герб СССР и помещен на серебряных монетах 1924 года. Серп и молот были изображены на фоне земного шара, над ним звезда. Под земным шаром — восходящее солнце. Кроме герба на этих рублях изображен крестьянин с серпом, позади него — борона. Рядом стоял рабочий. Одной рукой он обнимал крестьянина, а другой показывал на восходящее солнце, как бы зовя его к новой жизни. Под солнцем были видны корпуса фабрики. Это изображение, по плакатному ясное и убедительное, провозглашало политический курс Советской власти — на укрепление союза рабочих с крестьянством, вовлечение крестьян в социалистическое строительство. Твердые деньги были основой экономического товарооборота города и деревни, необходимого для развития экономики страны (табл. XVI).

В 1924 году были отчеканены также серебряные монеты в полтинник, 20, 15, 10 копеек и медные в 5, 3, 2, 1 копейку. В 1925 году была выпущена медная монета в полкопейки.

Очень интересен плакат В. В. Маяковского, сделанный им в 1924 году:

Твердые деньги — твердая почва
Для смычки крестьянина и рабочего.

На плакате были показаны ворох обесцененных бумажных денег и ссорящиеся между собой крестьянин и рабочий. Рядом на огромном рубле 1921 года стояли и дружественно пожимали друг другу руки те же рабочий и крестьянин. За ними дымила фабрика. Рабочий держал на плече рулон ткани, крестьянин — мешок муки. Верно и доходчиво передал В. В. Маяковский суть советской политики «твердых денег», суть денежной реформы 1921—1924 годов, ее успех к 1924 году.

А вот другой плакат — «Объявим беспощадную борьбу с укрывателями разменной монеты». Денежной реформе грозили спекулянты-кулаки, которые припрятывали разменные металлические монеты, так

как им казалось, что это более твердые деньги, чем бумажные. Плакат провозглашал: «Наш классовый враг не брезгует никакими средствами, чтобы создать лишнюю трудность, помешать и затормозить победоносное строительство социализма в СССР». Показана касса и в ней кассир, разводящий руками, и тем самым как бы говорящий рабочим и работницам, стоящим в очереди за получкой, что монет для размена нет. Тут же спекулянты и нэпманы тащили в темный угол большую монету в 20 копеек.

На полтиннике в 1924 году появилось изображение, которое так полюбилось советским людям, что оно долго держалось на монетах. Это был молотобоец, бьющий по наковальне. Рядом плуг и зубчатое колесо — тоже символ союза рабочего класса и крестьянства (табл. XVI). Советский народ был как бы кузнецом новой жизни, разрывающим цепи, опутывающие земной шар.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969.

Зограф А. Н. Античные монеты. М.—Л., 1951.

Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.

Тревер К. В. Художественное значение сасанидских монет. — Труды отдела Востока Эрмитажа, т. I. Л., 1940.

Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М., 1983.

Быков А. А. Монеты Китая. Л., 1969.

Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.

Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981.

Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962.

Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М., 1973.

Дьячков А. Н., Узденников В. В. Монеты России и СССР. М., 1978.

Мошнягин Д. И., Жук А. Б. Монеты стран зарубежной Азии и Африки XIX—XX веков. М., 1967.

Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982.

Таб л. I. 1 — римская монета с головой Януса, 2 — оборотная сторона монеты Этны VII века до н. э., 3 — римский денарий Тита Каризия, 4 — римский денарий с головой Меркурия (все увеличены).

Табл. II. 1 — изображение богини Афины на монете Афин, 2 — сова на афинской монете, 3 — голова богини Девы на монете Херсонеса, 4, 5 — монеты Кносса с изображением лабиринта (все увеличены).

Табл. III. 1 — сиракузская монета с изображением квадриги (увеличена), 2 — сиракузская монета с головой нимфы Аретузы (сильно увеличена).

1

2

3

Табл. IV—V. Монеты греко-бактрийских царей: 1, 2 — Эвтидем, 3 — Геракл на

оборотной стороне монеты Эвтидема, 4 — Эвтидем II, 5 — Деметрий, 6 — Эвкратид, 7 — Антимах (все увеличены).

Табл. VI. 1 — монета Деметрия Полиоркета с изображением Ники Самофракийской, 2 — римский денарий с капитолийской волчицей (увеличены), 3 — монета с головой Александра Македонского в шкуре льва (сильно увеличена).

Табл. VII. 1 — портрет Юлия Цезаря на денарии, чеканенном после его убийства, 2—4 — портреты римских магистратов времени ранней Республики (все увеличены).

Табл. VIII. 1 — портрет Константина на золотой монете, 2 — портрет Диоклетиана на золотой монете (увеличены).

Табл. IX. Позднеримские монеты: 1 — Гонория, 2 — Валентиниана III, 3 — Ромула Августула (увеличены).

Табл. X. 1 — пражский грош Вацлава II (1283—1305) (увеличен), 2 — талер 1624 года с великаном, вырывающим дерево, 3 — саксонский талер курфюрста Христиана I, 1603 год, 4 — саксонский талер курфюрста Иоганна-Георга I, выбитый в 1630 году в честь т. н. «аугсбургского вероисповедания».

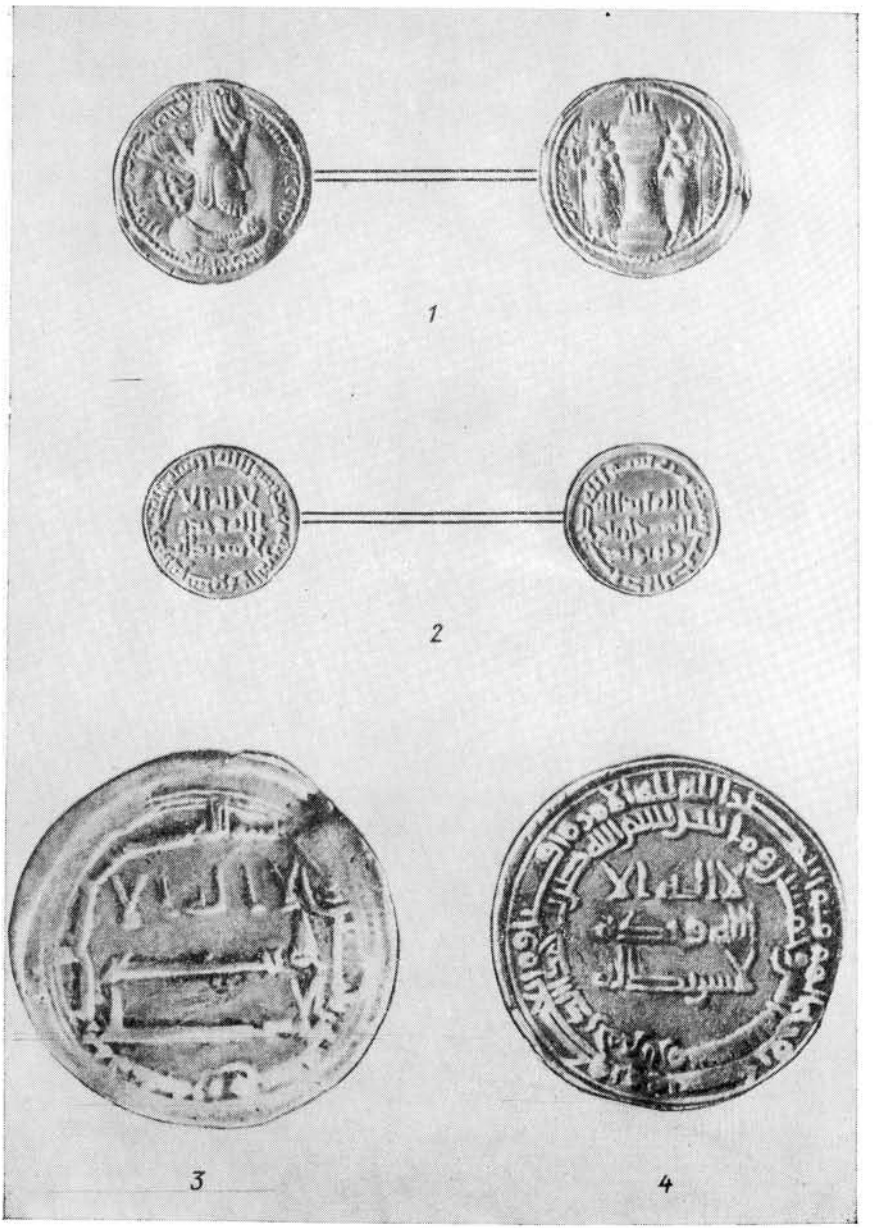


Табл. XI. 1 — золотая монета Шапура I (241—242 гг.), 2 — золотая монета халифа Омара 100 года хиджры (718—719 гг.), 3 — серебряный дирхем халифа Харуна ар-Рашида 799 года, 4 — серебряный дирхем халифа ал-Мутазза 866 года (оба увеличены).

Табл. XII. 1 — изображение чеканщика монет на тверской монете XV века (увеличено), 2 — среднеазиатский «черный» дирхем (сильно увеличен).

Табл. XIII. 1, 2 — талеры-«ефимки» с «признаком», 1655 год, 3 — монета с портретом Людовика XVI, 1786 год, 4 — монета с портретом Людовика XVI, 1792 год, 5 — монета Наполеона — первого консула.

Табл. XIV. 1 — монета Наполеона I императора, 2, 3 — монеты Людовика XVIII, 4 — монета Франции эпохи Второй республики (все увеличены).

Табл. XV. Монеты Петра I и Екатерины II: 1 — медная копейка, 2, 4 — медные полушки, 3 — медная деньга, 5 — золотая полтина Петра I, 6 — серебряный рубль Екатерины II.

1

2

Таб л. XVI. 1 — советский серебряный рубль 1924 года, 2 — советская серебряная полтина 1924 года.